

Евгений Тютаренко

ОТКРЫТИЯ, ВОЙНЫ, СТРАНСТВИЯ

адмирал - генералиссимуса
и его начальника штаба
на воде, на земле
и под землей

ТУРА

КАМЕНЬ

МУСЕЙКА

N

E

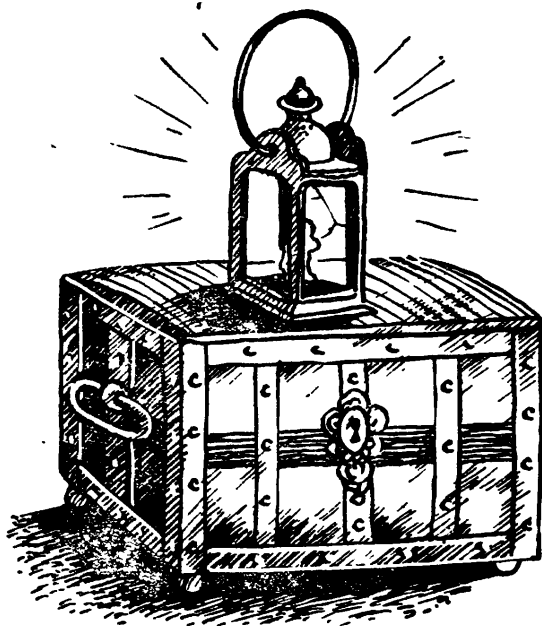
S

W

Евгений Титаренко

**ОТКРЫТИЯ,
ВОЙНЫ,
СТРАНСТВИЯ**

*адмирал - генерал вояки
и его начальники штаба
на воде, на земле
и под землей*

БОРОНЕЖ

Центрально-Черноземное книжное издательство

1988

P2
T45

Титаренко Е. М.
T45 Открытия, войны, странствия адмирал-генерал-лиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей. Повесть. — Воронеж, Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1988. — 271 с.

ИСБН

Приключенческая повесть о подростках послевоенных лет. Ребята в своих приключениях вырабатывают лучшие черты характера — смелость, верность долгу, патриотизм.

T $\frac{4803010102-089}{M161(03)-88}$ 68—88

P2

ЭПОХА ВОЙН

Дезертирство или измена?

— Отряд, стой! — коротко скомандовал Петька, и Никита замер посреди поляны: пятки вместе, носки врозь. — Вольно, — разрешил Петька.

Никита молча отодрал несколько репейников от брючины, потом лег на живот и, закусив зубами травинку, стал глядеть в чашу леса.

Петька подошел к нему и тоже лег.

На небе — ни облачка. И будто зацепенела тайга — ни ветерка.

С минуту оба молчали.

Дело в том, что треть отряда в лице Мишки Саманина почему-то не явилась в назначенное время, и друзьям уже порядком наскучило маршировать на одном месте. Кроме того, Мишка обещал привести с собой еще Владьку Егорова, а раз его нет, значит, Мишка теперь у него. Ни Петька, ни Никита Владьку не знали, и если дали согласие принять его в отряд, то, конечно, рассчитывали предварительно испытать новичка...

Егоровы появились в деревне недавно: вместе с группой изыскателей под замысловатым названием «экспедиционники». В каком-то из грядущих десятилетий через Белую Глину, как называлась деревня, должна была пролечь железная дорога, и «экспедиционники» днями напролет лазали по тайге: что-то измеряли, что-то записывали. Владькин отец командовал этой группой.

— Мишку надо судить, — решил Петька и, усевшись по-турецки, стал извлекать из-под кожи на пятке давнишнюю занозу. Он добирался до нее уже вторую неделю, так что, возможно, занозы вообще не существовало.

Никита перекусил стебелек подорожника, выплюнул его и, глядя в неведомую точку на краю поляны, заявил:

— С одной стороны, конечно, он нарушил уговор... А с другой — мы не знаем, почему его нет...

Это Никита любил: рассмотреть с разных сторон...

Волосы у него темные и острижены под машинку, оттого большая голова кажется круглой, как шар. Тетки Татьянин Колька так было и прозвал его «шаром». Но прозвище не понравилось. Теперь один только Петька иногда зовет Никиту по прозвищу, но и то уважительно — «голова».

А у Петьки волосы жесткие и желтые, как солома, и длинные — они всегда прикрывают левую Петькину бровь. У Петьки все как солома — и ресницы и брови. Говорят, это от загара. Но зимой Петька не успевал потемнеть, а летом куда денешься от солнца?

Оба мальчишки в майках. У Петьки — голубая, у Никиты — сиреневая. У Петьки дырка на боку — восьмеркой, а у Никиты — во всю спину. То есть, можно сказать, что у него майка только на животе: сзади, пря-

мо от лямок, идет сплошная дыра до самых брюк.
— Тень опять подлиннела, — сказал Петька, поглядев на сучок, который они положили у края остроко-
нечной еловой тени.

Никита промолчал, глядя все в ту же точку на краю поляны. Это всегда трудно — растолкать его, когда он уставится на что-нибудь.

Петька дернул себя за чуб и вздохнул.

— А может, он приведет Владьку прямо в землянку? — наконец спросил Никита. — Мы ж не предупреждали...

Петька даже подскочил:

— Ты что — белены объелся?!

— Оно, конечно, закон Мишке известен...

Но подозрение было слишком ошеломляющим, чтобы Петьку могла успокоить надежда на Мишкину порядочность.

— Идем в деревню! — Соломенные брови сошлись у переносицы. Петька встал, одним движением затянул ремень.

Идти в гости к начальнику экспедиционников в дырявых майках не решились. Никита извлек из-под кучи прошлогодних листьев две рубахи: свою и Петькину.

Землянка в тайге была тайной отряда. Петька обнаружил ее два года назад, сорвавшись с дерева после неудачной попытки разорить воронье гнездо. Поросшая мхом и травой, она не угадывалась даже с расстояния в один шаг. Здесь располагался штаб отряда.

Сбежав к реке, Петька выволок из камышей узкую долбленную лодку и прыгнул к веслам. Никита быстро установил руль.

— Если Мишка надумал это... убью, — пообещал Петька.

Лодка слегка зарылась в воду, потом выровнялась и легко заскользила поперек мутного течения Туры.

Тайга вплотную подступала к реке, и зеленые берега зимой и летом шумели густой хвоей... Только чуть ниже, в километре по течению, белели Марковы горы, как называли в деревне обрывистый меловой берег. Здесь все было Марково: Маркова балка, Марков лес, Марковы горы.

— Знаешь, — нарушил молчание Никита, — бабка Алена говорит: вот оттуда Марко прыгнул к русалкам.

Видишь? — И Никита показал на сосну, что росла над самой высокой точкой мелового берега.

Бабка Никиты знала все: где жили раскольники, где русалки... И даже с какого пня Марко прыгал двести лет назад...

Примерное описание мест, где развернутся будущие события

Деревня Белая Глина приткнулась к реке Туре в том самом месте, где в мутную Туру впадает говорливая и светлая речка Стерля. Что это за название такое — Стерля, — никто в точности не знал. Да и не интересовался.

За Стерлей, в двух-трех километрах, на горе, дымила дымами, будто приклеенная к склону Рагозинской горы, деревня Рагозинка.

За Турой, километрах в четырех-пяти, через луг и пойму, еще деревня — Туринка.

А сельсовет и школа были в Курдюковке. Это километра два с половиной вверх по Туре.

Что было дальше, за этими деревнями, где вокруг, от самых деревень и дальше — куда глаз достанет, — тайга, Петька с Никитой представляли едва-едва. Им доподлинно было известно, какой цвет имеет Черное море, как выглядит американский Нью-Йорк с его небоскребами, сколько рубиновых звезд горит на Кремлевских башнях в Москве, а вот какво Верхотурье, где райцентр, или — тем более — Свердловск, где область, — ни тот, ни другой не имели ни малейшего понятия.

В Рагозинке жили Рагозины, в Курдюковке — Курдюковы, в Туринке — Турины, а в Белой Глине — разнофамильцы, потому что до такой фамилии, как Белоглинские, в старину не додумались. Жили в Белой Глине и Курдюковы, и Рагозины, и Голопятовы, и даже Сопляковы, хотя и всего-то деревня была — пятьдесят дворов. Но Сопляковым был до революции барин, и усадьбу его на хуторе по сей день звали Сопляковкой.

С курдюковцами и туринцами белоглинцы мало общались, а с рагозинцами у них существовала давняя и прочная вражда.

Стерля служила враждующим сторонам естествен-

ной нейтральной полосой. По правому ее берегу рыба-чили рагозинцы, по левому — белоглинцы. Случалось иногда, крючками путались. Ну, тогда уж — чья леска крепче.

Каждый белоглинец учился говорить с такой припевки:

Рагозинская шпана —
На троих одна штана,
Один ходит, другой водит,
Третий в очередь стоит.

Почему «водит» — никто не знал.

Но главным недостатком припевки было другое: то, что в ней легко заменялось первое слово. И рагозинские новорожденные обучались говорить на припевке, в которой только начало — «Белоглинская шпана...» — звучало оригинально, а дальше все шло так же, как и у белоглинцев.

Зная эти сложные взаимоотношения между деревня-ми, легче понять, почему тайна землянки была довере-на довольно-таки неустойчивому в своих привязаннос-тях Мишке, который мог бросить всех и каждого за разрешение помочь косому дядьке Андрею в кузне, а через два дня забывал про косога дядьку Андрея ради возможности покормить голубей у Евсеича... Но ребят в Белой Глине было немного. Два человека — это не компания. На многое ли развернешься вдвоем? Но не приглашать же в землянку рагозинцев!

Егоровы: сам, его жена, желтоволосая, тонкая, как девчонка, и трое детей — Владька, Светка и Димка (от горшка два вершка) — поселились как раз на быв-шем хуторе Сопляковке.

Добротный шестикомнатный дом сопляковского ба-рина выдержал десятилетия без особых разрушений. В нем один за другим похозяйничали почти все белоглин-цы. Женится, например, Федька, сын дядьки косога Андрея, на Наташке, завпочтой из Курдюковки, — все-ляются молодые в барский дом. Но кому нужны эти пус-тые хоромы? Да и побегай-ка молодая, потопи-ка зимой три печи! И, глядишь, через месяц-другой Федька сру-бил себе домик: и поскромнее, и потеплее, и поуютнее. А на хуторе временно склад устроят. Председатель — он пустоты не терпит. Потом опять кто-нибудь займет усадьбу ненадолго. И так без конца.

Чтобы поделить дом, перегородить, перестроить — до этого никому не хватило ума додуматься.

А экспедиционники быстро — раз-раз, — и получилось два входа: две двери, двое ворот, две калитки. Через одну ходят Егоровы, а через другую Кравченко — тоже экспедиционники, семья инженера.

Вот к этому-то хутору и приближались теперь два приятеля. Мысли Никиты витали где-то далеко и высоко — по его лицу ничего не поймешь. А Петькину физиономию, если хочешь, читай как открытую книгу...

Поляна за рекой была постоянным местом сбора.

Но Мишка в последние дни что-то слишком зачастил к Владьке. Сегодняшняя встреча и должна была разъяснить вопрос, что за человек Владька — стоящий или нет.

Изменник отделяется царапиной

Шагах в двадцати от тропинки паслась на длинной веревке коза. А рядом с козой торчала из травы лопухая голова Кольки тетки Татьянина.

— Эй, голая команда! — окликнул Петька.

Колька вскочил и в мгновение ока предстал на дорожке перед властным Петькиным взором.

— Мишка проходил туда? — кивнул Петька в сторону сопляковской усадьбы.

— Тама, — отрапортовал Колька. Огромные глаза его сияли готовностью куда угодно побежать и что угодно сделать...

— Та-ак... — процедил Петька. А Никита, подумав секунду, велел:

— Жми на всех парусах. Скажешь: граф Монте-Кристо сейчас будут. Понял? Больше ничего. Граф Монте-Кристо.

— Понял... — не очень уверенно заявил Колька. Но так как переспрашивать не следовало, он развернулся и полным ходом устремился к дому Егоровых.

Колька уже готовился в первый класс, но до сих пор еще носил штаны с разрезом, и на бегу время от времени мелькал его голый зад.

Первым навстречу друзьям выскочил Мишка, а за ним — Владька: длинноногий, аккуратный, с рыжими волосами, неправдоподобно белым лицом и рыжими вес-

нушками, рассыпанными по этому благодатному белому полю.

Мишка по-всегдашнему засуетился, замельтешил — ни секунды на одном месте.

— Ну! — сказал он всем. — Вы, чай, знаете друг дружку. — Владьке: — Я говорил — придут. Ну и вот. Порядок! — Петьке: — Тут, понимаешь, именины! Ну прям никак нельзя! — Никите:— У этого — Димки — у шмока! — именины! Ха! А мороженое — ну! Пробовал? Пальцы оближешь!

— Двенадцать было?.. — негромко спросил Петька.

Но в это время из ворот выбежала, будто выпорхнула, Владькина мать и приятно этак запела:

— Ребятки, разве можно! Девочек бросили, именинника бросили! Владик, почему ты не приглашаешь ребят? Зови сейчас же! Идемте-идемте! Не надо стесняться! Здесь все свои!

Петька с Никитой переглянулись и молча шагнули в калитку.

— У него, понимаешь, ружье настоящее, духовое называется, — на ходу сообщил Мишка. — Воздухом бьет!

— У меня и наган был, — скромно подтвердил рыжий.

— А мороженое!.. — снова зашептал Мишка.

Но отведать мороженого приятелям не довелось. В комнате, куда вошла вся компания, сидели трое: Димка, Владькин брат, лет четырех-пяти от роду — именинник; ровесница Кольки тетки Татьянина — кудрявая, с огромным бантом девчонка — Кравченко, и Светка, Владькина сестра, тонкая, красивая: глаза что твой самоцвет, а волосы до плеч — ровные, гладкие и желтые. Но не такие, как у Петьки или у Мишки, а совсем светлые.

Правда, Петька все это разглядел только минуту спустя. Первое, что он увидел: в комнате, в углу, под самый потолок, стояла елка. Петька как увидел ее, так и обмер, аж побелел весь.

— Кто срубил? — чуть слышно спросил он у Мишки.

Тот загорелся:

— Думаешь, я? Вот те... Ну, чтоб мне землю грызть! Я тут ни при чем! Вхожу — уже стоит! Именинник, по-

нимаешь, захотел! Чтоб день рожденья у него такой праздник, как Новый год, был!

К этому времени все вошли в комнату, и дальнейшие объяснения пришлось отложить на потом.

Эту елку с тройной вершинкой Петька узнал бы из тысячи. Года полтора назад ее задел трактор, когда запахивали холмы. Петьке жалко стало, утащил ее и прикопал на опушке. Думал, не приживется, а она прижилась. Так и говорили все: Петькина елка. «Где?» — «Да там, у Петькиной елки». — «Куда это?..» — «Ну, если от Петькиной елки глядеть...»

Никита Петькины чувства понял без слов.

— Ничего не трогай... — шепнул ему Петька.

— Светлана, — как-то по-особому, буква к буквке, проговорила Владькина сестра, подавая тонкую мягкую руку.

— Петька...

— Светлана...

— Никита... Монтекристов, — зачем-то соврал он.

Владькина мать убежала за угощением, Владька полез в шкаф за ружьем, сестра его принялась что-то объяснять имениннику («Димочка... та-та-та-та!»), а Петька тем временем, будто невзначай, оказался рядом с елкой и чиркнул острым, как бритва, ножом по шпагату, которым елка была притянута к стене.

Никита при этом невозмутимо разглядывал что-то в полуметре над головой Владькиной сестры.

Владькина мать принесла в блюдах мороженое, вроде сметаны, только с крапинками.

— Я не ем это... — сказал Петька.

— Почему? — встревожилась мать.

— Зубы болят, — соврал Петька.

— А ты, мальчик? — с надеждой обернулась она к Никите. Никита кашлянул, тронул себя за горло.

— Ангина...

Больше никто ничего не успел сказать.

Петька думал, что надо будет шевельнуть елку. А она постояла, постояла, и вдруг тройная верхушка ее дрогнула и сначала медленно, потом — коротко, с маху описала четверть круга.

Все, ахнув, шарахнулись к стенам. А именинник шлепнулся со стула и оказался под елкой. Энергичный Петька схватил его за одну ногу, Мишка за другую — вытянули.

Владькина мать бросилась к нему со слезами.

— Маленький мой! Димочка!.. Ну, кто же так привязывает дерево! Папа! Где ты там! Маленький мой!..

«Уходим», — кивнул Петька на выход.

На лбу именинника появилась крошечная царапина — будто котенок лапой тронул. Больше никаких повреждений не обнаружилось.

Мишка и Владька вышли во двор почти следом за Никитой. На улице все четверо остановились друг против друга.

— Знаете, — сказал Мишка, — Владька предлагает назвать отряд «Корсаром»! А? Здорово?

— Мы свою дорогу сами знаем. Провожатых нам не надо, — разъяснил Петька. И повернулся, чтобы уйти.

Но Владька вынудил его задержаться.

— Подумаешь! Напрашивается кто-то! — вызывающе заговорил Владька. — Вот дорога! По какой пришли...

— Ну, ты! — оборвал его Петька. — Голодранец рыжий! Елки рубить приехал?

Если бы Мишка не удержал Владьку — была бы драка. Но Мишка оттащил его за рукав и быстро-быстро зашептал что-то: Владька еще не знал местных обычаев — белоглинский с белоглинским на кулаках не дерутся.

— Деревня.. — сказал Петька и смерил обоих презрительным взглядом сначала снизу вверх, потом сверху вниз.

Владька сорвал небольшой лопух возле тропинки и бросил его к Петькиным ногам. Петька подобрал лопух, сунул в карман.

— Вызов принят.

— Сегодня, — сказал Владька.

— Вечером, — сказал Петька.

— На поляне, — добавил Мишка.

Он и Владька ушли в калитку. А Никита и Петька через десять минут разыскали свою лодку в тальнике и некоторое время еще побыли на берегу... Нельзя сказать, что происшедшее вызвало обиду, но настроение испортилось.

Во-первых, они потеряли друга, и теперь опять оказались вдвоем. А во-вторых, было все же приятно поче-

му-то сидеть у этих Егоровых... Ну, сидеть и время от времени глядеть на Светку... Не почему-нибудь, а просто так. Но посидеть не пришлось.

— С одной стороны, ты, конечно, свалил эту елку на именинника, а с другой стороны — ты же и первым спасал его, — подытожил свои раздумья Никита.

Приговор

Пока плыли через Туру — молчали. Все и так было ясно.

Потом, когда развернулись по течению, Петька сказал:

— Будем судить.

Никита греб и ничего не ответил.

Лодка неслась быстро и плавно, будто приседая при каждом гребке.

Мутная вода, тихонько журча, струилась по бортам, потом скручивалась в тугие, частые воронки и уплывала назад. Ошалелые стрижи секли воздух во всех направлениях и то припадали к самой воде, то взмывали высоко-высоко и словно бы растворялись на солнце.

— К дождю... — сказал Никита.

Когда показались Марковы горы, он опустил весла в воду, притормаживая немного, и скоро лодка зашуршала в камышах старой, заболоченной поймы...

Тут они ее и прятали всегда. Место было надежное, проверенное.

Друг за другом вскарабкались по глинистому склону на берег. И хотя оба очень спешили на этот раз, ни тот ни другой не подумали изменять своему обычному правилу.

Дело в том, что до землянки, если шагать напрямиком, всего километра полтора. Но если ходить в открытую, кто-нибудь обязательно подглядит. К землянке добирались окольным путем: километра два крюк — до болота, а через болота, в камышах, где ползком, где пригнувшись, — подкрадывались к землянке почти вплотную...

У кромки болота присели, по обыкновению, огляделись...

Ни души. Теперь от дерева к дереву по мху — дальше. Мох — он, если не водянистый, любые следы скро-

ет. Чуть прогнется только, а шагнул ты дальше — он опять выровнялся.

Вход в землянку был замаскирован — лучше не придумаешь. Где кедрач, например, или сосна, там лес голый будто, одни палки. А здесь ель, пихта, береза, осина — сплошной бурелом.

Впереди Петька, за ним Никита юркнули под огромную пихту. Лапы ее свисали почти до земли, так что двигаться надо было на четвереньках. Вместе чуть сдвинули в сторону будто случайно образовавшуюся кучу валежника, и под нею в земле открылся неширокий, подосевший от времени лаз.

Никита привычно скользнул вниз. Петька нащупал ногами ступеньку и, прежде чем спуститься дальше, подвинул над головой на прежнее место кучу валежника, так что теперь снаружи их можно было разыскать разве только с собакой.

Никита нащупал в темноте на ящике спички, легонько чиркнул, и спустя несколько мгновений под треснутым стеклом засиял огонь фонаря «молния».

Неприметная сверху землянка была изнутри отделана прочными бревнами и даже прошпаклевана мхом. Только задний простенок был почему-то земляным, и, оползая постепенно, глинистая почва грозила со временем заполнить всю землянку. Но это могло быть еще когда-то...

На стенах землянки висели три лука. На специальной полке — стрелы с железными из твердого листа наконечниками, в углу стоял подремонтированный Никитой стол, а в двух ящиках напротив легко было найти все, что только может понадобиться в тайге двум-трем самостоятельным людям: огарки свечей, банки с рыболовными крючками, шпагат, два ножа, сетка от комаров, напильник, плоскогубцы, гвозди, сыромятный ремень, тугая противогазная резина, коробка пороху для будущего ружья, которую Петька выменял в Курдюковке за негоревший фонарик, две запасные уключины, цепь, эбонитовое стекло, котелок, наконечник остроги, ложки, наконеч, штык, ржавая бляха и два отсыревших патрона, которые Петька нашел здесь же, в землянке. А всякую остальную мелочь просто не перечислишь.

Петька раскрыл толстую клеенчатую тетрадь — устав, вахтенный журнал и дневник, на первой странице

которого было записано, что хранить до конца тайну отряда — это первое обязательное условие для его членов, мгновенно являться на сборный пункт по зову командира отряда — второе условие, по тревоге, объявленной любым членом отряда, являться тоже — это третье, нигде, ни при каких обстоятельствах не покидать товарищей — это четвертое... и т. д. Давно ли Мишка добровольно клялся по всем этим пунктам, а потом еще ставил свою барахляную фамилию внизу?!

— Пиши, — сказал Петька.

Никита послунывил карандаш: валяй, мол, диктуй.

— Значит... — Петька засунул руки в карманы и, злой, решительный, выпрямился над фонарем. Тень его, изломившись, протянулась от стола через стену до самой середины потолка. Петька откашлялся, шевельнул губами в поисках нужного слова. — Пиши: выгнать ханурика из отряда! Точка.

— Погоди, — сказал Никита. — Тут надо по правилам: год, число, месяц, слушали, постановили — как в правлении.

Через двадцать минут мучительного редактирования, согласно всем канцелярским требованиям, приговор был составлен и скреплен в одном углу страницы подписью командира, в другом — начальника штаба.

О надежности оружия

— Поспеем? — спросил Никита.

Петька извлек из ящика тяжелую березовую палку и нож. Надо было делать себе новую шпагу. Старую свою, много раз испытанную, он загубил недавно.

По традиции, секунданты обязаны были сражаться наравне с главными противниками, поэтому Никита тоже достал свою шпагу: надо проверить, мало ли что. Раза два ткнул ею в мох между бревнами, потом не очень сильно ударил по ящику ребром, плашмя, снова ребром... Шпага у него была не хуже Петькиной старой: с «усиками», с лотком «для крови», отполированная куском стекла почти до блеска, со следами былых дуэлей — в зазубринах.

— Не струсит рыжий?.. — любопытствовал Никита, присаживаясь на ящик, чтобы отдохнуть после тренировки.

— Струсит на шпагах — так выпорю... — хладно-

кровно пообещал Петька, разглядывая свое не очень красивое оружие. — Надо бы отшлифовать — время поджимает...

По существу, это была не шпага, а меч.

Дуэли вошли в моду около года назад. И примерно с месяц рубились на дранках с энтээсовской пилорамы. Но дранка есть дранка: у одного длинная, у другого короткая. Только сойдутся — глядишь, одна сломалась. Перекур. Безоружного не бьют. Надо менять шпагу. А Никита раз вышел с березовой наподобие меча — штук тридцать дранок переломал. С тех пор начали мастерить оружие каждый для себя, чтобы главное при этом было — крепость.

Мало-помалу обговорили новые правила.

Если раньше было так: выйдут один на один — стоп, шпага сломалась. Дадут новую — опять стоп. Дранка ж такое оружие — как подставишь ее. Теперь установили: хватит. Сломалась шпага — если трус, поднимай руки, а выдержка есть — получай прямой, с выпадом в грудь.

Наконец, чтобы все делалось по-мужски, ограничили длину шпаг. Она должна равняться длине правой руки от сгиба ладони плюс ширина плеч. Благодаря этим нововведениям шпага, сохранив свое прежнее название, постепенно видоизменилась в не очень красивый, но зато прочный, массивный и удобный меч.

Сумасшедший

Сначала шпага, за ней Петька исчезли вверху. Никита еще раз проверил, все ли в порядке, загасил фонарь и со шпагой в зубах полез на выход.

— Ну... («Граф, вас ждут великие дела», — хотел он сказать для бодрости), но в это время Петька больно ударил его сверху ногой по голове.

Никита, проглотив невольное ругательство, выглянул на поверхность.

Потом змеем выскользнул наружу.

Оба затаили дыхание.

Буквально шагах в десяти от их убежища слышался говор. Случайный ветерок шелохнул ветки шиповника, и в лицо пахнуло запахом костра.

Говор стих.

«Быстро!» — одними губами приказал Петька, и,

ползая на животах, они в несколько секунд заложили хворостом выход из-под земли.

Никита ткнул пальцем в гнилушку и сделал движение рукой, означающее: «Хорошо, я надумал брать ва-лежник с болота — мало ли кому понадобится на костер!..»

Петька мотнул головой: «Ползем!» — и, придерживая левой рукой свою шпагу, двинулся первым. Работая локтями, Никита догнал его. Дальше поползли рядышком, сантиметр за сантиметром приближаясь к невидимым собеседникам.

Едва приметный костер тлел на крошечном, в несколько метров пятачке между деревьями. Прокопченный до сини котелок слегка покачивался на двух сведенных к центру рогатулинах.

Лицом к Никите и Петьке у костра сидел незнакомый лет пятидесяти мужик с густой черной бородой, в кепке, надвинутой глубоко на лоб, в теплой телогрейке и охотничьих сапогах. Рядом, у его ног, валялось ружье.

А спиною к друзьям сидел на обрубке осины маленький взлохмаченный старик, голова которого казалась огромной от беспорядочно разросшихся седых косм, так что нельзя было разобрать, где кончается шевелюра, где начинаются борода, усы.

Глаза Петьки заблестели. Готовый позабавиться, он даже приподнялся. Но всегда уравновешенный Никита (которым на этот раз руководило, с одной стороны, благоразумие, а с другой стороны — возможность отомстить за удар по темени) больно ткнул Петьку локтем в бок. И, неслышно огрызнувшись, Петька остался лежать.

Взлохмаченный старик был сумасшедшим. Звали его Проней. Кто первым узнал, что зовут его именно так, — не важно. Дня три назад он явился в деревню по одной из таежных дорог, сутулый, седой, пропыленный (тайга нет-нет да и выкидывала что-нибудь такое, особенно в эти, послевоенные годы), и не успел он пройти десяти дворов, как мальчишки уже пристроились за ним: «Проня! Проня!..» Он быстро кивал направо, налево, счастливо улыбался до ушей, встряхивал косматой гривой и, часто притопывая ногами, смешно подпрыгивал на одном месте.

«Здравствуй, Проня!» — кричал кто-нибудь из маль-

чишек. И радостный Проня оборачивался на голос: «Здрасти! Здрасти!..»

Сердитые хозяйки разгоняли мальчишек, звали Проню во двор, давали хлеб, картошку, соль и, жалостливо кивая головами, кормили пшеничным супом.

«Издалёку, отец?»

«Далеко, милая, далеко! От бога ж мы! — счастливо улыбаясь, быстро, но внятно говорил Проня. — Отколь же быть? Земля, чай, от бога? Мы тоже! Каменья, каменья — земляца-то! Благода-ать! — Он вдруг пугался на мгновение, торопливо шарил невидящими глазами по земле, хватал первый попавшийся булыжник, ласково гладил его и, опять счастливый, повторял: — Благода-ать!..»

Где он расставался со своими булыжниками, никто не видел, но отыскивал он их везде — по дороге, у реки...

Чернобородый поднял голову и поглядел на сумасшедшего старика. Густые черные брови скрывали выражение узко прищуренных глаз.

— Ну, и что же дальше?..

Старик выпрямился, взмахнул стиснутыми кулаками.

— Проклятый камень! Я видел его!

— Что толку, дурак... — сказал чернобородый, ковырнув палкой угли, так что над костром взметнулось облачко золы.

— Тридцать лет! Но я видел эту речку! Я видел камель!

— Что проку, говорю?.. — как о чем-то надоевшем, опять повторил чернобородый.

Старик даже задергался на своем чурбаке.

— Этот камень провалился! Но я найду его, ты увидишь. А не найду — обшарю каждый ручей. Сегодня убедишься! Делалось прочно. Глухомань. Зало, прихожая! Подземные хоромы! Милостисдарь!.. — передразнил кого-то старик.

— А что ж он, идиот-то этот, верующим был, что на библию понадеялся? А? — усмехнувшись, спросил чернобородый, медленно разминая выхваченную из костра картофелину.

Приятеля не дышали. Им нравилось, с какой серьезностью чернобородый разыгрывал старика.

— О, где этот камень.. — повторил сумасшедший.—

Тут береза была... — Проня оглянулся. — Благодать!

Чернобородый бросил обгоревшую кожуру назад, в огонь, вытер пальцы о телогрейку, достал из кармана кисет.

— А ты, случаем, не чокнулся тогда от радости? — неожиданно спросил он.

Но ответа Петьке с Никитой не довелось услышать, так как в этот момент под локтем Никиты сухо треснула хворостина. Чернобородый разом вскочил на ноги, шагнул в сторону затаившихся друзей и внимательно взгляделся в кусты.

— Кто здесь? — спросил он голосом, от которого приятели поежились.

А чернобородый опять возвратился к костру.

«Жмем!» — шепнул Петька. И сначала медленно, осторожно, потом быстрее они отползли на несколько шагов прочь от костра. Потом от дерева к дереву, бегом — в камыши. Наконец во всю прыть — через болото, к реке.

Дуэль

Чего уж не было на белоглинских дуэлях, так это примирения. Подобная разновидность мушкетерской трусости была чужда белоглинцам. Не та эпоха. Да и народ, видать, покрепче стал. Потому даже Колька тетки Татьянин предпочитал смерть в бою примирению без боя, то есть чтобы пожать протянутую руку — это ни в какую. Хорошо, правда, что никто еще и не протягивал ее ни разу.

Когда Петька и Никита подошли к месту дуэли, Мишка и Владька уже поджидали их. Но противники не стали упрекать друг друга. Холодно переглянулись, холодно сошлись в центре поляны, чтобы измерить шпаги. Каждый по очереди упирал свою шпагу острием в правую ладонь и прикладывал рукояткой к плечу. У всех, за исключением Мишки, была норма. Мишка сантиметра на два перебрал в длине, но Петька умолчал про это, только сверкнул глазами сначала на Мишку, потом на Никиту: «Видел?» Никита глазами ответил: «Ерунда».

Снова разошлись.

Командовать поручили Мишке. Он скомандовал:

—Три... Четыре.

Поединки должны были начинаться одновременно, но не успели Петька со своим противником сделать по шагу навстречу друг другу, как Никита вихрем налетел на Мишку, одним ударом из-за плеча выбил у него шпагу, вторым двинул ему между ребер, и на этом единоборство секундантов закончилось.

Мишка подобрал свое оружие, зачем-то скребанул в затылке и сел на бугорок, рядом с Никитой, чтобы лучше видеть дальнейшие события.

Вообще-то Мишка умел драться, но, может, раскаивался, что его засекли с двумя-тремя сантиметрами, может, не хотел вовсе уж портить отношения со своими вчерашними друзьями или еще что — кто его знает. Раз есть победители, должны быть и побежденные. У каждого своя гордость. Колька тетки Татьянин, к примеру, еще считать как следует не научился, а уже был сорок два раза убит на дуэлях. Это тоже не всякому дано.

Короче говоря, секунданты приготовились наблюдать, основные противники начали сходитьсь. Владька — как достойный потомок каких-нибудь там графов де ла Бе — приветливо улыбнулся и хотел сказать одну из мушкетерских колкостей, но так как противник его шел молча, он тоже ничего не сказал. Только улыбку потупил...

А бить разрешалось только в грудь, до пояса. Причем самый кончик шпаги закруглялся во избежание укола. Прикосновение к груди в зачет не шло. Засчитывался лишь удар, которого противник не мог оспорить.

Первый выпад сделал Петька. Но Владька отшатнулся, коротким ударом отбил его шпагу вверх и сделал ответный выпад, так что Петька едва ушел в сторону.

Эти пробные секунды боя показали, что на легкую победу лучше не надеяться. Тогда Петька решил измотать противника.

Шпага его замелькала будто бы сразу в нескольких направлениях. Но при этом она всюду натыкалась на Владькину шпагу, и если бы дерево вдруг оказалось металлом — яростный звон слышался бы в самой дальней деревне.

Сначала Петька норовил развернуться так, чтобы Владька оказался лицом к солнцу, но скоро утратил ко-

ординацию. И то видел солнце перед собой, то замечал его сбоку, то вовсе не знал, где оно.

Бой становился напряженным. Секунданты начали волноваться. Мишка не выдержал даже и подсказал:

— Слева!

За что тут же получил предупреждение от Никиты.

У Владьки была тонкая узкая шпага. Поэтому, когда Петька заметил, что противник его стал меньше думать о выпадах, а стремился вложить в каждый удар побольше силы, он с готовностью ответил ему тем же.

Соппротивление новичка разъярило Петьку, и он уже представил себе, как под его ударом разлетается хлипкое оружие противника, когда послышался треск.

Все дальнейшее завершилось в несколько мгновений.

Ярость едва не погубила Петьку, ярость и спасла его.

Треснув, разломилась надвое не Владькина, а Петькина шпага. И от неожиданности и от злости Петька совершил невозможное. Еще ни Владька, ни секунданты не успели понять, что случилось, как Петька, чья реакция обгоняла мысль, с отчаянием погибающего рванулся вперед, коротким взмахом в прыжке отбил шпагу противника и, падая, сильно ударил Владьку своим обломком прямо в грудь.

Так что упали они оба. Владька — плашмя на спину, Петька — плашмя на живот.

Он вскочил первым. А Владька сел на траве и тронул грудь. Больно.

— Это — за елку. В другой раз не порубишь, — наставительно сказал Петька и зашагал прочь.

— Техника, — разъяснил Никита своему соседу по кочке.

Мишка от дискуссии отказался.

До самой реки победители шли молча. И сели в лодку, равнодушные ко всему. И в молчании выплыли на середину реки.

Только здесь Петька немного оживился.

А Никита сказал:

— Шпага-то у него, знаешь, клееная. Из лыжины, что ли. На вид — тьфу, а крепость...

Выходит, победа досталась еще легко...

Помощник

Домой Петька пришел уже в темноте. Сунул весло за топчан в сенях.

Мать хозяйничала на кухне. Лампа в горнице едва тлела, и под кроватью и по углам чернели тени.

Петька взял со стола кружку парного молока, пирог с капустой и только теперь почувствовал голод.

Когда мать вошла в горницу с тарелкой дымящихся галушек в руках, ни молока, ни пирога с капустой уже не было.

— И где тебя носит... — по-всегдашнему запричитала мать. — Нет по-людски чтобы... Одним молоком... На что ж я галушки-то грела?

— Больше не хочу, — заявил Петька. Но, чтобы не расстраивать мать, взял ложку и принялся вылавливать тугие галушки. — Много надоила сегодня?

— Где там... — вздохнула мать. Потом спохватилась: — Митька-то прихворнул ноне. Кто ж стадо выгонит? Ты бы попас Ягодку завтра. Доить днем не буду...

— Попасу, — пообещал Петька, тут же прикидывая в уме, как совместить эту свою новую обязанность с прочими делами.

— Да что-то щеколда расхлядалась у сарайки. Того и жди, отвалится... — посетовала мать.

— Сейчас сделаю.

— Да чего же сейчас-то? Завтра! — забеспокоилась мать.

Но Петька не любил откладывать хозяйственные дела на завтра. Взял молоток, гвозди, вышел во двор.

Над рагозинской церковью (где был клуб) поднималась ущербленная луна.

Двумя десятисантиметровыми гвоздями Петька намертво закрепил щеколду, потом заодно приколотил отошедшую дощечку в заборе.

Мать постелила ему в сарайке. Налила в таз горячей воды. Но так как сама она после этого вошла на крыльцо, Петька лишь для порядка побултыхал в тазу ногами и выплеснул воду на помойку.

— Все, мам...

Мать неслышно вздохнула, но проверять результаты мытья не стала. А Петьке всякий раз, когда она так вздыхала, хотелось тут же заново перемыть ноги, потому что мать у него была самая лучшая на земле...

В эту ночь он вовсе, кажется, не спал. Всего и запомнил, как рубаху стаскивал. И вытянуться вроде не успел, как проснулся от петушиного крика:

— У-а-эхо-о!..

Петька выскочил из-под фуфайки, запустил в петуха собственными штанами, и сон как рукой сняло. Из чувства мести бросил в краснобородого дурака еще двумя березовыми полешками, отчего залотошило в один голос все куриное семейство, и принялся одеваться.

В щели сарая заглядывало раннее солнце.

Мать спала.

Ежась от холодной росы, Петька махнул через плетень в огород старика Евсеича и задами помчался к Никитиной избе.

Выдернув с Евсеичевых грядок две морковины, отер их ботвой и позавтракал на ходу.

Окно в комнату Никиты было закрыто. Петька осторожно растворил его, прыгнул на подоконник и, прихватив со стола кружку воды, хотел было вылить ее на подушку спящего Никиты. И уже брызнул чуток под самое одеяло, когда спящая фигура вздернулась, и Петька увидел перед собой рассвирепевшую бабку Алену.

— Ты чевой-та, пострел, удумал?! Ты энто откедова тут? Вот я те!..

Но Петька не стал дожидаться, когда бабка нашарит ногами под кроватью свои калоши. Приткнув злополучную кружку на сундук возле окна, он тем же путем, как и прибыл, выскочил на улицу.

— Чуру нет на бесенят! Де ж энто в окна ходют люди?! Мож, в Германии?! Так мы не германцы, чай!..

Оказывается, Никита пристроился спать на сеновале.

Петька предчувствует опасность

Корову пришлось гнать вверх по берегу Туры до переката. Здесь — Никита впереди с веревкой, Петька сзади с двумя парами брюк и длинной хворостиной в руке — кое-как перетащили Ягодку на противоположный берег реки. Глупая животина упиралась, тянула вверх по течению, мотала головой, так что один раз, на том коротком участке пути, где нужно было пробираться вплавь, Никита едва не выпустил из рук натянутый по-

вод, и кто знает куда после этого вздумалось бы Ягодке направить свои копыта...

Корову, понятное дело, можно бы попасть и на своем берегу. Но просидеть возле нее целый божий день — это еще Кольке тетки Татьянину куда ни шло. А у друзей было достаточно своих забот.

Ягодку решено было предоставить самой себе. Загнали ее на треугольник леса, с одной стороны которого была река, с другой — овраг, а от общей массы тайги этот благодатный клочок отделяла высокая изгородь из колючей проволоки, неведомо зачем и в какие годы установленная лесничеством.

Затем, завершив традиционный крюк — через лес и болото, предприимчивые пастухи скоро добрались до камышей, от которых двадцать шагов — и землянка.

Но тут Петька неслышно присвистнул. Никита сначала не понял его, а когда выглянул из камышей, то не присвистнул, а прямо сел на месте. Достаточно было одного опытного взгляда, чтобы увидеть следы вторжения на территорию между землянкой и болотом. Трехлявый ствол осины кем-то сдвинут и развалился. Слой прошлогодней хвои в междуелье будто вспахан кем...

Под пихту нырнули одновременно. Стукнулись головами. Надо бы стукнуться еще раз, чтоб не умер кто из родных, но тут уж было не до суеверий.

Хорошо замаскированный вход с виду был не тронут. Но мало ли что с виду... В четыре руки расшвыряли по сторонам валежник, Петька впереди, Никита — за ним спрыгнули вниз.

Чиркнула спичка. Дрожащими от нетерпения руками Петька зажег фонарь. Потом минуту или две с молчаливым удивлением оглядывали землянку. С удивлением не потому, что за их отсутствие что-нибудь изменилось здесь, а как раз потому, что было все совершенно таким, каким они оставили вчера. И на смену первому напряжению явилось новое. Петька выглянул наружу и аккуратно, насколько это возможно изнутри, прикрыл вход. Никита, сосредоточенный, сел на ящик у стола. Когда Петька спустился, друзья обменялись одинаково тревожными взглядами.

Первая законная мысль о Мишке отпала сама собой. Зачем бы Мишке ворочать хвою, когда он и без того знает сюда дорогу? А кому понадобилось это...

Засунув руки в карманы, Петька еще раз медленно

оглядел стены: ящики с инструментом, полку, луки...

— Кто-то шарит нашу землянку... — сказал Петька.

И вот когда он это сказал, на некоторое время установилась полная тишина: до звона в ушах. А потом Никита сказал такое, от чего у Петьки все на мгновение похолодело внутри, а широкие глаза Никиты зажглись точечными огоньками напряжения, и обоим показалось вдруг, что они здесь не одни в землянке, что рядом присутствует, слышит и, может быть, видит их кто-то еще один, третий.

У порога тайны

— Ты знаешь, там камень! — сказал Никита и вытянутой рукой показал при этом на глинистую, оползшую стену землянки.

Петька не сразу смог увязать воедино события последних дней, но для того у Никиты и была голова как шар, чтобы все увязывать быстрее.

Проня твердил о каком-то камне...

И еще вчера уловил Никита в бормотании сумасшедшего упоминание о «подземных хоромах». Эти «хоромы» тогда же навели его на мысль о землянке, но потом, в ходе дуэли, связь между ними распалась.

Чернобородый насмеялся. А сумасшедший, возможно, говорил правду... Только о чем же он говорил еще?.. О каких речках упоминал? Что за камень ему нужен? Какую роль во всем этом играет библия? Почему сумасшедший Проня вспомнил о землянке теперь, а не два дня, не месяц, не год назад? Откуда он пришел в Белую Глину?..

Расспросить бы подробней чернобородого. Но где его сыщешь — мало ли охотников по тайге бродит? А разбираться в остальных вопросах при столь скудных и столь расплывчатых сведениях сумасшедшего не имело смысла. Надо было действовать.

Когда первое волнение в связи с заявлением Никиты улеглось, Петька кошкой прыгнул на лестницу и, весь превращенный в слух, попытался уловить какое-нибудь движение на поверхности. Эта маленькая предосторожность несколько успокоила его. Он спрыгнул назад.

— Роем!

Но Никита и без того уже вытаскивал из ящика все сколько-нибудь пригодное для рытья. Как они раньше

не догадались, что одна стена не может быть земляной при таком добротном срубе!

Никита вооружился штыком, Петька взял нож. Землянка, которая еще два дня назад казалась обоим самым надежным бастионом, теперь напоминала ловушку...

Первые куски глины с шорохом упали на бревенчатый пол. Вчера они оберегали его от мусора, а сегодня оба уже почувствовали, что недолго осталось им хозяйничать здесь... И рубашки на обоих взмокли от пота.

Острые орудия легко входили в грунт, так что скоро от былой чистоты в землянке ничего не осталось.

К тому же только первый слой сантиметров на двадцать—двадцать пять в глубину был плотным. Глубже в стену порода стала рыхлее: песчаная, влажная.

Работали молча, перекидываясь лишь деловыми командами: «Бери слева... Шибче... Так...»

Существование тайны казалось неоспоримым. И все же, когда Никита ударил своим штыком во что-то твердое, когда шепнул: «Есть!» оба замерли ненадолго, веря и не веря в это загадочное «есть». Прислушались. Но кроме собственного дыхания, ничего не уловили.

Оказалось, что твердое под ножом — это бревно. С трудом развернули его вдоль землянки. Потом час (или двадцать минут — они не знали) работали снова, пока выворотили еще одно бревно...

Наконец, когда в землянке стало не повернуться из-за бревен и глины, обнаружили бревенчатую стену и дверь, окованную железными полосами. Такими же полосами был окован люк, прикрывавший ход в землянку. Но люк находился под мхом и прогнил со временем. А дверь могла выдержать, наверное, еще сто лет.

Открыть ее не удалось. Вынужденные отдохнуть, друзья могли в общих чертах восстановить происшедшие здесь события. Судя по штыку и патронам, найденным в землянке Петькой, события эти относились ко временам гражданской войны, то есть к тем временам, о которых еще и по сей день напоминает в скалах водопада часть выцарапанной на камне надписи: «Здесь насмерть стояли...» Дописать ее неизвестному солдату, видимо, не удалось.

Землянка служила кому-то убежищем. Около метра восьмидесяти сантиметров высотой, два метра в ширину и три метра в длину — от лаза до только что обнару-

женной двери. Потом хозяин вынужден был покинуть ее. А время подточило три последних бревна верхнего перекрытия. Последних — если считать, что стенка с дверью конечная. Там, за дверью, возможно, хранились запасы... Но два бревна приятелям удалось развернуть, а третье, одним концом уходящее вверх, другим намертво уткнулось в нижний угол двери и так прочно замкнуло ее, что сдвинуть дверь не удалось даже на миллиметр.

— Надо пилу, — подытожил Никита, утираясь подолом рубахи.

Вдруг будто тюкнуло что над ними. И с приоткрытыми ртами они оба оцепенели. Никита стиснул в кулаке штык. Петька с ножом приготовился увидеть самое неожиданное и самое страшное из всего, что можно представить в жизни...

Так они прождали долго. Наконец переглянулись, пожалы плечами. «Ничего?..» — «Ничего...»

Проглотив слюну, Петька сказал больше ради самоуспокоения, чем из убежденности:

— Проня, что ли, напугает? Заставим сплясать...

Никита не ответил ему. Но в дальнейшем они переговаривались так тихо, только чтобы слышать друг друга, а огонь фонаря убавили до крошечного.

Одному ехать в деревню, одному оставаться — зачем...

Решили обернуться вдвоем.

Никогда еще Петька не освобождал выход на поверхность так осторожно и так медленно. Лишь свет яркого дня вернул обоим некоторое самообладание. Вокруг — ни души..

Тщательно, запоминая положение каждой веточки, прикрыли вход и, не приподнимаясь от земли, от куста к кусту, от елочки к елочке — скрылись в камышах.

Мишка ищет примирения

Никита на ходу прыгнул в воду и с разбегу почти полностью выволок лодку на песок. Ладони у обоих горели от свежих мозолей. По кое-как вымытым физиономиям струился пот.

Чуть ниже по косе чистил свою плоскодонку дезертир Мишка.

— Здравия желаю! — поздоровался он как ни в чем не бывало.

Но друзья не стали задерживаться на берегу. Петька впереди, Никита следом — они уже вышагивали по раскаленному песку в сторону колхозной кузницы. Мишка поколебался немного, потом догнал Никиту и пристроился рядом с ним.

— На Марковы горы ходили?.. — спросил Мишка.

Никита, занятый своими мыслями, ничего не ответил.

— Вы зазря это... Чего же я? Все честно. А?..

Никита тем временем со всех сторон опять анализировал последние события, и в голове его уже намечалась какая-то едва уловимая связь между ними, а Мишка со своими вопросами бухал по этой связи, как топором, и стоило больших усилий, чтобы уберечь ее, не рассыпать.

— А? — переспросил Мишка. И, не дождавшись ответа, догнал Петьку. Но к Петьке пристроился не рядом, а чуть сзади, сбоку. — Рыбачить ходили?

— Ягодку пасем... — отрезал Петька.

Мишка незаметно вздохнул. И шагов десять молчал. Потом сказал:

— А сегодня Колька тетки Татьянин будет с новенькой целоваться.

Петька приостановился зачем-то.

— Это с какой же?..

— А с Кравченкой! — оживился Мишка. — С кучерявою!

— А-а... — неопределенно протянул Петька и опять зашагал своей дорогой. — Врешь небось...

— Вот те слово! Чтоб мне сдохнуть! — забожился Мишка. — Приходи — увидишь! Владька сказал, что даст из ружья пальнуть Кольке. Колька и уговорил эту! Шесть раз будут. Это в амбаре, что за двором у Егоровых!..

— Где? — недоверчиво переспросил Петька.

— В амбаре, где сеновал! Придешь?

Петька промолчал. До кузницы оставалось шагов двадцать.

— А? Я ж не замиряться зову. А так — каждый по себе, — сказал Мишка. — А в кузню вы зачем?..

Но Петька не ответил ему. И все время потом, сколько Мишка ни пытался выяснить, чем увлеклись его не-

давние соратники, Петька делал вид, что не замечает его усилий.

— Здравствуйте, дядя Андрей.

— Здравствуйте, коли не шутите! — сердитым басом ответил косой дядька Андрей, засовывая в горн две половины сломанной тележной оси. В другое время посмотреть, как дядька Андрей варит ось, — кино не надо. А сегодня приятелям было не до того. Сердитым — это косой дядька Андрей всегда был. Привык с железом и думал, наверное, что, если человека не ударишь словом, как железякой, так он и не разберет ничего. И плечи у дядьки Андрея были точно железные, и руки с засученными по локоть рукавами — из чугуна, и взгляд в отблесках горна — тяжелее той наковальни.

— Мы по делу к вам, — сказал Петька.

— Что надо? — голыми руками подгребая раскаленный уголь и щурясь от дыма, спросил косой дядька Андрей.

— Ножовку б нам... — вмешался осторожный Никита.

— Кому — вам?

— Мне вот, Петьке...

— Это что — пилы ни у кого нет?

— Да есть... Нам бы коротенькую, половчее, как ваша...

— И где это Федька мой запропастился! — не слушая Никиту, вслух подумал дядька Андрей. Потом вдруг обернулся к Петьке: — А ну, вздувай!

Петька рванулся к мехам и всей тяжестью повис на длинном водиле. Р-р-раз — и вниз. Потом напрягся — и вверх. Потом опять вниз.

— Шибче! — зло скомандовал дядька Андрей. — Шибче!. Так! Бери кувалду! — приказал он Никите. — А ты стой здесь. — И он ткнул пальцем сначала на Мишку, потом в землю, слева от наковальни. — Суну тебе железо — хватай крепче А ну подними кувалду! Выше! Так. Вздувай — заснешь! Так! — Схватил клещи, ворохнул уголь. — Товсь! Шибче дуй! — И, точно колдун, низко склонился над раскаленными торцами осей. В сварке главное—это момент. Недавно еще красное железо пожелтело, потом начало белеть, все ярче, ярче... И вот, когда брызнули от осей первые белые искры, дядька Андрей выхватил одну половину оси, на взмахе сунул ее в руки ошалелому Мишке. Благо Миш-

ка успел надернуть брезентовые рукавицы и теперь с ходу прижал ось к наковальне. А дядька косою Андрей тем временем выхватил из огня вторую половину оси, легонько стукнул по торцам молотком, сбивая окалину, сыпанул на них сначала песком, потом желтоватым, похожим на серу порошком, притиснул скошенные торцы друг к другу. — Бей! Бей! Хватай кавалду! — свирепо оглянулся на Петьку. — Так! Так! Легче! — Потом схватил молоток и размашистыми, точными ударами стал выпрямлять вмятины от кувалды. — Хватит!

Бросил свой молоток в жестянку с водой, крутнул горячую ось перед глазами, прицелился ею, как из ружья, хмыкнул и положил сваренной серединой на раскаленные угли.

— Так-сяк... — разъяснил он взмокшим помощникам. Затем молча открыл свой драгоценный сундучок за горном, достал оттуда ножовку, ткнул деревянной ручкой в Никиту. — Чтоб к вечеру...

— Знаем, знаем! Мы это быстро! — заверил Петька, уже рванувшись вместе с Никитой на выход. Мишка хотел проделать то же самое, но могучая рука косою дядьки Андрея поймала его за шиворот и возвратила к наковальне.

— Понадобись еще, — коротко пояснил дядька Андрей. — Баловство не к спеху...

Мишка трепыхнулся туда-сюда, но возражать косою дядьке Андрею не следовало, и, незаметно взгрустнув, Мишка поднял брошенную Петькой кувалду.

А запыхавшиеся Петька и Никита в этот миг уже столкнули на воду долбленку, и на взмахе веслами Никита почти ткнулся грудью в собственные колени.

В глубине земли

Все время раньше подкрадывались к землянке осторожно лишь из принципа. Сегодня это впервые показалось обоим необходимостью.

Ни одна камышинка не дрогнула над головой, ни одна лужица не чавкнула под ногами в то время, когда они переползали через высохшее болото.

Внимательно оглядели каждую хворостинку в завале под пихтой. Отправляясь в деревню, догадливый Ни-

кита даже соломинку сверху положил на кучу валежника. Если бы кто сшевелил его... Но все было точно в таком положении, в каком укладывали они.

Петька вопросительно глянул на Никиту: «Порядок?»

Никита молча кивнул: «Порядок...»

Только после этого они сдвинули хворост и, еще раз внимательно оглядевшись по сторонам, быстро скользнули в землянку.

Петька тщательно прикрыл за собой выход, прислушался... Тихо. Даже ухо приложил к стене.

Скомандовал шепотом:

— Зажигай!..

Никита зажег фонарь. Когда неуверенный огонек «молнии» осветил захламленное подземелье, обоим показалось, что кто-то другой, а не они сами, вдруг устроил здесь этот погром. Низенький, в половину человеческого роста квадрат обитой железом двери пугал своей неизвестностью.

Петька схватил ножовку, сказал шепотом:

— Ладно... — Мол, так и так, надо действовать.

Острая ножовка пошла легко и споро.

Однако пилить на уровне собственного лица, снизу вверх было утомительно: рука быстро вымахивалась... Поэтому прямо на ходу менялись, и пока один работал, другой забирался наверх, ближе к поверхности — слушал.

Наконец, оглушительно треснув, бревно рухнуло под ногами друзей, когда они влезли на него для тяжести. Рухнули на землю вместе с бревном, но ушибов не почувствовали. Один через голову, другой — не помня как, — вскочили на ноги. Оставалось убрать обломки неожиданного запора. И Петька за один конец, Никита за другой — растащили последнюю преграду на пути к тайне...

Взяв фонарь, Никита поднял его над головой и шагнул к двери.

— Стой... — негромко задержал его Петька. И даже ухватил за плечо. — Погоди...

Кинулся к ящику. Выхватил перемазанный в глине штык, вытер его кулаком и, взяв на изготовку, остановился против двери, чуть сбоку от Никиты. Кивнул: «Давай...»

Никита рванул дверь на себя.

В отблесках фонаря из глубины мрака на них глянула бледная, ослабленная в широкой улыбке физиономия.

Загадка за загадкой

Когда первое оцепенение прошло, они разглядели, что на полу перед ними — череп.

И вместе с тем, как прошел страх, чуть спало напряжение.

— Ерунда! — шепотом сказал Петька. — Кости!.. — И хотел первым шагнуть в распахнутую дверь. Никита, пригнувшись, чтобы не удариться лбом о притолоку, обогнал его с фонарем в поднятой над головой руке.

Эта комната по размерам была почти такой же, как первая: два метра с половиной в ширину, метра три в длину, с низким потолком. Но тот, кто строил землянку, отделял эту комнату для долгого жительствова: дощатый пол, стены, обитые хорошо подогнанным горбылем... В углу стояла железная печь. (Значит, где-то на поверхности сохранился замаскированный дымоход.) Стены, пол, потолок заросли плесенью. Тяжелый, удушливый запах на мгновение притиснул друзей к стене. Петька тронул ее рукой: слизь...

— Дыши носом, — подсказал Никита.

Огонек «молнии» затрепыхался и начал гаснуть. Пришлось выкрутить до предела...

Гнилой, покосившийся шкаф рядом с дверью был полон истлевшей мешковины, пустых стеклянных банок, невиданной формы бутылок с этикетками на непонятном языке. А у противоположной стены, по обеим сторонам низкого столика, валялись два рассыпавшихся скелета с едва приметными остатками одежды. Возле одного из них лежал проржавевший, точно кусок бесформенного железа, пистолет.

Петька поднял какой-то жалкий клочок материи, потер его о собственную пятку и безошибочно определил: — От погона!.. Беляки!

Они обшарили все содержимое шкафа — здесь действительно хранились когда-то запасы пищи. Никита залез руками в печь и перещупал всю золу. А Петька, брезгливо морщась, поднял то, что осталось от обуви мертвецов, и осмотрел подошвы — мало ли...

Все это они делали с лихорадочной поспешностью, то и дело подбегая к столу, чтобы встряхнуть угасающий фонарь. Наконец остановились, удивленные и растерянные: следов таинственного камня нигде не было...

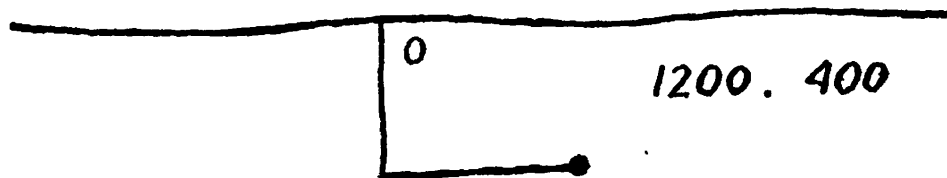
Знаки Зодиака

Отодрали половицы, перевернули печь, свалили и разломали шкаф.

Петька решил на всякий случай даже разбить бутылки, особенно которые непрозрачные. Но тюкнул одну — и ко всем прочим запахам примешался еще запах спирта. Петька аж плюнул с досады. Вино!

— Смотри!.. — неожиданно воскликнул Никита, вздумавший тем временем снова перетрясти остатки одежды и случайно обмахнувший заплесневелый налет пыли на столе.

На хорошо обструганных досках можно было различить сделанный когда-то углем рисунок и цифры:

— Ну? — сердито спросил Петька.

Никита протянул ему кусок неожиданно гладкой и твердой материи.

— Сюда надевается, — показал Никита на запястье. — Манжетой называется. Смотри.

На манжете сохранился едва заметный рисунок из будто бы случайно составленных линий. А под рисунком опять несколько цифр.

Рисунок проглядывался настолько слабо, что казалось, некоторые линии уже выцвели — остались лишь самые отчетливые.

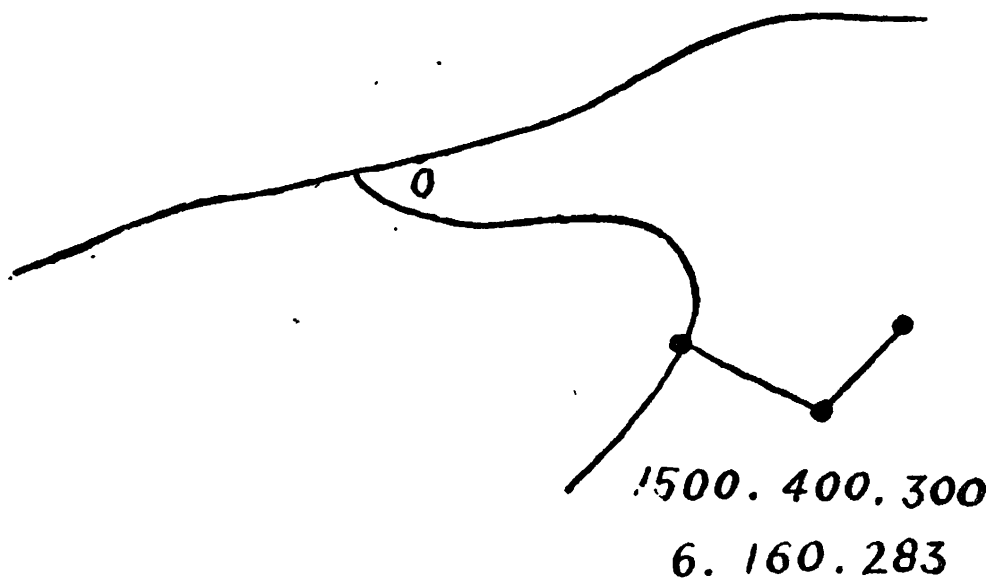
— Ну? — снова повторил Петька.

Никита обиделся.

— Ну и ну!.. Знаки Зодиака.

— Д-да?.. — переспросил Петька.

Никита вздохнул, погладил себя ладошкой по колючему темени, пристальнее взгляделся в линии:

Потом оба разом обернулись к двери. Они забыли на минуту, что время их пребывания здесь кем-то ограничено. Возбуждение улеглось, и на смену ему пришло чувство обманутости: их труды были, по существу, напрасными — никакой тайны в землянке больше нет. И захотелось на солнце...

Великое переселение

Быстро шныряя взад-вперед, Петька вытаскивал на поверхность имущество отряда и одновременно наблюдал за окрестностями, Никита — где на животе, где на четвереньках — перетаскивал все в камыши.

Ни посуды, ни замысловатых бутылок из хранилища мертвецов с обоюдного согласия решили не брать.

Последний раз укрыли вход в землянку сырым валежником и, нагруженные луками, удочками, инструментом, фонарем, — словом, нагруженные до того, что им без конца приходилось нагибаться и подбирать что-нибудь из оброненных вещей, они торопливо двинулись к реке.

Было немного обидно, немного жалко и в то же время радостно уходить из обжитого места, которое казалось теперь обоим непонятно гнетущим, будто проклятым.

До самой речки почти не разговаривали. И только после того как сели в лодку, выгребая изо всей силы, обогнули крутой Щучий мыс, после того как остались

позади Марковы горы, к ним вернулось былое спокойствие. А до того все время казалось, что где-то рядом таится опасность.

Лодка поплыла неторопливо, метр за метром поднимаясь по течению Туры. При солнце, под синим-синим небом трудно было поверить, что где-то там, в лесу, под валежником, — землянка и в затхлом, сдавленном чернотой воздухе покоятся чьи-то останки...

— Заявим?.. — спросил Петька.

Никита посмотрел на него долгим, непонимающим взглядом.

— Ты что — сдурел? — спросил он, опять изо всей силы наваливаясь на весла. И добавил неопределенно:— Погоди...

В лице его опять появилось что-то напряженное, как тогда, когда он догадался про вторую комнату, когда сказал: «Там камень».

— Надо увидеть Проню... — сказал Никита.

По дну лодки, звякая, перекатывался котелок. Острога, луки, удочки, фонарь, запасное весло, два патрона, огарки свечей...

Петька вздохнул, нахмурившись.

Хорошие сыновья, прилежные ученики

Имущество временно спрятали в трухлявом березовом стволе, рядом с колючей проволокой в Ягодкиных владениях. Кому придет в голову шарить под колючками? Потом, раздевшись догола, долго полоскали свою одежду в Туре. В мутной, будто куриный желток, воде особенно-то не расстираешься, но более или менее отжужькали с колен брюк и подолов рубах налипшую глину и, пока одежда сушилась на прибрежной ольхе, купались. Петька нырял, отсчитывая под водой секунды, а Никита больше валялся на траве и был занят созерцанием былинки в десяти сантиметрах от собственного носа.

Наконец Петька посинел от ныряния и, вытерев следы желтоватой речной мути на подбородке, шлепнулся рядом с Никитой, который в это время пытался оживить с помощью искусственного дыхания отказавшуюся двигаться божью коровку.

— Выдумал этот Проня про камень... — сказал Петька, немножко понаблюдав за Никитиной букашкой.

— С одной стороны, может, и выдумал, — проанализировал Никита, — а с другой стороны, ведь мы нашли эту комнату?

Петька промолчал.

— Бабка говорит, если дурак что запомнил — это у него навечно, — сказал Никита. — Дураки ж — они выдумывать не умеют. Это у них, бабка говорит, вроде жилы такой. Лопнет в мозгу, и все: что помнит — помнит, а что новое если — ни в какую...

— Завтра опять перешарим... — сказал Петька.

Никита вздохнул, поднялся. Солнце уже клонилось к горизонту, пора было возвращаться домой.

Корову нашли под кустами боярышника. С туго набитым животом она чавкала жвачку, и, поскольку набухшее вымя тяготило ее, она обрадовалась своим легкомысленным хозяевам. Весь день паслась — ни тебе кнута, ни собаки...

Обратная переправа через Туру обошлась без происшествий. Чтобы снова не замочить одежду, Петька в самом глубоком месте проплыл на спине, держась за Ягодкин хвост, а другой рукой поднимая над водой свое и Никитино обмундирование.

Ягодка обсохла до дома, и никому бы в голову не пришло, что она совершила путешествие за Туру.

Когда разочарованные и голодные пастухи распахнули ворота Петькиного двора, у обоих приоткрылись рты от новой неожиданности.

У крыльца на маленькой табуретке рядом с Петькиной матерью сидела молодая учительница Валентина Сергеевна из Курдюковки.

— Вот они, ваши помощники, — чему-то радуясь, сказала она Петькиной матери. — Здравствуйте, ребятки.

— Здравствуйте, Валентина Сергеевна... — не очень дружно ответили ребятки.

— Вот так я всегда замечала, что прилежные ученики бывают и хорошими сыновьями, — опять обратилась она к Петькиной матери.

Петькина мать согласно кивнула: «Да, да...»

Петька никогда не числился в прилежных учениках, но спорить не стал.

— Что это у вас брюки влажные? — спросила учительница.

— Малость постирались, Валентина Сергеевна, —

толково, как и подобает хорошему сыну, прилежному ученику, разъяснил Никита.

— Какие молодцы! — радостно просияла Валентина Сергеевна. — Только надо говорить не малость, а немножко, слегка...

«Да, да...» — опять закивала Петькина мать, с горечью думая о том, что рубаху и брюки ей придется сегодня стирать.

— Вы не очень переутомляйте их, — попросила Валентина Сергеевна. — Это хорошо, что они работают. Но и отдыхать им нужно. Пускай сил набираются.

— Это конечно... — сказала Петькина мать.

— Отпускайте их ко мне, в Курдюковку, я хочу собрать ребят, — мы что-нибудь придумаем на лето. Хорошо?

— Да чего ж, отпущу... — пообещала Петькина мать, думая о том, что Петька сроду еще не спрашивал разрешения на такие дела, как поход в Курдюковку.

Валентина Сергеевна ушла очень довольная учениками, а ученики, едва проводив ее до ворот, яростно накинулись на приготовленную для них простоквашу.

Петька на секунду прервал трапезу лишь для того, чтобы спросить у матери, много ли она надоила, когда та возвратилась с подойником в избу.

— Да уж давненько не даивала так... На седни сыта, хватит. Криноков пять, чай. И где же это вы пасли ее?

— Да тут, везде, — просто ответил Петька.

— Чудная она у вас — эта Валентина Сергеевна, — сказала Петькина мать. — Ласковая...

— Ну... — подтвердил Петька. Мол: как же это — чтобы у нас, да не ласковая...

Валентина Сергеевна всего полгода назад приехала из города и, с первого дня все время организовывая что-нибудь, многого еще не понимала в деревне. Весной у нее ничего не стоило отпроситься с урока, сказав, например, что свинья Машка поросится дома. А какая помощь Машке, скажем, от Петькиного участия?..

Никита жевал свой хлеб молча. А потом вдруг перестал жевать и неожиданно медленно, как всегда, сказал:

— Есть мысль... Я знаю, где камень.

Колька — покоритель сердец

Петька поперхнулся простоквашей.

— Чт... Что?.. — Но договорить не успел.

Над подоконником выросла хитрая физиономия Мишки.

— Здравия желаю!

— М-м, — не очень радостно поприветствовал его Петька.

Мишка заглянул в комнату. Мать ушла к этому времени цедить молоко на кухню. Мишка прыгнул через подоконник, подошел к столу, ткнулся носом в пустой чугунок из-под простокваши.

— Тю-тю! — сказал Никита, запрокидывая голову, чтобы дотянуть из кружки последний глоток освежающей сыворотки.

— Идете? — спросил Мишка.

Петька незаметно поглядел на Никиту.

Никита, чуть помедлив, кивнул.

— Посмотрим, что там у вас... — равнодушно сказал Петька. Решать он обыкновенно привык сам, но в тех случаях, когда надо было много думать, ничего не поделаешь — решал Голова, то есть Шар, то есть Никита.

Мишка ухмыльнулся:

— Светка говорит — нехорошо! Ля-ля-ля! Владька — не твое дело! Светка — маме скажу, как не стыдно! Ха! Владька — это ж по согласию!

— Граф Монте-Кристо будут, — коротко перебил Никита.

Петька потом всю дорогу пытался спросить у него, что он такое брякнул про камень. Но мешался под ногами Мишка.

Вдобавок им обоим, кажется, хотелось поглядеть, как это Колька тетки Татьянин будет целовать Кравченко. А если точнее — не как будет целовать Колька, а как эта Егорова, Светка самая, «ля-ля-ля» и прочее. Не то чтобы даже «ля-ля-ля», а так это — бывает иногда интересно взглянуть...

Владька не поздоровался с ними. Но примиряться никто и не собирался. Мишка ж был секундантом, а это совсем иное дело, чем быть противником, так что Мишка оставался как бы нейтральным.

— Тихо, — сказал Мишка. — Светки нет?

— Светку мать зазвала ужинать, — сообщил Владька.

Петька подумал: жаль, что зазвала. Но так это — мимоходом подумал. Даже сам не заметил когда.

Мишка впереди, остальные за ним пробрались огородами к амбару.

На сеновале пахло прелью.

— Быстро, чтоб никто не выглядывал, — скомандовал Мишка.

Петька и Никита облюбовали себе место рядышком, ближе к лестнице, которая вела на сеновал. Глубоко зарылись в пыреистое сено и долго чихали все четверо, пока наконец успокоились.

Прошло немало времени, так что Петька даже начал скучать, прежде чем внизу послышался Колькин голос и какое-то шебуршанье.

Спустя несколько минут над лестницей показалась кучерявая голова Кравченко. Ну, ясно, Кольке с его штанами нельзя взбираться первому.

— Ой, как страшно! — сказала Кравченко, аккуратно усаживаясь на сено.

Колька, прежде чем сесть, тревожно огляделся: Владька и Мишка должны были присутствовать здесь по уговору.

— Ну, давай, что ли, — сказал Колька и тщательно шмурыгнул носом.

Все-таки уговорил он эту городскую...

Кравченко зачем-то подергала кучерявой головой.

— Только ты глаза закроешь, ладно? Так всегда делают, я знаю.

Вечно эти девчонки пообещают что-нибудь, а потом одно, другое. И вечно им кажется, что они все знают.

— Ладно... — легко согласился Колька.

— Шесть раз? — переспросила она.

— Что я, считать не умею?

— Ну, целуй, — сказала она, подставляя губы.

— А что ты сама глазеешь? — возмутился Колька, едва раздался звук его первого в жизни поцелуя.

Кравченко удивилась.

— Мне страшно!

— Может, мне тоже страшно, — резонно заметил Колька.

— Ну, смотри и ты, — обиделась она. — Только все это уже совсем не так... — Голос ее дрогнул.

— Вот еще, — сказал Колька. — Не все равно тебе? Уговор дороже денег.

Она рассердилась.

— Не знаю я никаких уговоров! Целуй тогда быстро. И больше я никогда не стану целоваться с тобой. Меня Слава в Челябинске целовал, так все по-другому было. Грубый ты!

— Что я, кутенка, что ли, целую! — в свою очередь возмутился Колька.

Она от злости забыла про страх и зажмурилась.

— На!

Колька сердито чмокнул ее в губы.

— Два! — сказала она. Потом: — Три! Четыре! Фи! Какой ты неуклюжий!

— Ты, что ли, уключая? — справедливо изумился Колька.

— Какой гадкий! И не буду я больше целоваться с тобой! Совсем не нужно мне твоих ягод! — Она сделала движение, чтобы подняться. — Вовсе ты не мальчишка! У тебя даже штаны с разрезом!

— Я вот щас как тресну! — оскорбился Колька, задетый за живое. И даже размахнулся.

Она отпрянула, испуганная, заплакала и хотела кричать, но когда увидела, что бить он все-таки не собирается, только уткнулась лицом в ладони и заревела.

Колька присел рядом, верно полагая, что когда-нибудь да кончатся же эти хныканья.

Хныкать она перестала, но слез не утерла с лица, и в молчании они поцеловались еще раз.

Спускался Колька вторым.

И когда Петька выглянул через щель в крыше, они рядышком шагали по тропинке в сторону сопляковской усадьбы.

Владька тоже посмотрел в щель и начал спускаться.

Мишка, подмигнув, спросил у Петьки:

— А ты бы Светку стал так? Я бы за здорово живешь!

Но Петька ни с того ни с сего вдруг так двинул ему под дых, что Мишка отлетел на сено. Отлетел, спружинил, и не успел Никита глазом моргнуть, как точно по такой же траектории, только в обратную сторону, отлетел Петька. Никита прыгнул между ними.

— Вы что?! Я сейчас...

Опять выскочил наверх Владька.

Петька стиснул зубы.

— Ты что, приходишь на чужой двор со своими законами?! Да? Давай! Если не трус! — подступил Владька.

Никите пришлось потеснить и этого.

Образовался своеобразный треугольник с тремя возбужденными точками по углам.

Мускулы на Петькиных скулах ослабли. По всем правилам, он должен бы сейчас вызвать Владьку на дуэль. Но он зачем-то поднял клочок сена, шаркнул его в ладонях, будто утер их, выронил, сказал: «Ладно...» И, не обращая внимания ни на Мишку, ни на Владьку, подошел к спуску.

А от дома к амбару уже бежала Светка.

— Как не стыдно! Как не стыдно, мальчики! Я не знала, что вы все такие!

Петька презрительно шевельнул губами, и, чтобы не столкнуться со Светкой, они с Никитой повернули в противоположную сторону, в поле...

Таинственные знаки

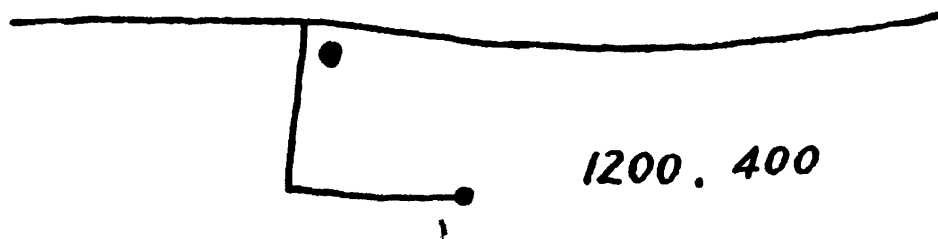
Спрятаться было негде.

Забрались в старый, глухой овраг, что начинался неподалеку от бывшей Сопляковки и, доверху поросший шиповником, тянулся к Стерле. Только в самом низу его не было ни травы, ни кустов, а жесткими, сухими комьями выступала красная глина. Весной здесь текли красные ручьи и на красных проталинах голубели первые подснежники.

Они забрались на самое дно оврага, в тесный котлован, так что почти уперлись коленками друг в друга, когда сели.

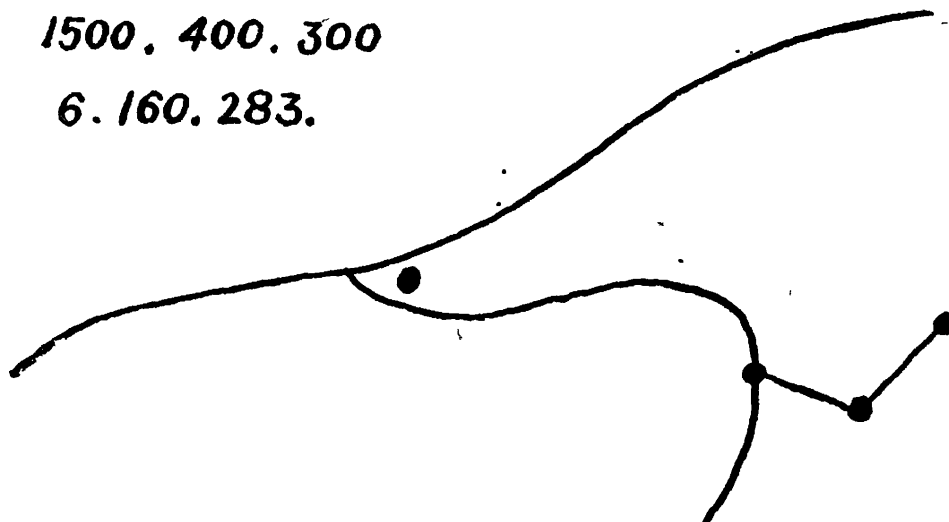
Кусты шиповника прикрывали их сверху плотной завесой. Над самым Петькиным ухом равнодушно выкрикивал перепел.

Выдержка не позволила Петьке любопытничать. А Никита, ничего не объясняя, расчистил пяткой ровный квадрат глины под ногами, к Петькиному удивлению, вытащил из кармана найденную в землянке манжету, но не взглянул на нее, а отломил сухую ветку над головой и острым кончиком ветки нарисовал на красноватой почве следующее:

1500 . 400 . 300

6 . 160 . 283 .

Память у Никиты была отличная.

— Вот камень! — сказал он и ткнул острым концом ветки в кружок на одном из рисунков.

Петька выпрямился, как будто его вдруг осенило. Но поскольку его еще ничего не осенило, неуверенно пошевелил губами и два раза дернул себя за чуб.

Никита не обратил внимания на эти манипуляции.

— А где ж он, этот камень? — спросил Петька.

— В Москве, — просто разъяснил Никита, как если бы сказал: у дядьки косоного Андрея на свалке.

Петька недоверчиво скривился было, но потом открыл рот... Потом закрыл его и яростно дернул себя за чуб. Дернул один раз, но больно. Что значило: понял! Его действительно осенило теперь.

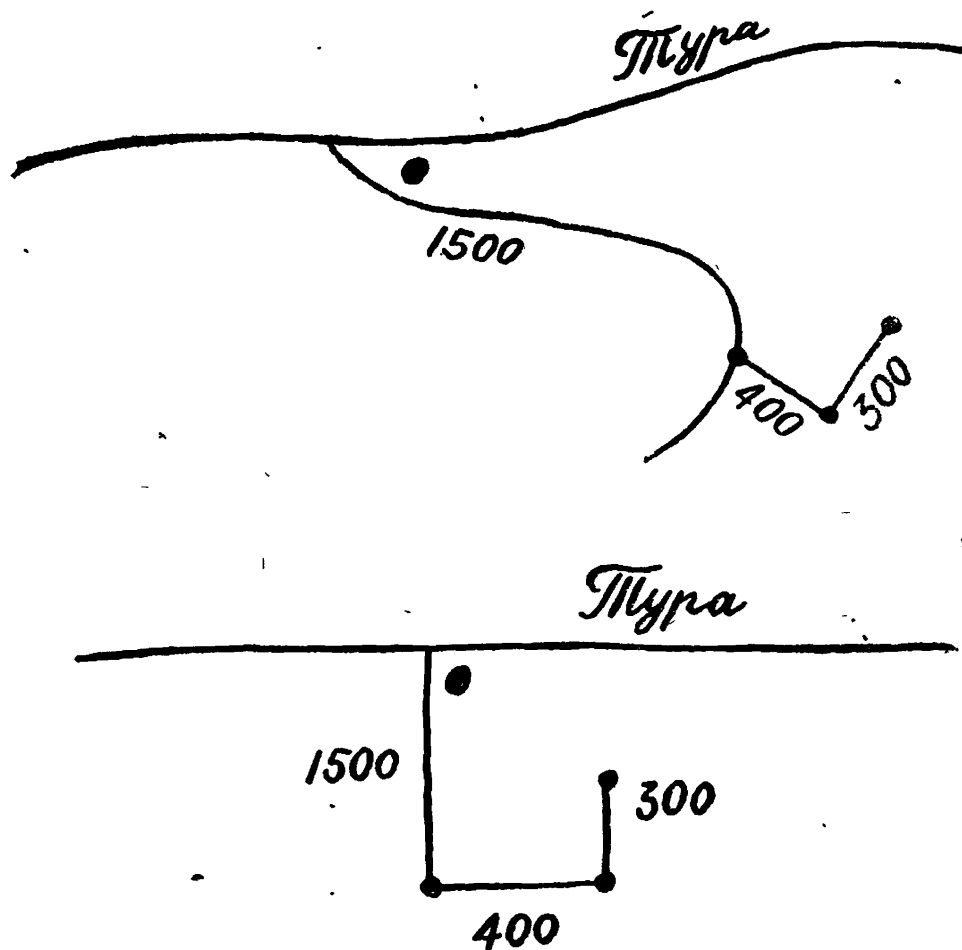
Голова у Никиты что погреб: год назад положишь, а вынешь будто свеженькое.

Учительница Валентина Сергеевна рассказывала зимой, на вечере «Урал — земля золотая», о том, чего только нет на Урале... И сказала, что недавно вниз по Туре геологи нашли глыбу черного мрамора. Настолько чистого, что ее даже специальными тягачами уволокли в Москву, чтобы сделать какой-то памятник.

— Вот, — показал Никита. — Это Тура, а это камень. — Лицо его было замкнутым, как всегда в ответственные минуты.

— А это что? — нетерпеливо указал Петька на ряды цифр. Он привстал на корточках, готовый хоть сейчас лететь в Москву, на розыски таинственного камня.

Никита сначала на рисунке второго чертежа, а потом спрямляя его кривулины, вписал цифры:

Тысяча пятьсот минус триста в обратном направлении — как раз и давали тысячу двести, то есть цифру, которая была написана на столе. А чертежи на столе и на манжете означали, вероятно, один и тот же маршрут, но в первом случае он был почему-то упрощен. Этого Никита не мог объяснить — почему.

— А шесть, сто шестьдесят и двести восемьдесят три? — нетерпеливо спросил Петька, уже позабыв и про Мишку, и про Владьку, и про Светку, весь поглощенный новой идеей.

— Может, килограммы?.. — вопросом на вопрос ответил Никита. — Это я не знаю...

— Думай, Голова! — возбужденно приказал Петька и слегка даже стукнул по круглой Никитиной голове.

— Это можно потом, — успокоил его Никита. — Надо искать, где был камень...

Если эта мраморная глыба и есть тот самый Пронин камень, на котором он свихнулся, — становится понятным, отчего Проня не может найти его. Странно только, почему он не разыскивал его год назад, когда камень еще стоял на месте. Но Петька нашел объяснение и этому. Дураков держат в сумасшедших домах, только пока они буйные. А под старость — чего его держать? Пускай гуляет. Вот и вырвался Проня. Раньше-то его не видно было?..

На мгновение мелькнула мысль о возможном соперничестве с чернобородым. Но какой взрослый поверит умалишенному? Они и умному-то не верят — докажи сначала...

Словом, Петьке уже все и до конца было ясно. Оставалось выведать самую малость: где разыскали геологи эту мраморную глыбу, тот ли это камень, что разыскивает Проня, куда ведет от него изломанная прямая и почему рисунок ее оказался в лесной землянке под охраной двух рассыпавшихся скелетов...

— Главное — это надо подумать, — сказал Никита.

— Думай, думай! — радостно поощрил Петька.

Копайте! Клад зарыт под вами

Сухая, как стручок в августе, злая на вид бабка Алена не любила, когда ее перебивали. Если уж сел, так слушай. А рассказывать она умела. Она знала все, что произошло на сто километров вокруг Белой Глины примерно за последние семь тысяч лет.

Об одних только сокровищах она могла бы рассказывать сто и один день без перерыва. Но рассказывать о чем-нибудь конкретном — только о сокровищах, например, — она не умела. Она припоминала заодно еще и еще что-нибудь — благо, нашлись-таки слушатели. Причем, рассказывая, она не забывала уточнить, через сколько лет после такого-то события родилась она сама, через сколько лет вышла замуж, много ли времени прошло до этого события с того дня, как вышла за-

муж ее мать — Никитина прабабушка, потом или раньше случилось видение божьей матери в Курдюковке, холодным ли был покров в том году и сколько «ведмедей» по тайге шастало... Короче говоря, сообщала такую массу второстепенных сведений, что мы не будем приводить всех ее рассказов дословно.

...Это было в год, когда у царицы Анны двойня народилась, рассказывают. Два первыша, два царя — де ж это видано? Ну и скрыл царь от народа это. А земля ж слухом полнится. Ну, так вот в том году, после двойни это было, когда столбы небом шли. Это знамение: когда мир — войне быть, а в войну если — к замирению, к голоду еще, к пожарам, к урожаю...

...Нонче это ж переменялось все. Жили раньше: и Стерля что Тура была... Ну, так у водопада, где омут сейчас, — омутище был. В том омуте купались, понятно... Купались ничего. А то раз один пропал: пошел к омуту — и нет его. Потом другой. Еще один. Заклятое место стало. Не понять никак. Ну, жил о ту пору Васька на деревне, парень что кедр во степу: ни тебе черта, ни барина, ни господа бога не боялся. Пошел это в ночь он на омут-то. И что было там, не сказывают. Но слух шел — сомище острогой Васька прибил. И что было в том сому-то каменьев ценных множество разное... Да оно ж куда бедному человеку, крестьянину-то с каменьями?.. Взял он и закопал их в земле. Не по себе тужусь, сказал, а по детям, чтоб за блеском-то головы не сложили свои. И где каменья теперь — неведомо...

Народу по тайге было много разного — убивцы да клейменные, золотишком промышляли. А как это жисть устроена: кто промышляет за свое, а кто за чужим доглядывает... Слышала, в невестах еще, объявился один — жилу сыскал, ну, вдарит раз — и бери себе золото или там серебро — где-сь по-за Марковыми горами это. А после нашли его: голова пробита, топором будто. Сыскали убивцев — двое было. Но пытали-пытали их, а золото в воду кануло. Не признались. Так и лежит где-то спрятанное.

...А еще раньше, говорят, давным-давно было, когда Марко пришел, — он один эти края поднимал, пни да коряги ворочал, землю расчистить чтоб: крестьянской души был, простой мужик. Русалки-то это потом его... Но для людей радел. И вот, сказывают, видит он — земля хлебом благодатна, а песок по Туре с золотишком

шел. Знал Марко: где золото — там хозяином не крестьянину, а благородию быть. Вот и взял на себя: перемыл песок весь по Туре, отчего и замутилась она. А золотишко спрятал, чтоб ни самому, ни другим неподвадно было. Так богатство Марково все и ждет хозяина...

...В том дому, где Филимоновы теперь, до большой гари Нефедка жил, старик. Ну, старик и старуха—ни детей, никого. И вот за год небось, за два ли перед гарью как раз буря была, гроза. Как вдарит молния! Проснулся Нефедка—ночью это, глядь, а окна раскрыты, еще глядь — в полу дырочка, вроде прожег кто. Старуху толкнул, за кайлу да и в подпол — ну рыть. И то молния была — стрелка такая, чистого золота: пролетела в окно, пол прожгла и в земле осталась... Многие ее видели. Я, как под венец идти, тоже глазеть ходила — она ж к счастью от бога, стрелка та. Блестит, не разглядишь, будто солнышко под образами...

...А про золото, рассказывают, в самый бунт супротив царя взяли его будто тыщу пудов — со всей земли Российской, — увезти думали. А земля — она не пускает вдруг. А которые удумали за моря его — туды-сюды, а с места не стронутся. Вот тут и схоронили: ни себе, ни людям чтоб. И что сыскали уже, а что и посеясчас ищут...

...А случилось, что и теперь находили разное. Прокоп, что на Савеловом хуторе, — то за Гуменками еще, — Прокоп тот, гли, книжки нашел писанные. Эти книжки Прокоп по лени своей замест лучины палил...

...Молодые-то вы все чудеса не чудесами видите. А вот что колодезь тайный сгинул перед Афонею святым — про то Настаська блаженная мне доподлинно сама рассказывала...

Чем больше говорила бабка Алена, тем нетерпеливее становился Петька. Иногда ему казалось, что достаточно схватить лопату, и — где ни копнешь — всюду золото. Но практичный Никита, воспользовавшись одной из немногих остановок в рассказе бабки Алены, дернул ее за юбку.

— Баб Ален, то все при царе Горохе было, давно то есть, а что при тебе — расскажи что сама видела. Ну, капиталисты, может, богатые, помещики до революции!..

Бабка сердито пошевелила губами, недовольная вмешательством внука, потом вздохнула:

— Э-э! И де ж то при нас богатые были! Мужик тут вольный с испокон веков — белоглинские-то да курдюковские! Ярма особо не взденешь. Были мы, ну, дареные вроде. За что — бог его. Но баре у нас — наподобь Соплякова все: на пузе — шелк, а в пузе — щелк. Избивал, случалось, а кукиш ему от мужика — и все. То овин его с петухом возьмется, то лошадям ноги посечет кто. Всяко тут мужики гибли. За лошадь-то когда одного, а когда двух мужиков в цепях уводили... Вот ить... А то в Засулях, сказывают, жил вроде Соплякова, а втайне — ба-а-гатый барин был! Мусе какой-то. Эт напрямки, тайгой если — ден двое на телеге. Мусе — фамилия не наша — не то француз, не то германец, заморский, в общем. Усадьбишка так себе. А как в Москве зачали власть брать большевики — Мусе наш богатющий, сказывают, приявился. А после слух был, что в красную-то войну полковник будто гуменский — это барин тамошний полковник был, — ну дак, сказывают, порешил он Мусю. Будто замял до смерти... Я тогда аккурат твою мать носила, ну, верой все, а иду как-то — он, полковник-то, и встренься мне в Сопляковке! Чур-чур — говорю — кто его... Ну, а тут и родила вскорости. Это до среды троицкой, если по-нонешнему... — Бабка Алена хотела отвлечься, но Никита снова решительно дернул ее за юбку.

— Куда ж полковник делся, говоришь?

— Да тут, как рожать, вскорости большевики пришли. И Соплякова и полковника — кто ж его — след простыл...

Никита опять дернул за юбку. Бабка Алена сидела на кровати. Никита и Петька на полу.

— Много ли добра было, бабушка, у Муси этого, которого полковник порешил?

— Та много!.. У-у, сказывают люди, все будто издаля: из Москвы да с Царьграда все, ни ложки тебе деревянной — золоту привез. Аж, прости господи, по малому ребячьим делом ходить — горшок золотой был. Но хоронили когда Мусю, шарили люди, сказывают — ничего не нашли...

Никита и Петька переглянулись.

Открытие становится тайной

Никита отпросился у бабки Алены заночевать в Петькиной сараюшке.

Они долго ждали, пока сядет солнце, стихнут собачки на улице и Петькина мать, еще раз проверив, как чувствует себя Ягодка, скроется в избе.

Наконец, когда уже ночь полностью вступила в свои права, Петька зажег три свечи.

Мишка предал — тем хуже для него. Тем хуже для всех. И для Светки...

Они стали возле бочки, на которой Петька укрепил три свечных огрызка, и, вытянув руки ладонями вниз, вплотную к огню, чтобы жгло, поклялись.

Текст клятвы произносил Никита; это его дело — сочинять. А Петька слово в слово повторял за ним.

Свечи ярко освещали их торжественные лица, и крошечные огоньки пламени трепетали в напряженно-суровых глазах.

— Клянусь всегда быть один за всех и все за одного.

— Клянусь не отступить ни перед какими любыми опасностями, за исключением если только надо заманить, как Наполеона — Кутузов.

— Клянусь не ныть, не сваливать на товарища свою беду, свои обязанности и все, что положено самому. А едой делиться.

— Клянусь держать в тайне все, что узнаю об этих знаках, пока уже нечего будет узнать.

— Если я нарушу эту клятву, пусть у меня отсохнет язык. А раз бога нет, пусть каждый плюнет мне три раза в лицо и, если хочет, пусть ударит по-всякому, а я не отвечу.

— Клянусь.

Потом они разогрели на свечах две стрелы, и каждый приложил к левой руке у локтевого сгиба по раскаленному наконечнику. Пахнуло жженым мясом. Отныне у них будет по три отчетливых метины на левой руке.

Мишка имел только одну такую...

Потом оба расписались в вахтенном журнале под немножко выправленным текстом той же клятвы.

Сочинял Никита хорошо, но когда сочинял на бумаге — то даже еще лучше.

Потом задули свечи и улеглись рядышком на топчане.

Гипотеза первая

Стоять перед неведомым и не попытаться как-то представить его себе — трудно.

Чтобы увязать вместе все услышанное, увиденное и угаданное ими, надо было взвесить тысячи «за» и «против», пересмотреть тысячи возможных «да» и тысячи возможных «нет».

Собственно говоря, «взвешиванием» и «пересмотром» занимался один Петька.

Из множества возможных вариантов истории самым реальным в итоге показался ему следующий.

В 19... году засулинский барин—француз Мусе, или Мусю, что в конце концов не важно, — увидел, что колчаковцев громят и что бежать с имуществом трудно, решил спрятать свои золотые горшки. Убивал его после этого полковник или не убивал — трудно сказать, но план тайника оказался у полковника. Гуменки к этому времени были взяты красным отрядом. Полковник бежал в Сопляковку. Когда же бои передвинулись к Стерле, полковник и Сопляков решили скрыться в приготовленной для этого землянке. Их обнаружили... Как-то тут оказался Проня, он увидел план, кинулся искать камень, нашел его, но сам тем временем чокнулся, как правильно решил чернобородый. Это бывает, Мишке, например, скажи все, так он с радости тут же чокнется. Землянка от времени завалилась и похоронила бар. А Проню взяли в дом сумасшедших. Теперь выпустили...

Проня мог быть, конечно, и бойцом, который нашел землянку. Но боец рассказал бы все другим бойцам...

Сопляков и полковник могли сами рассказать Проню свою тайну, если он был заодно с ними... Но тогда все запутывалось еще больше.

Скорее всего, Проня был случайным свидетелем. Может, он из раскольников. Всю жизнь прожил в тайге, а тут гром, грохот, убийства — вот и не выдержал.

Что землянка завалилась не сразу — это яснее ясного. Так же вот старые амбары в Рагозинке. Покуси-

лись во время урагана, а только через два месяца рухнули. В одну ночь — будто кучу бревен навалил кто.

А может, их замуровало живыми. Без ломика-то попробуй выберись оттуда...

Петька представил себе, как идут они — он и Никита — через всю деревню с двумя тяжелыми мешками за плечами... Нет, он просит у председателя подводу и привозит на двух лошадях десяток полных мешков к сберкассе в Курдюковке — к сберкассе, куда сейчас только председатель Назар Власович да учительница Валентина Сергеевна по молодости кладут деньги.

— Примите у нас сумму...

— Сколько рублей?

— Двести восемьдесят три сиксиллиона, сто шестьдесят миллиардов, шесть миллионов.

— ?!?!?!?!?

— Тысячу рублей положите Валентине Сергеевне на книжку, остальные — министру школьного образования — для школ. И на асфальт для Белой Глины. На тир. Ну и сколько-то там на шаль для матери, на самую теплую, лучше председательшевой. Остальные — министру.

С этими мыслями Петька заснул. Потом заснул и Никита, некоторое время еще глядевший в темноту.

Первые шаги поиска

С утра договорились вырабатывать в себе привычку к преодолению трудностей. Для начала решили ограничить потребление воды. стакан утром и стакан вечером на брата, — мало ли где придется странствовать...

Выпили по первому, законному стакану и почувствовали себя готовыми к испытаниям самой утомительной жаждой.

Но по дороге в Курдюковку Петька, с лицом, красным от жары, вспомнил, что, когда он купается, никак не может, чтобы не наглотаться воды по самое горло, аж до тошноты. Выяснилось, что Никита во время купания проделывал почти то же самое.

И после короткой дискуссии пришли к выводу, что уговор не имеет смысла, раз летом его невольно будешь нарушать...

Короче говоря, следовало как можно скорее освободить друг друга от данного обещания. Подошли к пер-

воту же колодцу, вытащили полное ведро студеной, до ломоты в зубах, воды и не спеша, поскольку их вынуждали к этому обстоятельства, напились. Потом, дорогой на Курдюковку, еще раз напились из родника.

Решено было ограничить себя в воде осенью.

Валентина Сергеевна в полосатых домашних брюках и кружевной кофте хозяйничала в палисаднике. Забавно было видеть учительницу в такой одежде.

Петька незаметно хмыкнул и подергал себя за волосы. Валентина Сергеевна не обратила внимания на жестикуляцию впечатлительного Петьки, обрадовалась своим обремененным домашними заботами ученикам, провела их в горницу, усадила за стол и даже чаю с вареньем поставила каждому.

Чай друзья выхлебали, а к варенью не притронулись. Это пусть дошколята балуются сладким...

Затем, когда расспросы о том о сем кончились, Петька стал считать желтые полоски на брюках Валентины Сергеевны, а Никита принялся издали выпытывать у нее сведения о камне.

Хотелось ничем не выдать своей кровной заинтересованности в этом вопросе. Но Валентина Сергеевна неожиданно сама подсказала им выход из положения.

— Замечательная идея, ребятки! Мы создадим в школе альбом достопримечательностей нашего края. Надо разузнать, где шли бои в гражданскую войну. Надо интересоваться каждой мелочью! Где взяли этот мрамор, я, к сожалению, в точности не знаю, но вы напишите в Свердловск, ну, хотя бы в горсовет, председателю, и попросите сообщить вам точное место находки. А первого сентября на вечере — мы так и назовем его: «Вечер открытий» — вы расскажете все, что удастся узнать об этом камне: почему он оказался таким ценным, где теперь стоит памятник из этого мрамора, кто его делал, свяжетесь со скульптором...

Петька даже полоски перестал считать от удивления, что их личная затея так быстро приобрела общественное значение.

Распрощались они с Валентиной Сергеевной, довольные друг другом. Петька даже предложил ей вскопать землю в палисаднике, но Валентина Сергеевна отказалась.

На мелочь, приготовленную для покупки тройных крючков у барахольщика, приобрели конверт с большой

маркой, лист бумаги, и в тот же день маршрутом на Свердловск ушло первое в Петькиной жизни послание.

«Здравствуйте, уважаемый товарищ Председатель Городского Совета Депутатов Трудящихся Города Свердловска!

Пишут Вам из деревни Белая Глина Петр Савостин и Никита Ложков...»

Дальше все шло в соответствии с рекомендациями Валентины Сергеевны. А заканчивалось письмо так:

«...Очень просим Вас немедленно сообщить нам, откуда взяли этот камень. Нам это очень важно. Передайте наши горячие пионерские приветы и море наилучших пожеланий всем депутатам. Будьте здоровы! До свидания!

Петр Савостин,
Никита Ложков».

Проня остается в тайге

В Курдюковке сумасшедшего не видели уже несколько дней. Оставалась надежда на Рагозинку, но появляться там вдвоем среди бела дня не имело смысла.

Петька с Никитой двинулись вниз по Стерле и скоро заметили на противоположном берегу, под кустами, одного из представителей той самой рагозинской шпаны, у которой на троих одна штана. Это был Славка Рагозин, официально — однокашник, а на деле — враг.

Белобрысый Славка ничем не выдал своей тревоги при виде неприятеля, но одним неприметным взглядом через плечо прикинул возможности к отступлению.

— Ключет? — дипломатично поинтересовался Петька.

Славка не ответил. Потом оглянулся — не подсматривает ли кто — и молча приподнял из воды кукан с одним крохотным окуньком на конце.

— Ты не думай. Мы по поручению Валентины Сергеевны, — соврал Петька, переводя разговор на нейтральную тему. — Велела зайти всем — она задания дает. И велела много не работать, а то захудеешь.

— Слышь, Проню не видел где? — прервал Никита Петькину болтовню.

— Это что — тоже Сергеевна спрашивает? — уточнил Славка.

— Вот те крест! — побожился Никита, легко накладывая на собственный живот святое знамение.

— Нету Прони, — отрубил Славка, начиная угадывать подвох.

— Давно нету? — спросил Никита.

Славка шевельнул плечами.

— День?.. Два?.. Три?..

Славка кивнул.

— А как насчет штанов в Рагозинке? — хотел выяснить Петька, но Славка неожиданно хлестнул удилищем по воде, так что брызги окатили друзей на противоположном берегу, и, прежде чем Петька успел запустить в него еловой шишкой, прыгнул в кусты.

Дипломатические переговоры на этом кончились.

— Надо сходить в землянку... — решил Петька.

И обоим на мгновение стало неуютно. Мысли их работали в одинаковом направлении.

— Ладно, идем... — сказал Петька и первым двинулся к Туре.

Шагах в ста от Петькиной лодки они чуть не наткнулись на Мишку с рыжим Владькой. Мишка стоял у одного конца неглубокой старицы, Владька — у другого. Владька запускал небольшой парусник.

— Есть мысля... — сказал Петька. — Потом.

— Потом так потом. — Никита не стал выяснять, какая «мысля» явилась в Петькину голову.

Валезник кто-то трогал — это стало ясно с первого взгляда.

— Мишка? — почему-то шепотом спросил Петька.

Никита пожал плечами.

Петька торопливо зажег прихваченный по дороге фонарь и, прежде чем спуститься, посветил в темноту заброшенной землянки.

Спустившись вниз, замерли. Но дверца во вторую комнату была открыта точно так же, как оставляли ее они, так же покоились разбросанные бревна.

Неся фонарь в вытянутой руке, Петька, а за ним Никита вступили во владения скелетов.

— Гляди! — воскликнул Петька, останавливаясь в двух шагах от столика между скелетами. — Чертеж исчез.

— Это я стёр... — спокойно сказал Никита.

Если бы у Петьки имелись ордена, он, не задумываясь, наградил бы своего начальника штаба за предусмотрительность.

Ржавые остатки пистолета в углу, бутылочные ос-

колки, зола у открытой печки, — в комнате скелетов сохранился прежний беспорядок.

Быстренько убедившись в этом, друзья хотели уже выбираться наружу, как вдруг Никита присел, обеими руками заслоняя от Петьки кусок пространства за собой.

— Стоп! — сказал Никита.

У самого лаза, на выброшенной ими глине, виднелся отпечаток тяжелого каблука. Не говоря о том, что ни Петька, ни Никита вплоть до сентября не знали, что такое обувь, след был слишком большим, чтобы подумать на Владьку или еще на кого-нибудь... В тугой глине хорошо отпечаталась железная, чуть скошенная вправо подкова и три выпуклости от трех симметричных отверстий в каблуке.

— Бежим! — сказал Петька.

Выскочили наружу и глотнули воздуху, как вырвавшиеся из плена. Почти не пригибаясь, рванули к лодке...

Тайга, молчаливая, густая, подстучила вплотную к Марковым горам. И приятелям казалось, что из этой гущи, незримые, глядят на них сумасшедшие глаза дряхлого Прони.

Петька задумывает красивую месть

Весь день друзья не находили себе места. Только ближе к вечеру оба немножко успокоились. До сообщения из Свердловска любая попытка приблизиться к тайне была бы тщетной.

— Думаешь, сеновал — это я так им оставлю? — неожиданно спросил Петька.

Нет, Никита не думал ни о чем подобном.

Петька притащил из сарайки тетрадку, карандаш и приказал:

— Пиши: вызываем хануриков на морской бой.

После недолгого препирательства «хануриков» Никита выбросил, написал так:

«Флотилия «Слава» вызывает вашу трусливую команду на морской бой. Условия любые. Приготовьтесь хоронить свои парусники».

Разыскали Кольку тетки Татьянина и отправили его к Егоровым.

Колька вернулся через двадцать минут.

«Вызов принят. Отряд «Корсар» будет в количестве десяти бригантин. Без мачты и флага корабль не принимается. Максимальная величина — четверть: от носа корабля до кормы». И надпись: «Адмирал».

Через несколько минут Колька опять бежал по направлению к дому Егоровых.

«Слава» выйдет под голубым флагом. Оружие — рогатки. Встреча в полдень, у водопада. Адмирал-генералиссимус» — расписался за Петьку Никита. Подумал и добавил: «И его начальник штаба».

Наконец все условия были отрегулированы.

Вооруженные ножами Никита и Петька двинулись в лес, за сосновой корой для флотилии.

На флаги Никита стащил голубую завязку от бабкиного передника.

Стерлинская битва

Бой решено было начать неподалеку от водопада, в том самом омуте, где, по рассказу бабки Алены, жил когда-то сом с камнями и откуда Стерля не могла унести корабли по течению.

Флотилия адмирал-генералиссимуса состояла из пяти двухмачтовых бригантин, одной трехмачтовой шхуны и четырех одномачтовых. Все они были одинаковой — ровно в четверть — длины, под одинаково синим флагом, из одинаково толстой древесной коры.

Флотилия просто адмирала состояла из девяти двухмачтовых бригантин и одного фабричного парусника, парус на котором предусмотрительный Владька спустил (чтобы площадь попадания стала меньше). На черных флагах адмирала белели аккуратные черепа и скрещенные кости. При взгляде на них Никита и Петька невольно припомнили землянку. На бортах каждой из бригантин красовались чернильные надписи: «Патагония», «Эсмеральда», «Сан-Луи», «Тиберда» и т. д. Флагманский парусник именовался «Корсаром».

Зачинатели сражения почувствовали некоторую досаду оттого, что не они, а противник догадался дать названия кораблям, но раскаиваться было некогда.

Флотилии были установлены в метре от берега, друг против друга, бортами к зрителям и соперникам.

Отмерили пять шагов по скалистому берегу, вытащили рогатки.

Бой предстоял жестокий. Тем более, что зрителей явилось много. Пришла Светка, пришел Колька тетки Татьянин, пришла кучерявая Кравченко и даже недавний именинник, Владькин брат, — Димка.

Первые десять или двадцать минут зрители сидели рядом, безучастные. А потом кучерявая Кравченко и Димка-от-горшка-два-вершка стали подтаскивать голыши Владьке с Мишкой, а Колька тетки Татьянин — Петьке с Никитой; одна только желтоволосая Светка до конца просидела на камне между противниками, ойкая при каждом попадании с одной и с другой стороны.

Петька не глядел на зрителей. Он до отказа растянул рогатку и по команде «начали» нанес первый серьезный удар противнику. Будто срезанная, отлетела в сторону мачта ближайшей к нему бригантины. Но черный флаг остался, и бригантина считалась по-прежнему боеспособной. Выстрел Никиты оказался более удачным. Его голыш отхватил нос у «Эсмеральды», и вскоре она заболталась вверх дном. Эти первые минуты боя были вообще результативными. Солнце, недавно еще спокойно глядевшее из омута, расплескалось под многочисленными взбулькиваниями голышей и засверкало, заискрилось на всплесках.

Рогатки у всех были примерно одинаковые, но тренирован в стрельбе Владька был явно хуже белоглинцев, так что скоро на волнах при восьми кораблях адмирал-генералиссимуса осталось только четыре представителя флотилии просто адмирала: «Корсар», «Патагония», «Сан-Луи» и «Тиберда».

Флотилии к этому времени перемешались.

— Спокойнее... — негромко предупредил Петька.

Но Никита и не собирался волноваться. Под ударом очередного Никитино гола «Тиберда» коснулась волны мачтой, и пиратский флаг ее больше не появлялся на поверхности.

Петька прицелился и ударил в корму «Патагонии». Шхуна была выброшена из общего скопления кораблей к противоположному берегу и, прижатая к ровному валуну, представляла собой отличную цель. Друзья опустили рогатки почти одновременно...

Треснув, «Патагония» раскололась сразу на три части.

— Ура-а! — крикнул Колька тетки Татьянин.

Петька не обратил на это внимания. Его уже начи-

нал тревожить «Корсар», несколько минут безрезультатно обстреливаемый Никитой. «Корсар» почти касался мачтой воды — и опять возвращался в нормальное положение, при особо удачном попадании он даже взлетал над поверхностью, но итогом обстрела была, может быть, единственная чуть заметная трещинка возле открытого люка.

Петька и сам уже несколько раз попадал в него — результат оставался тем же.

На растерянных первое время физиономиях Мишки и Владьки появилась зловещая уверенность в себе.

Теперь даже Кольке тетки Татьянину стало ясно, что исход баталии решает «Корсар», а не все «тиберды» и «патагонии», вместе взятые.

— Бей в трюм... — подсказал Никита.

Петька кивнул: понял. Но сколько же голышей надо запустить через люк в трюм «Корсара», чтобы тот не выдержал и затонул?

Среди обломков погибших флотилий гордо реяли всего лишь пять синих флагов. Но едва Петька успел отметить это, как их осталось четыре.

— Погибают, а не сдаются! — удивленно воскликнул Мишка.

— Кому что нравится, — ответил ему Владька, и его голыш отколол примерно с палец от коряного борта одной из шхун.

Поднялся ветер. В омуте образовалось круговое течение вдоль берегов, и по этому кругу, примерно в полуметре от противника, — ни быстрее, ни медленнее — двигался гордый «Корсар». Четыре шхуны адмирал-генералиссимуса как бы не решались приблизиться к нему и лишь, сохраняя дистанцию, плыли следом.

Петька искал выход.

Разделаться с «Корсаром» у противоположного берега нечего было и думать. Течение прижимало его к валунам лишь на мгновение: легкий «Корсар» отталкивался от камней, и между ним и берегом всегда оставалась спасительная полоска воды. У ближнего берега в результате беспорядочного обстрела удалось оставить в трюме «Корсара» еще два голыша. Но и только. А Мишка и Владька тем временем раскололи на куски еще одну шхуну.

Петька одним взглядом поманил к себе Кольку тетки Татьянина.

— Дуй к дядьке косому Андрею! — зловеще шепнул он. — Тащи подшипник! Скажи: наших бьют!..

Колька судорожно кивнул, потом с видом опытного разведчика сделал кривую восьмерку близ кустов, будто в поисках места по своей надобности, и скрылся в кустах.

«Корсар», медленно завершив седьмой или десятый круг, опять приближался к противоположному берегу.

— Не бить! — приказал Петька.

Никита слышал его разговор с Колькой и понял: надо не задерживать «Корсара» у противоположного берега, надо, чтобы к возвращению Кольки тетки Татьяна «Корсар» успел бы тоже возвратиться. Это будет, возможно, последний шанс на победу... Очень слабый шанс.

Никита спустил рогатку, и камень его взбурлил воду где-то в полуметре за кормой «Корсара».

Петькин голыш проделал то же самое прямо по носу пирата.

Команда адмирала начала забавляться боем. «Это хорошо...» «Возьми чуть левее...» «Попробуй в мачту...»

Адмирал-генералиссимус со стиснутыми зубами продолжал буравить воду.

«Корсар» наконец приблизился настолько, что можно было целиться в его трюм. Но теперь только два синих флага возвышались прямо над водой, третий уже постыдно кланялся ей.

Светка глядела уже не на омут, а на противников. На воде все было кончено, а на берегу, возможно, и нет.

Вынырнул из кустов до белизны раскаленный от бега Колька и, задыхаясь, с лицом, перекошенным гримасой таинственности, шепнул:

— Дядька косою Андрей сказал: хва!..

Петька зажал в кулаке два горячих от Колькиной руки шарика.

Как выяснилось позже, дядька косою Андрей сказал:

— Если погибает хороший солдат, ему одного патрона — за глаза, а погибает плохой, так и десять его не спасут.

Петька вложил шарик точно посередине кожицы и оттягивал ее медленно, все время целясь, — целясь в

самую середину «Корсара» — туда, где мишенью зиял открытый люк...

Качнув «Корсара», шарик врезался в воду у самого его борта.

Петька, уже не раздумывая, перезарядил рогатку.

— Дай мне, — сказал Никита.

И Петька дрогнул на секунду. Может, он и отдал бы Никите этот шарик, — Никита в таких делах более спокоен. Но уж если быть виноватым, так быть виноватым до конца...

Петька вскинул рогатку, яростно оттянул ее и спустил, будто не целясь.

«Корсар» на какое-то мгновение чуть присел на воде, потом, движимый невидимым потоком, рванулся к середине омута и замер как ни в чем не бывало метрах в двух с половиной от берега...

И все разом уставились на «Корсара», и все разом опустили рогатки.

Это длилось какие-то секунды. Но и секунд было достаточно, чтобы рухнули последние надежды адмирал-генералиссимуса. И неожиданно «Корсар» дрогнул. Это уловили все.

Петька неслышно выдохнул. Выдохнул, еще не понимая, отчего дрогнул «Корсар», но догадываясь, что дрогнул он неспроста.

А «Корсар» уже кренился на правый борт. Сначала едва заметно, потом быстрее, потом он в один миг чиркнул по воде мачтой. И когда он перевернулся вверх своим красным фабричным днищем, все увидели пробину.

— Ур-ра! — оглушительно завизжал Колька тетки Татьянин.

Димка-именинник-от-горшка-два-вершка не понял, в чем дело, но тоже завизжал во все легкие.

Кудрявая Кравченко замерла возле Светки. А Светка, когда «Корсар» в последний раз блеснул красным днищем и под грузом камней пошел ко дну, восторженно всплеснула руками:

— Как жалко!

— Что это они все такие белые?.. — спросил Петька о Егоровых, когда в сопровождении Кольки тетки Татьянина он и Никита уже подходили к деревне.

— Рыжие — они всегда белые, — сказал Никита.

— Один Владька и рыжий, — возразил Петька.

— А желтое — это тоже рыжее, только чуть-чуть рыжее. Ну, светло-рыжее называется. Понял? — разъяснил Никита.

Как можно быстро окучить картошку

Первое сообщение из Свердловска пришло ровно через десять дней после того, как друзья отправили свой запрос на имя Товарища Председателя Горсовета.

Но за несколько дней между победой на Стерле и сообщением из Свердловска произошло еще два события, которые едва не испортили настроение как адмирал-генералиссимуса, так и его начальника штаба.

Во-первых, наутро после боя Никита, разбуженный вездесущим Петькой, не успел улизнуть в тайгу, и бабка Алена снарядила их окучивать картошку на огороде. Петька сначала понадеялся, что тяпка у бабки Алены только одна. Но бабка из-под вороха сломанных вил, граблей и лопат извлекла вполне пригодную для окучивания тяпку и, грустно охая о чем-то своем, старушечьем, сунула ее Петьке.

Он даже спасибо сказал от безвыходности, хотя благодарить особо и не за что было. Попробуй тут разыщи миллионы, когда дыхнуть времени нет...

Никита жил с бабкой, хотя и отец и мать у него были. Сразу после войны его отец навсегда уехал жить в Куйбышев, а за матерью-агрономом через год приехал какой-то дядька с Украины. Мать сказала Никите, что это его новый папа и что они втроем будут жить на Украине. Но Никита отказался ехать и остался жить с бабкой Аленой. Говорят, у него появился где-то на Украине брат, но Никита говорить об этом не любил и брата не признавал. Мать у него красивая, и если бы мать вернулась к бабке Алене, Никита принял бы ее. А вот как быть с братом, он не знал... И мать и отец присылали им с бабкой деньги. Какой месяц — оба, а какой месяц — ни тот ни другой. Бабка Алена тогда ворчала под нос, а Никита собирался «тронуться» в сторожа. Но потом деньги опять приходили, и насчет сторожей Никита так ни разу и не говорил с председателем.

Книги «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо»,

благодаря которым по деревням загремели мушкетерские сражения, года полтора назад Никите тоже прислала мать...

У картофельной межи присели, погрузили немножко.

Вдруг на дороге, что вела к Туре, появился дядька Филипп, старший конюх, с двумя жеребчиками в поводу — Орликом и Косатым. Борода у дядьки Филиппа — от груди до ушей. Сам невысокий, а сапоги размера шестидесятого, потому дядька Филипп никогда не поднимает высоко ноги, а волочит их по земле, и серый шлейф бархатистой пыли стелется за ним по дороге. Во рту у дядьки Филиппа сигарка, кепка надвинута до бровей, и он всегда идет будто бы наугад — только и видит, что под ногами у себя.

Друзья переглянулись и, не сговариваясь, разом сунули тяпки в картофельную ботву.

— Дя Филипп! А дя Филипп! Вы не купать ли Орлика да Косатого?

Дядька Филипп глянул одним глазом из-под козырька, проволока ногу дальше.

— А может, мы покупаем, а? — не отступался Петька, задом двигаясь перед дядькой Филиппом.

Дядька Филипп остановился, поднял голову, рассеянно поглядел на друзей, будто соображая, что им надо от него. Потом сунул поводок Орлика Петьке, а Косатого — Никите. Никита выхватил из-за пояса дядьки Филиппа скребницу, и в один миг друзья оказались на лошадях. А конюх сделал шаг в сторону, к траве, что была как раз у Никитинового огорода, и сел. Дядька Филипп всегда так. Он и с места не сдвинется, пока друзья не возвратятся назад.

Летит же время на реке! Когда друзья хватились, что пора возвращаться, солнце поднялось почти к зениту. Зато, правда, лошади лоснились рыжими боками, будто олифой смазанные. Уж и песком, и скребницей, и так — ладошкой, и грязью их для чистоты мазали.

Ясно, что о себе друзья при этом тоже помнили.

А вот тяпки — хоть убей — из головы у обоих выскочили.

Вспомнили о них, когда увидели, что на огороде не один дядька Филипп, а еще кто-то в знакомом полушал-

ке. Такой полушалок во всей деревне только у бабки Алены и есть.

Дядька Филипп не сидел, а работал. Дядька Филипп тяпал землю, а бабка Алена шла следом. Друзья как увидели это, так и обмерли оба. У бабки Алены висел через плечо длинный сыромятный ремень. А дядька Филипп кончал уже пятый рядок, и даже сигарки в зубах у него не было.

Никита подбежал к нему спереди, так, чтобы дядька Филипп оказался между ним и бабушкой Аленой.

— Дядя Филипп, дай я...

Дядька Филипп даже не взглянул на него.

— Дядя Филипп... — отступая, по мере того как двигался вперед дядька Филипп, канючил Никита.

Но лишь на следующем рядке дядька Филипп сказал:

— Чего ж давать... Поменялись, выходит...

— Дядя Филипп... Это мы не менялись, ну, запоздали вроде... Дядя Филипп...

Дядька Филипп угрюмо закончил шестой рядок и только после этого молча ткнул тяпку Никите, а сам неторопливо пошагал к заждавшимся его Орлику и Косатому. Никита схватил тяпку и торопливо, стараясь не поворачиваться задом к бабушке Алене, замельтешил, будто приплясывая, вокруг каждого куста.

Бабка Алена молча шла следом, и тонкая сыромятина безрадостно висела на ее плече.

То, что бабка Алена грозила иногда отправить Никиту на Украину, это, Никита знал, она болтала только. А вот протянуть по голым ногам сыромятиной бабка Алена могла.

Петька — благо его тяпка оказалась нетронутой — схитрил: начал рядок с другого конца огорода. И сначала торопился, а потом успокоился, стал работать ровней.

То ли бабка Алена заметила это, или еще что, но подошла и теперь уже молча пристроилась позади него. И через минуту Петька вынужден был перенять приплясывающую тактику Никиты.

Бабка Алена стала переходить от одного к другому.

Все это еще бы ничего. И по ногам сыромятиной — тоже терпимо. Но какой-то леший приволок на дорогу,

что шла окраинами к Туре, Семку Нефедова, парня вообще никудышного — рыхлого, вислогубого второгодника. Да это бог бы с ним — сиди он хоть десять лет в одном классе. Плохо то, что он появился теперь на дороге и долго оторопело глядел на пританцовывающих друзей. Потом исчез. А через десять минут рядом с ним уже стоял Мишка. Еще через десять минут возле них оказался Колька тетки Татьянин, потом Светка с Димкой и кучерявой Кравченко.

— Чего это вы?.. — неуверенно любопытствовал Мишка, когда Никита оказался близко от него, а бабка Алена дежурила возле Петьки. Никита метнул один быстрый взгляд в сторону бабки Алены, обронил:

— Да вот... Соревнуемся.

— На что?.. — заинтересовался настырный Мишка.

— Х-хы... — шевельнул разгоряченными губами Никита, не взглядывая на Мишку. Пот градом катил с его лица, и сохранить выражение невозмутимости было трудно.

— А если я выиграю? — опять неуверенно поинтересовался Мишка. Никита только плечом шевельнул: мол, куда тебе... А на самом деле это бабка Алена снова приближалась к нему, и вдаваться в разговоры нельзя было. Мишка постоял-постоял еще немного, потом азарт болельщика растревожил его, и он пристроился ходить рядом с бабкой Аленой. Попытался узнать у нее, как лучше: слева направо обегать куст или справа налево. Но бабка Алена таких тонкостей не знала и оставалась бесстрастной, как настоящий судья.

Часа через полтора, очумелые от скорости и напряжения друзья с трудом распрямили спины.

— Все, бабушка Алена... — ласково заметил Никита.

— А я гляжу, — сказала бабка Алена, — заморятся не заморятся? Филипп-то, куды ему, — слабее...

— Д-да?.. — зачем-то переспросил Петька.

— Ну! Куды ему, — повторила бабка Алена и, тяжело нагибаясь к лопухам у обочины, добавила: — А я гляжу: заголодают не заголодают?

Петька посмотрел на Никиту. Но Никита глядел мимо — в какую-то одному ему известную точку у него, в лесах, горизонта.

Бабка Алена достала из лопухов узелок с провизией и толстый запотевший чайник с водой.

— Я ж кумекаю: заробятся мужики — надо полдневать... Сальце вот, луку маленько...

— Д-да? — опять некстати переспросил Петька, потом равнодушно заглянул в узелок, первым сердито приложился к чайнику, отдал его Никите, подумал и взял с разостланного платка самый большой кусок сала, еще подумал и взял средний по величине кусок хлеба, потом сел рядом с платком и стал сердито жевать.

— Ну, кто выиграл?.. — полюбопытствовал Мишка. Никита молча похрустел луковицей на зубах.

— Ты ж не выиграл...

Мишка оглядел их обоих, стараясь угадать, что такое опять осталось тайной для него. Петька ничего не понял в разговоре, но смолчал. Бабка Алена собрала тяпки.

— Мы отнесем, бабушка... — все еще с нотками ласковости в голосе заверил Никита. Но бабка Алена отмахнулась:

— Ладно уж... Чего... Надо и мне поработать...

Семка Нефедов тоже подошел к платку, Колька тетки Татьянин тоже, и все стали закусывать. Только Светка взяла очень маленький кусочек сала и разжевала его без хлеба.

Рагозинская шпана

Второе событие произошло у водопада. Петька с Никитой долго лежали на скале у самого обрыва и глядели вниз. Удивительная штука — вода. Кажется, течет она и течет — все время одинаковая. А станешь присматриваться — она без конца меняется в течении: то по-одному сверкнет прожилками, то по-другому, и чтобы повторилась — никогда не увидишь.

Они лежали на рагозинском берегу, так как скала здесь была самая высокая. В двух шагах от них дремала сонная от жары тайга.

Водопад гудел торжественно, важно. Ключья пены время от времени взмывали в воздух и, легкие, белые, медленно опускаясь, планировали к берегу.

Друзья переговорили обо всем: о затянувшемся молчании Товарища Председателя Горсовета, об исчезнув-

шем Проне, о Мишке, что продолжал упорно заигрывать с Владькой, о том, что Проня, возможно, давно упредил их глупым своим умом и разыскал исчезнувший камень, но об этом говорить не хотелось.

Некоторое время лежали молча. Потом Никита ушел в лес. Он заметил там будто бы присыпанную щебенкой яму — решил поковыряться...

Петька некоторое время лежал один. Но одному было скучно и жарко. Тогда решили сделать новую попытку обследовать дно омута, в котором, по рассказу бабки Алены, жил раньше сом. Темный в скалах омут давно привлекал друзей, но глубина безнадежно отталкивала. И не такие, как Петька, пробовали донырнуть до дна, где лежал теперь затонувший «Корсар», но только Федька косоного дядьки Андрея, говорят, донырнул раз и вытащил на поверхность саблю. Правда это или нет, но сабля у Федьки была: кривая, ржавая, в зазубринах...

Петька чувствовал себя в отличной «ныряльной» форме и решил попытаться счастья еще раз... На глубине, в омуте, рассказывали, есть течение, которое тянет вниз, и кто попал в него — не выберешься. Да ведь выбрался же Федька дядьки косоного Андрея? Петька решительно разделся догола, чтобы даже трусы не мешали, и прямо с камня ухнул в глубину...

Никакого открытия на глубине он не сделал, потому что дна не достал, — открытие поджидало его на поверхности. Когда, задохнувшийся, с обвисшим на глаза чубом, он вылетел из воды, хлебнул воздуха и привычным движением головы отбросил назад волосы, глазам его предстала самая неприятная из всех возможных в таком положении картин. У водопада, на том самом месте, где две минуты назад был он, стояли пятеро ухмыляющихся рагозинцев, со Славкой белобрысым в том числе. Шестой — Васька Малыга, коротконогий и длиннорукий, первый в Рагозинке драчун, с Петькиными трусами, штанами и майкой в руках примеривался к высокой ольхе, собираясь, очевидно, как знамя, водрузить где-нибудь на ее верхотуре залатанные Петькины штаны.

— Отдай одежду! — вне себя закричал Петька.

Рагозинцы захохотали. Белобрысый Славка бултыхнул опущенной в воду ногой, и брызги полетели прямо в лицо Петьке.

Он рывком отплыл на середину омута.

— Стираешь? — поинтересовался Васька Малыга, разглядывая на вытянутой руке Петькины трусы и майку. Запустить бы в него хорошим булыжником... Но достать камень со дна — Петька уже убедился — не по силам ему.

Кто-то еще о чем-то спросил его, но в это время Петька заметил вверху, над водопадом, изумленное лицо Никиты — на той самой скале, где недавно еще лежали они оба.

Никитино лицо мелькнуло и исчезло. Что придумает Никита, Петька не знал, но был уверен: придумает что-нибудь и это возвратило ему спокойствие.

— Отдай штаны, Малыга! — потребовал Петька.

Перемена в его настроении, как и следовало ожидать, не прошла незамеченной. Васька, уже схватившийся за нижний сук ольхи, чтобы влезть на нее, приостановился.

— Ну, ты, в чем мама родила! — сказал Васька.

— Плохо будет! — пообещал Петька, делая круг у своего родного белоглинского берега. Рагозинцы начали бросать в воду камни, чтобы окатить его брызгами.

— Давай на берег! «Барыню» спляшешь—штаны вернем!

— Утоплю змеев! Всех утоплю! — захлебывался Петька.

К этому времени, как потом выяснилось, Никита уже натаскал к обрыву достаточно много камней, теперь разом столкнул их вниз, на скалы, и так завопил, заулюлюкал, что даже Петьке показалось, будто не один Никита, а сразу двадцать Никит обрушились сверху на противника.

Рагозинцы, вскинутые на ноги шумом, вмиг отпрянули к деревьям. Никита грудью сшиб на землю Ваську Малыгу, выхватил у него Петькину одежду, сам, одетый, с разбегу маханул вниз головой в омут, и, когда рагозинцы опомнились настолько, чтобы схватиться за подручные средства нападения и защиты, Никита с Петькой уже выскочили на белоглинский берег и Петька даже штаны надернул, сунув трусы и майку в карман.

В них полетели шишки, сучья, галька. Но ни Петька, ни Никита отвечать противнику не стали. Схва-

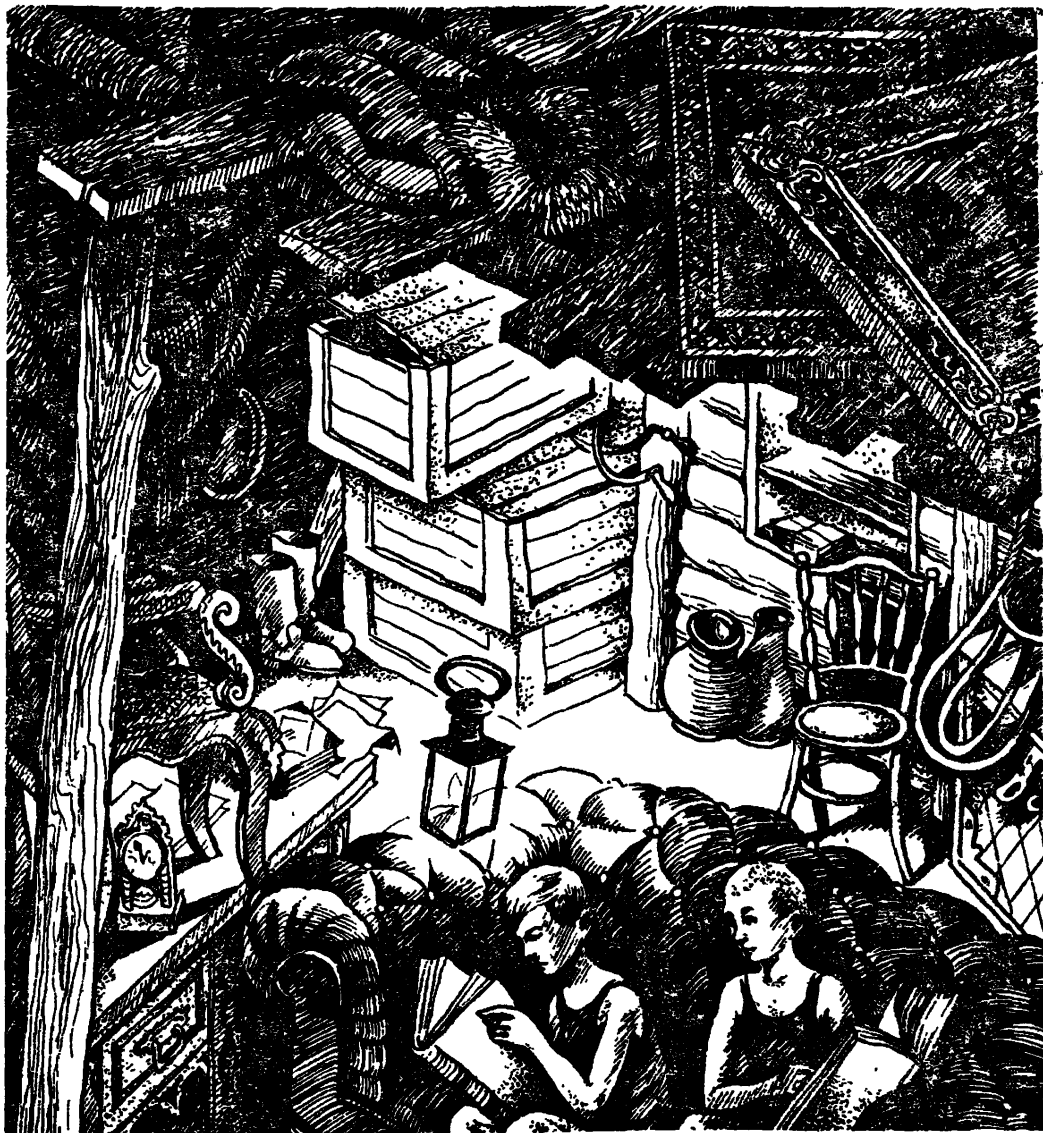
тившись за животы, они катались по берегу, задыхаясь от смеха. Не потому, что им было действительно смешно, но оттого, что смех — наиболее действенное, много раз испытанное оружие.

В результате Васька Малыга рассвирепел до того, что рядом с Петькой шлепнулась уже не еловая шишка, а увесистый, граммов около четырехсот булыжник. Приятели шмыгнули в кусты.

— Приходите в гости! — крикнул Петька. — Трúсы! Мы нарочно подстроили! Ха-ха-ха-ха-ха!..

И скалы, усиливая этот оглушительный смех, троекратным эхом возносили его над Стерлей.

ПЕРВОЕ СТРАНСТВИЕ АДМИРАЛ-ГЕНЕРАЛ-ЛИССИМУСА И ЕГО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА

Бремя славы

Друзья вскрыли первое письмо с тремя марками на конверте, забравшись глубоко в тайгу.

Письмо было на гладкой бумаге, с печатью.

«Уважаемые товарищи Савостин и Ложков!

Ваше письмо-запрос мы направляем для рассмотрения в Свердловское областное управление внутренних дел.

С приветом заместитель председателя горсовета

А. Сизов».

И в скобках еще раз было — (А. СИЗОВ).

Друзья снова и снова по очереди перечитали письмо, пока наконец поняли, что опять надо ждать.

Единственным следствием первого сообщения было то, что о письме кто-то пронюхал... Во всяком случае, спустя два дня, когда к Петькиному дому снова подошел курдюковский почтальон дед Матвейч с письмом из управления, в противоположном конце широкой белоглинской улицы мелькнула фигура Владьки... А Мишка через час подкрался к забору и, дождавшись, когда друзья выйдут из дому, спросил:

— Пишем?..

— Пишем, — сердито ответил Петька.

— Ну-ну... — одобрительно сказал Мишка.

С этим письмом они уже не прятались в тайге — прочитали дома.

Областное управление внутренних дел сообщало, что письмо направлено для «ответа по существу» в городское справочное бюро...

А еще через день письма посыпались одно за другим.

Горсправка переправила Петькин с Никитой запрос в областное отделение Союза художников «для консультации».

Союз художников переслал письмо в «Облгеологоразведку».

Чудной этот город — Свердловск! Столько организаций, что запутаешься.

«Облгеологоразведка» сообщила, что на запрос ответит областная транспортная контора. Та передала письмо автоколонне № 2. Автоколонна — строительству 44/98.

Когда дед Матвейч в восьмой раз прошел через всю улицу со стороны Курдюковки к Петькиному дому, напротив, переминаясь босыми ногами в теплой пыли, стояло, как по команде, человек десять. Тут и Колька тет-ки Татьянин, и Мишка, и даже кучерявая Кравченко... Десять пар глаз внимательно проследили, как не спеша дед Матвейч доставал пакет, как заставил Петьку расписаться в какой-то тетрадке и как Петька с Никитой, жившие все эти дни затворниками будто глухонемые, исчезли в доме.

Петька злился из-за этой неожиданной популярности, сто раз на дню хватался заново изучать манжету,

похудел за неделю и уже начинал сомневаться во всей этой затее. Никита ел с удовольствием, аппетита не терял и с утра до вечера думал какую-то свою бесконечную думу.

«Привет из Свердловска!

Хлопцы! Ту каменную бабу, тонн двадцать, волок до Свердловску я. Хиба вам надо, куда ее турнули, — про то на станции у железнодорожников спытайте. А приволок я ее от Туры, где Мусейка — такая речка — впадала, километров десять по спуску от Засулинского леспромхозу. Мусейка из Чертова болота текла. А болото спустили ниже, так что и нет ее бильше, Мусейки этой.

Жму руки! До побачиння!

Тракторист М и к о л а Д з ю б а».

Петька держался за один уголок письма, Никита — за другой, да так они минут пять и дышали рядом. Потом в четыре руки свернули письмо. Потом развернули опять, чтобы выучить наизусть.

А к вечеру порешили спрятать его и в банке из-под солидола зарыли письмо вместе с манжетой за сараем.

Все становилось на свои места. Все становилось понятным: замешательство Прони, который не может найти ни камня, ни речки, рассказы бабки Алены про засулинского Мусю и даже то, откуда у речки такое странное название...

Ожидание кончилось — надо было действовать.

С одной стороны

Прежде чем двинуться в поход, друзья вынуждены были предпринять еще много сложных действий...

Уже после того как разошлись последние зеваки, банка с документами была зарыта и опустилась ночь, друзья огородами пробрались к лодке. Тихо, стараясь не скрипнуть ни одним веслом, закрепили уключины, сходили на другой берег за своим припрятанным имуществом. Что брать с собой, решено было еще неделю назад. При свете луны, перешептываясь в самых необходимых случаях, отобрали два лука, стрелы, штык, нож, фонарь, удочки, шпагат, веревку, сетку от комаров, запасные уключины, котелок, острогу, ложки...

Каждый шорох в ночном лесу заставлял их вздра-

гивать и подолгу прислушиваться, замирая в самых неожиданных позах...

На реке было просторней и словно безопаснее, чем в лесу.

Все имущество уложили в старый брезентовый мешок, лодку выволокли на берег в таком непролазном тальнике, что ни одна живая душа не могла бы наткнуться на нее. Весла оставили здесь же.

Опять огородами, опять крадучись возвратились в деревню. Половина дела была сделана.

У дома расстались. Никита отправился к себе, на сеновал, Петька — в свою сараюшку, чтобы утром никто ни в чем не заподозрил обоих.

Проснулись рано, и, когда встретились, обоим немножко не верилось, что все у них идет так складно. Однако главная и самая трудная часть подготовительной работы, а именно дипломатическая часть, предстояла сегодня.

В Курдюковку направились без какого-нибудь плана.

Но Петька даже волосы намочил и пригладил, чтобы выглядеть человеком, на которого можно положиться. А Никита, задержавшись у родника, долго оттирал свои черные локти. Каждый день приходилось доказывать бабке Алене, что чернота эта навечно, а тут вдруг выяснилось, что ее можно оттереть. Локти Никиты стали даже белее, чем остальные части коричневых от загара рук.

Валентина Сергеевна встретила своих учеников, как всегда, радостно, почти с восторгом. Вот уж этого Петька в своей учительнице так и не мог понять. Кто-кто, а Петька знал, что радостного в нем очень мало. Мать — и та вздыхает без конца. Чудная немножко эта Валентина Сергеевна, неопытная.

— Что нового, мальчики? Разузнали что-нибудь про камень? Как отдыхаете?

Мальчики солидно уселись за стол и медлили, стараясь уловить наиболее удобный момент в разговоре.

Валентина Сергеевна опять поставила на стол варенье.

— Мы этот камень узнали где, — решительно брякнул Петька. — Тут это, недалеко...

Никита поглядел в потолок.

Валентина Сергеевна остановилась.

— Правда? Какие молодцы!

Петька незаметно ерзнул на стуле. Погибать так погибать.

— Надо бы в поход сходить на это место, поглядеть...

— Это мысль, мальчики! Я же говорила, что мы обязательно сходим куда-нибудь. Это мысль.

— Ведь против никто не будет? — беспокойно заметил Никита.

— Нет, нет, конечно! Что здесь такого? Наоборот!

— Что такого... — автоматически подтвердил Петька.

— Это же интересно, во-первых! — сказала Валентина Сергеевна. — А потом — для здоровья необходимо.

— Конечно... — подтвердил Петька, стараясь удержать разговор в неопределенно-общих рамках.

— Кто может быть против? — продолжала бесхитростная Валентина Сергеевна. — Мы заведем свой музей, с дневниками походов, с гербариями. Это же стыдно, мальчики: жить в таком краю и даже лютик изучать по картинке!

— Да... — с готовностью согласился Никита, поскольку глаза Валентины Сергеевны остановились на нем.

— Я уже многим ребятам дала задания. Вот и вы сделали хорошее дело. А надпись на скале у водопада? Надо сфотографировать ее, разыскать свидетелей, кто воевал здесь.

— Надо... — опять согласились Никита и Петька.

— Сидеть и ничем не интересоваться, мальчики, — это плохо. Надо быть романтиками: дерзкими, смелыми!..

Когда друзья уходили от Валентины Сергеевны, Петька аж дрожал от желания возликовать: Валентина Сергеевна буквально отправляла их в странствие. Никита был тоже доволен. Но особых восторгов не выказывал.

Впереди предстояли еще две беседы.

Проще было с Петькиной матерью.

— Мамань, — решительно сказал Петька, — были мы у Валентины Сергеевны... Так вот — надо для школы в поход сходить.

— Ну, чего ж, — согласилась Петькина мать. — Валентина Сергеевна говорила мне. Это когда же вы собираетесь?

— Сегодня, ма. Ты же знаешь, — как можно небрежней сказал Петька, — надо до рассвета, пока не жарко.

Петькина мать слишком уважала учителей, чтобы сомневаться в чем-нибудь. Всполошилась только:

— Когда же я изготовлю-то все? Батюшки! Хоть деньком бы позже.

Подталкивая Никиту к выходу, Петька легко закруглил разговор:

— А чего, мам, надо мне? Хлеба да соли.. Мы ж с удочками!

— И долго он будет — поход-то этот?

— Дня три, мам!.. Туда-сюда...

Немножко труднее было вести дипломатический разговор с бабушкой Аленой. Пришлось выдумать ей ориентировочное место, до которого предстоит поход, пришлось как-то объяснить причину внезапности похода. Тут главное было — уйти от прямого вопроса: идет с ними Валентина Сергеевна или не идет. Поэтому, когда бабушка спросила: «Мишка тоже собирается?» — Петька пустился в длинные, путаные разъяснения насчет Мишки: он же такой — неделю назад его взял Федор дядьки косоного Андрея за жердями в тайгу, так он поехал, а дорогой сбежал — куликов ловить на озере. Федор туда-сюда, а Мишки нет... Пока искал, и жердей не нарубил... Мишка, он только сначала все соглашается, а потом его...

— Ай поцапались? — предположила бабушка Алена.

— Ну да! — обрадовался Петька. И хотел было продолжить рассказ о Мишкиной расхлябанности. Бабушка Алена остановила его:

— Ладно, помолчи, болтало... Если что у меня — глядите тогда... Сыму сыромятину, не погляжу, что ученые, так отпишу...

Но в общем-то бабушка Алена загрустила. Трое суток: ни поговорить не с кем, ни одернуть некого... Да и Никита — кто его приструнит там?

Дипломатия настолько утомила друзей, что, сбежав на минуту от бабушки Алены, они вздохнули свободно, только развалившись в бурьяне за огородом.

Петька даже затянул: «По морям, по волнам...» Никита не поддержал его. И лишь когда подошла минута расстаться ненадолго, изрек:

— С одной стороны, конечно, мы никого не обманули.

Мишка шпионит

Решили проверить подходы к лодке, чтобы не заплутаться ночью, и наткнулись у берега на Мишку.

Он так пристально вглядывался в каждую пролысину в камышах, что заметил друзей, когда те подошли уже к нему вплотную.

— Здравия желаю...

— Чего шарить? — спросил Петька.

— Да так... — словчил Мишка. — Тут где-то крышка лазит. Может, подраненная?

— Ну, давай!.. — разрешил Петька.

— А кто вам писал? — насторожился Мишка.

— Всякие, — объяснил Петька. И заключил неопределенно: — Умные люди — пишут.

Мишка обобщения не понял.

— Тихарите?

— Кому ружье, кому письма, — вступился Никита. — История нас рассудит.

— Ладно... — оскорбился Мишка. — А лодку вы куда дели?

— Ха! — сказал Петька. — Лодку Федор взял карасей ловить на старице.

— Что, у Федора своей нет?

— Проволоки-ка его четверку на старицу! — удивился Петька. — Проволокешь?

В это время из камышей вынырнул запыхавшийся Владька и выпалил, не разглядев чужих:

— Может, на том берегу спрятали?

Мишка сразу поскучнел.

— Вдвоем шарите? — съязвил Петька. Затем приободрил Мишку, как недавно Мишка приободрял их: — Ну-ну...

Капуста

Пользуясь материной благосклонностью, Петька выпросил у нее деньги на компас и слетал еще раз в Курдюковку. В сельпо. С фосфорной стрелкой, с ремешком и блестящим как зеркало корпусом компас этот был давнишней мечтой Петьки. Мать сто лет бы не разорилась

на него. Но когда в дело вмешиваются учителя, тут она слова против не скажет.

Новенький, с маленькое блюдце величиной компас блестел на Петькиной руке, и настроение у Петьки было самым безоблачным, когда, уже на обратном пути через Белую Глину, пришлось это настроение немножко утратить.

На хутор через деревню шла желтоволосая Светка в платье с горошинами и с кочаном капусты в руке, а следом за ней — человек шесть разных недотеп, вроде Семки Нефедова: Семка, Лешка — его покровитель, тоже простофиля, второгодник. Простофиля не потому, что второгодник, а второгодник потому, что простофиля. Остальные четверо, кто увязался за Светкой, кроме Семки и Лешки-пронеры, — мелюзга, второй эшелон из отряда Кольки тетки Татьянина.

Что Светка приманивает всех — давно было ясно.

Раньше все играли в лесу да у реки, за околицей еще, а теперь — бороться если — обязательно возле хутора, на поляне, в войну играть — тоже здесь, в лапту — тоже. И целыми днями галдеж около хутора.

Светка впервые шла одна, без Димки и кучерявой Кравченко.

Петька, будто случайно, пристроился вслед за шестеркой провожающих. Светка настолько овладела всеобщим вниманием, что даже Петькиного компаса никто не заметил.

Светка была явно растеряна, и остановиться боялась, и боялась убежать.

Командовал парадом Лешка-пронера.

Лешка кивал одному из шпанят — он всех недоразвитых около себя собирал, — тот забегал перед Светкой и, пятясь, корчил ей рожи.

— Мальчики... — растерянно умоляла Светка.

— Ну, ты, шмок! — прикрикивал Лешка на своего подчиненного, тот возвращался к нему, а Лешка посылал следующего, чтобы потрогал Светку за волосы или, пристроившись рядом, старался идти с ней нога в ногу.

Пацаны так и вертелись вокруг нее.

— Городская, а?.. А чего ты не отвечаешь?..

Наконец один из преследователей подбежал сзади и неожиданно сильно ударил по кочану. Тот вылетел из

Светкиных рук и, откатываясь, несколько раз перевернулся в пыли.

Зажав ладошкой глаза, Светка заревела вдруг и, не оглядываясь, побежала в сторону хутора.

Петька остановился. Что-то непонятное вдруг ворохнулось у него в груди и — чего не бывало с ним никогда раньше — подхлынуло к самому горлу, даже глаза помутились.

Как все происходило в дальнейшем, он не очень помнил.

В одно мгновение Петька схватил кочан, догнал Светку, задержал ее и, подавая капусту, сказал:

— Возьми. Нюня...

Такое сказал, что прямо краска в лицо ударила. И слово же подвернулось — мяукающее: нюня...

Она взяла кочан, поглядела мокрыми глазами.

— Спасибо... — И дальше пошла уже спокойно.

А Петька остался стоять, растерянный, взбешенный, не зная, то ли трахнуть чем себя по голове, то ли догнать и трахнуть Светку, скорее, конечно, себя, чем Светку, — будто в один миг оборвалось что-то для него: отмякал — и уходи в сторону, а то опозоришься...

Дуэль по-новому

Бешенство его недолго не находило выхода.

Петька отстегнул компас, аккуратно засунул его в карман и повернул назад, к собравшимся неподалеку приятелям из Лешкиной компании.

— Шестеро на одну? — спросил он, входя в расступившийся перед ним кружок.

— Станешь вызывать на дуэль?.. — ухмыльнулся Лешка.

Но Петька уже не мог остановиться. Традиции рушились одна за другой. Раз нет справедливости на земле — долой обычаи, долой законы.

Петька размахнулся с ходу и врезал Лешке такую затрещину, что, должно быть, тому померещилось в этот момент что-нибудь яркое. Не давая противнику опомниться, он по всем правилам бокса ударил снизу по челюсти Семку Нефедова и только повторял при этом:

— Шестеро на одну?.. Капусту валять?..

Мелюзга разлетелась по сторонам, будто ее ветром

сдуло. Семка так и сел на землю, потом, перекувырнувшись как-то боком, тоже отскочил в сторону.

Один только Лешка успел дать ему под дых, да потом еще некоторое время спустя после драки Петька почувствовал, что скула у него немного побаливает, а тут он скоро оказался верхом на Лешке и, крепко обхватив его затылок, тыкал носом в дорожную пыль: «Шестеро на одну?..»

На стекле компаса появилась небольшая трещина. Но странное дело: теперь Петьке было почти наплевать на компас, — на компас, о котором он мечтал три года...

Отплытие

Никита пришел под вечер вместе с бабкой Аленой. Никита был в телогрейке, с мешком за плечами, в кепке. Телогрейка доставала ему почти до колен, а сломанный козырек кепки нависал на глаза.

Лицо Никиты было невозмутимо-будничным, как перед прогулкой за грибами.

Петькина мать тоже заготовила сыну мешок, толково уложила туда хлеб, соль, десяток картофелин, десяток яиц, туесок с сметаной, ломоть сала, четыре луковицы.

Женщины хотели уточнить кое-какие детали предстоящего путешествия, Петька увильнул:

— Нам надо, мамань, чуть свет стронуться, мы поспим малость...

Женщины остались во дворе, а Петька с Никитой забрались в сарай и долго шепотом обсуждали происшедшие события, веря и не веря, что все у них складывается так нормально.

Впрочем, долгое напряжение сказалось, и, не думая засыпать, они все-таки очень кстати поспали часа четыре.

К Петькиным приключениям Никита отнесся без осуждения. Правда, Петька рассказал о них смутно, главное внимание сосредоточив на драке, тогда как главное было в капусте...

Первым проснулся Никита. Спал он всегда крепче Петьки, а потому и просыпался, когда надо, раньше. Петька вскочил, едва Никита толкнул его в бок.

Вылезать из-под одеяла в ночь, в прохладу оказалось не так радостно, как это представлялось днем.

Стуча зубами, молча зашнуровали ботинки, молча надели телогрейки, приладили за спинами котомки, вышли во двор. Здесь было как будто теплее, и оба почувствовали прежнюю решимость.

Огородами неслышно пробрались к тайге.

Лодка была на месте.

Торопливо, поминутно оглядываясь, словно их могли еще остановить, спустили снаряженную долбленку на воду. Петька сел за весла, Никита — к рулю, и в полной темноте выгребли на середину реки.

Вода под веслами фосфоресцировала таинственным светом, откуда-то из глубины. Слышно было только журчание-струй вдоль узких бортов долбленки.

— Ни пуха ни пера, — благосклонно пожелал Никита.

Петька всей грудью вдохнул ночной воздух и стал грести ровно, широко взмахивая веслами.

Луна выкатилась над черной тайгой, когда они были у Марковых гор. Голубой свет облил меловые склоны, и из благоговения перед окружающим их безмолвием Петька на время перестал грести. На время оба приковали взгляды к таинственной чащобе Маркова леса, и вдруг Петька вскрикнул испуганным шепотом:

— Гляди!..

Никита сначала ничего не мог рассмотреть, потом и ему показалось, будто на призрачном фоне тайги, на той самой вершине, откуда, по преданию, бросился в воду красавец Марко, проглядывает силуэт человека: то ли тень сумасшедшего Прони, то ли призрак обманутого Марко...

Первая оплошность

Плыли всю ночь.

Настроение мало-помалу исправилось. По крайней мере сутки или двое никто о них спохватиться не мог, и мысли обоих сосредоточились на предстоящем открытии.

В рассветных сумерках проплыли Гуменки.

Друзья с любопытством таращили глаза — все-таки неизведанный край. Еще год назад они бы не решились на подобное путешествие. Вернее, год назад даже путешествие к Марковым горам казалось подвигом... Но

ничего особенного в Гуменках не обнаружили. Деревня как деревня. К тому же здесь наверняка нет ни скал ни водопада...

Никита достал тетрадь, макнул в воду за бортом химический карандаш и тщательно записал свои наблюдения.

Холодная, розовая заря постепенно угасла, растворилась, и первые лучи солнца зажгли веселым блеском верхушки елей на берегу Туры. Петька скинул телогрейку, отцовскую кепку, оба с удовольствием сняли ботинки.

А когда солнце взошло уже высоко над тайгой и желтая Тура заискрилась под его лучами, решили сделать первый привал. Животы у обоих подвело, а руки ныли от усталости. Вдобавок Никита где-то вычитал, что, как ты ни спеша, а привал и завтрак вовремя — это первое дело в путешествии. Теория у Никиты имелась на все случаи жизни.

Выволокли лодку на берег и огляделись, довольные собой. Их лодка — с удочками, телогрейками, полными провизией мешками — очень походила на лодку самых заправских путешественников. А тайга, окружавшая лужайку, на которой высадились они, и река и безлюдье вокруг не оставляли никаких сомнений в реальности происходящего.

Шлепнулись на траву и, закрыв глаза, минут пять предавались блаженным раздумьям.

Над самой головой Петьки вытянулась корявая лапа сосны, и нахальная синица, прыгая с ветки на ветку, о чем-то торопливо рассказывала Петьке. Петька приоткрыл глаз и разглядывал ее пушистое брюшко. А синица, наклонив голову, тоже поглядела на него одним глазом.

Пахло хвоей, пахло тайгой, но друзья выросли в этом запахе и не замечали его. Это был запах земли, запах жизни на земле. И скажи им, что где-то может пахнуть иначе, — они не поверили бы.

— Подъем! — сам себе скомандовал Петька и, вскочив на ноги, полез в чащу за валежником.

Скоро на поляне заиграл костер.

Молоко обоим было велено выпить как можно скорее, пяток сырых яиц тоже нельзя было хранить, а чтобы сидеть у костра да не испечь картошку — об этом речи не могло быть. Словом, позавтракали так крепко, как

никогда в жизни еще не завтракали. Однако не почувствовали себя очень обремененными едой. Из ручейка, который, по существу, и явился причиной выбора стоянки, набрали воды. Разом выпили по полкотелка. Но поскольку всякий уважающий себя путешественник кипятит чай, полкотелка еще вскипятили и без энтузиазма похлебали пахнущую дымом воду. Решили, что в следующий раз не будут пить сырую, тогда кипяченая пойдет лучше.

Опять немного полежали. Петька вспомнил мать, потом вспомнил Мишку с Владькой и позлорадствовал про себя.

О чем думал Никита — не угадать. Никита отыскивал для себя точку даже там, где ее и отыскать нельзя. Небо голубое, ровное из края в край. Петька шарит, шарит по нему глазами—зацепиться не за что. А Никита как уставился вверх, так кажется, будто что подвесили там специально для него — гляди Никита и радуйся, как интересно.

Синица улетела куда-то, а к сосне прицепился дятел.

Друзья сели и поглядели друг на друга. И на этот раз подумали об одном и том же. Подумали о тайне, что ждала их впереди. Но думать об этом они могли, а говорить нельзя было. Что толку гадать, если ничего не известно?

Впрочем, Петька уже открыл было рот, чтобы сделать хоть самое осторожное предположение, как рядом под чьими-то шагами захрустел валежник. Друзья замерли. Нож валялся в стороне от них, а штык — в лодке.

Это была непростительная оплошность.

Тайга живет

На лужайку вышла женщина в ватной телогрейке, в сапогах, в платке, под которым угадывалась толстая, уложенная вокруг головы коса.

Друзья от удивления привстали даже. Они забрались за много верст, в глухомань, а тут — здрасьте! — женщина. Уж лучше бы сам Марко.

Она так и сказала:

— Здравствуйте...

— Здравия желаем... — ответил Петька, машинально повторяя любимое Мишкино приветствие.

— Откуда вы? Чего тут делаете?

— Мы-то? — переспросил Петька. — Мы белоглинские. В походе... Гербарий собираем, — находчиво добавил он. — Ну, цветы разные, травы для школы. Это нам учительница велела. Валентина Сергеевна. Не слышали про такую?

При сообщении о том, что они белоглинские, женщина подозрительно оглядела обоих, про учительницу Валентину Сергеевну она, разумеется, не слышала, но словно бы уже сам авторитет учительницы позволял многое, и женщина сразу подобрела.

— А-а... Гербарий... — сказала она и присела на борт лодки. — А я гляжу — дым... Угли не оставляйте.

— Угли — это мы знаем, — обиделся Петька. — Что мы — впервой, что ли? А вы кто?..

— Я-то? — Женщина улыбнулась вдруг и как бы поняла, что обида Петькина справедлива. — Мы тут от лесничества...

— А-а... — солидно сказал Петька. — Мы не знали. Мы думали, тут никого. Пусто.

Женщина поглядела вверх по реке и сказала назидательно:

— В тайге не бывает пусто. Кто как глядеть может... Тайга завсегда живет... И человеком и зверем...

Друзья решили, что на будущее учтут это.

— Далеко плывете? — спросила женщина.

— А мы еще один камень ищем, — сказал Никита.

Женщина вдруг опять посуровела.

— Какой такой камень?

Никита рассказал про мрамор, который увезли на памятник. Школе просто необходимо описание мест, где нашли этот мрамор. Для большей убедительности Никита показал женщине свою тетрадь. Тетрадь подействовала.

— Чудная у вас учительница... — с уважением произнесла женщина. — А то я думаю, что-то все камень ищут...

— Кто — все? — настораживаясь, спросил Петька.

— Был тут один... Придурковатый не придурковатый...

Друзья незаметно переглянулись.

— Зарос весь, что черт... — продолжала женщина. — Тоже камнем интересовался. Речка, говорит, и камень...

А стала я выпрашивать, так завертелся.. Дурак не дурак, а хитрит, вижу... — Она опять подозрительно оглядела приятелей. — Вы-то не за тем же камнем плывете?

— Не! — энергично возразил Петька. — Там нет речки. Была раньше близко — Мусейка такая. Теперь нет. Это нам из области написали.

Женщина успокоилась.

— Мусейку знаю... Это за поворотом от линии...

— Какой линии? — быстро спросил Петька.

— Лектрической — ясно какой... Там за поворотом сразу Соснушка вроде была, потом Лебядка, потом Чернавка, потом Мусейка... А дале — Надкаменка...

— А Засули где ж? — спросил Петька. — Леспромхоз?

— Засули? Засули-то в стороне остаются, в лесу...

Друзья опять переглянулись. Выходит, они могли промахнуть мимо пересохшей Мусейки невесть куда...

— Теть, а теть... — осторожно спросил Никита. — А что этот был, который расспрашивал, может, сумасшедший какой?

— Кто его знает...

— Давно был?

— Давненько уж... С месяц, что ли... Ай три недели... Ну ладно, — сказала женщина. — Хлеба-то у вас хватит?

— Хватит! — с радостью заверил Петька и в доказательство потряс своим мешком.

Женщина вздохнула, покачала головой и растворилась в тайге.

Мусейка

Едва приятели снова остались одни, котомки их полетели в лодку, Никита быстро зачерпнул котелком воды, поплескал на затухающий костер, дружным усилием спустили лодку, и через пять минут они уже опять стремительно плыли посередине реки. Дурак-дурак Проня, а дело туго знает...

Одно оправдывало затянувшийся отдых: теперь они знали, что им надо искать в первую очередь. При мысли о том, в какой просак могли они попасть, не случись этой женщины, становилось тоскливо. Могли бы плыть до бесконечности...

Теперь, пока один греб, другой пристально всматривался в берега, чтобы не проглядеть столбы электропередачи.

Но плыли и плыли, а тайга, безмолвная, обступала Туру с обеих сторон, и проходили поворот за поворотом, замечали речушку за речушкой, а столбы все не показывались...

Может, и Чернавку проплыли уже...

Ни до еды, ни до стаи пролетевших уток обоим теперь не было никакого дела... И вдруг Петька завопил: — Е-е-эсть!..

Тут они еще раз напомнили себе о необходимой осторожности.

Петька подскочил на корме, а Никита так резко оглянулся, что лодка накренилась и черпанула бортом.

Впрочем, оба единодушно простили это друг другу.

Петька затянул «По долинам и по взгорьям...». Но довел пение только до второй строки. Все главные трудности еще ждали их впереди...

— Гребем к берегу, — скомандовал Петька.

По берегам Туры, могучие, словно великаны, возвышаясь над тайгой, стояли металлические опоры высоковольтной линии электропередачи. И два кабеля перекинулись с берега на берег, устремляясь к неведомым городам, поселкам, станциям, через бесконечно многие километры тайги...

Если бы знали путешественники, что «линия» окажется такой приметной, могли бы плыть спокойней.

Буквально в двух метрах от берега, почти цепляясь веслом за корневища деревьев, обогнули поворот, затаив дыхание, проплыли мимо тенистой, в зарослях ивы Соснушки, оставили мутноватую, в крутых глинистых берегах Лебядку, наконец Петька скомандовал «стоп».

Под ними журчала светлая вода Чернавки. Названия люди не всегда справедливые придумывают, но друзья не стали осуждать людей. И «стоп» Петька скомандовал чисто символически. Они были у той границы, за которой надо было плыть с предельной осторожностью, оглядывая каждую незначительную промоину в берегу.

Становилось понятно, почему нелегко было сумасшедшему Проне отыскать пропавшую Мусейку.

Друзья на всякий случай стали через каждые десять—пятнадцать метров высаживаться на берег.

Обследовали два поросших камышами и осокой заливчика. Никита рассудил, что именно так должно выглядеть устье пересохшей реки. Мысль его вскоре подтвердилась...

Издалека удалось разглядеть два ряда разросшихся близко друг к другу осин и высокую траву между ними. А это уж как правило: где река — там осина, да ольха по берегам, да тальник, да кое-где черемуха.

Лодку привязали к ближайшему корневищу и друг за дружкой, медленно, словно боясь, что и на этот раз они ошиблись, прошли вдоль едва приметного, когда-то заполненного водой русла... Только такую хлипкую речушку и могли назвать Мусейкой.

— Она... — раздвинув кусты перед собой, объявил Никита.

Перед ними чистое, в рамке зелени сверкало озерцо. Там, где была старая пойма или речка, обязательно потом остаются озерца...

Теперь уже напрямик, через кусты пробрались дальше, мимо озерца. Метрах в ста от первого, вытянутое вдоль старого русла и затененное нависшими над ним деревьями, гладкое, как стекло, и бездонное на вид из-за утонувших в нем высоченных сосен открылось второе озерцо.

Сомнений быть не могло: они стояли в устье Мусейки.

А то, что на берегу не оказалось никаких следов мрамора, — естественно. Может быть, откуда-нибудь из дальних-дальних стран тысячу лет назад, во время ледникового периода, занесло в устье Мусейки эту мраморную глыбу...

Цена невыдержанности

Лодку выволокли и перевернули в кустах, спрятав под нее свое имущество. Обулись, надели телогрейки. Петька сунул за пояс штык. Никита взял нож.

— Может, дождемся утра? — осторожно спросил Никита.

Петька только глянул на него — и стало ясно, что до утра Петька не выдержит.

Сошлись на том, чтобы немного пройтись и возвратиться назад.

— Давай цифры, — приказал Петька. Глаза его го-

рели решимостью, штык, начищенный к случаю, отливал внушительным стальным блеском.

— Тысяча пятьсот, четыреста, триста, шесть, сто шестьдесят, двести восемьдесят три, — коротко отбубнил Никита.

— Сто шестьдесят, двести восемьдесят три... — с благоговением, как заклинание, повторил Петька и, опершись каблуком в самую кромку берега Туры, сделал первый шаг. — Раз...

Никита тоже уперся каблуком. И тоже про себя отсчитал: «Раз...»

Но просто было считать только до пяти. Потом пришлось делать сложные вычисления: каждый шаг — метр. Пять пройденных шагов в уме, десять — вокруг вереска, это половина длины окружности. Никита высчитал что если бы идти напрямую, через вереск, получилось бы примерно три с половиной шага. Надо сделать для ровного счета полшага от вереска... Итого пройдено четыре шага. Плюс пять тех, что были в уме, — девять.

Причем это было одно из простейших действий. Там где на пути лежали озерца, вычисления имели более сложный и более приблизительный характер.

Однако дальше, за озерцами, опять стало легче.

Шаги Никита записывал, чтобы не сбиться, а Петька время от времени поглядывал на компас, хотя особой нужды в этом пока и не было.

— Надо все пробовать... — сказал Петька. И отсчитал: — Двести восемьдесят один... — Остановились рядышком. Вместе сделали следующий неровный шаг.— Двести восемьдесят два. — И: — Двести восемьдесят три...

Петькины губы побелели от напряжения, а Никита поправил сломанный козырек кепки, но тот опять упал ему на глаза. Тогда Никита сердито крутнул его на затылок.

Петька шагнул к руслу. А Никита сделал не приметную засечку на сосне. Выцарапал: «283».

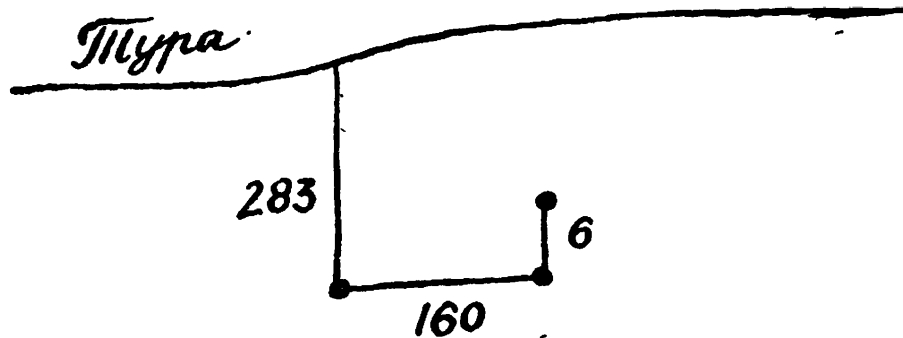
— Сколько там вбок?.. — шепотом спросил Петька.

Никита прилепнул первого комара на щеке и сказал:

— Нет... Двести восемьдесят три не может быть первой цифрой... Тогда, выходит, сто шестьдесят вбок и шесть назад? Тогда было бы не двести восемьдесят три,

а просто — на шесть меньше. И на другом чертеже этих цифр нет.

Математика — наука убедительная. Предложенный Петькой вариант схемы не подходил:

— Меряем тысячу двести, — сказал Петька.

1200 — была первой цифрой на столе в землянке. И от сосны с пометкой «283» он опять шагнул дальше.

— Двести восемьдесят четыре...

Никита подумал и тоже шагнул.

Через некоторое время решили, что должна быть хоть какая-то примета на пути, в точке поворота, иначе бы ни им, ни тому, кто чертил схемы, никогда не найти этот поворот.

Пометку «500» сделали скоро, а к «1200» пришлось перебираться через болото.

Оба и не заметили, как попали в трясину. С кочки на кочку, с кочки на кочку — мало ли приходилось так вышагивать, но постепенно залезли в такую зыбь, что каждую кочку приходилось предварительно опробовать палкой, потом уж осторожно ступать или прыгать на нее.

Тысячу двухсотый шаг сделали посреди болота. Ничего мало-мальски приметного поблизости, в бывшем русле, не обнаружили ни вверх по руслу, ни вниз. Впрочем, оба, не сговариваясь, основные надежды возлагали уже на цифру 1500. Если верна цифра 1200, зачем бы появилась цифра 1500 и все те многочисленные повороты, что следовали за ней? Тем более, что 1500 была цифрой на манжете, где тщательно вычерчен чертеж — со всеми изгибами Мусейки.

— Тысяча двести один... — отсчитал Петька.

Бормоча цифры, Никита давно уже с тревогой пог-

лядывал назад, но Петька скакал и скакал дальше. На последних метрах от суши адмирал-генералиссимус все-таки окунулся в жижу почти по пояс. Но, выбравшись из болота, не остановился, а сделал еще несколько недостающих до тысячи трехсот шагов и только здесь начал быстренько скидывать штаны.

Штаны и трусы Петькины выжали, ботинки протерли сухой травой. Но без штанов Петька сразу понравился комарам и только по этому смог убедиться, что близится ночь.

— А ведь нам не пробраться назад... — без воодушевления заметил Никита. Петька оглянулся на пройденный путь. И почти умоляюще — на Никиту.

— Еще двести, а? Гляди-ка ровень какая...

— Околеешь.

Петька хлопнул себя по карману. Спички есть. Но тут же понял, что они промокли.

— Не околею. — И шагнул дальше. — Раз...

Никита зашагал следом.

А солнце клонилось все ниже и ниже...

Зарубку «1500» сделали уже в сумерках. Но и здесь не было ничего приметного: ни в русле, ни поблизости на сотни метров вперед и назад...

Петька попробовал даже ковырять штыком землю. Но разве перековыряешь весь лес? И растерянный Петька помрачнел.

— Надо было сворачивать на тысяче двести... — сказал он.

Никита задумался. Зачем-то поглядел вверх, вниз, потом вправо...

Адмирал-генералиссимус с надеждой воззрился на его круглую голову. Не может же быть, что все прахом...

— Слушай... — сказал начальник штаба. — Когда это записывалось?.. Схема.

— Давно, — не понял Петька.

— Я знаю, что давно. В гражданскую ведь?

— Наверно...

— А тогда еще не меряли метрами... А этими — саженьями... Бабка и теперь саженьями все меряет.

Петька воспрянул.

— Да у тебя... святая голова, брат! Академия! Конференция! — заорал Петька. — Сельсовет! Вот какая у тебя голова!

— А сажень — это два метра, один дециметр, тридцать четыре миллиметра... Тридцать четыре пока — откинуть...

— Сельсовет, а у тебя есть спички? — неуверенно спросил Петька.

— Нет, они у тебя, — отмахнулся Никита.

— Ты знаешь, мои промокли...

Никита уставился на него отсутствующими глазами.

— Да? — И обеими руками шлепнул себя по щекам. — Надо идти назад...

Петька, синий от холода, виновато подергал себя за волосы.

— Не дойдем...

Вершины сосен потухли на глазах. И тайга будто понадвинулась со всех сторон, уплотнилась, нависла над ними.

— Так... — сказал Никита. — Давай штанами меняться?

— Еще чего? — огрызнулся Петька. — Надо что-нибудь делать... Шалаш какой, что ли...

До сосновых веток не добраться — высоко, надо было искать пихту или, на худой конец, ель.

Петька поглядел на компас. Стрелка уже начинала светиться. Показал рукой:

— На северо-восток...

Из-за мокрых штанов все сильнее охватывала дрожь. Но винить было некого, и, стиснув зубы, Петька молчал.

Они прошли всего-то шагов пятьсот, когда темнота стала такой, что и в десяти шагах можно было потерять друг друга. А рядом по-прежнему возвышались голые до самых верхушек сосны.

Уже не сдерживая знобкую дрожь, Петька остановился.

Всегда знакомая и близкая тайга теперь сделалась неприветливой, суровой... Она всегда сурова к растяпам...

— Заблудим... — сказал Никита. Их плечи соприкасались.

Петька неожиданно повел головой.

— Чего ты? — тревожно спросил Никита.

— Не чуешь?

Никита принюхался.

— Чую!..

Дрожь сразу пропала. Петька глянул на компас.

— Восток!

Запах был едва уловимым. Но это был запах костра.

Судьба еще раз улыбнулась им.

Странники

Костер горел рядом с небольшой охотничьей избушкой на поляне. У костра сидели два мужика. Друзья из осторожности понаблюдали за ними.

Один из мужиков, с вислыми рыжими усами, что-то не спеша рассказывал напарнику. Тот, время от времени кивая, слушал. Лицо у него было маленькое, морщинистое и чем-то располагающее.

Неподалеку от них лежали на траве двустволки и убитый заяц. А на газете между охотниками стояла бутылка водки.

Лица вышедших на поляну друзей имели самое невинное выражение, как будто это вполне естественно — появляться вот так из тайги.

— Приятного аппетита... — вместо приветствия пожелал Петька, останавливаясь у костра. От штанов его сразу повалил пар.

Мужики с открытыми ртами некоторое время разглядывали пришельцев.

Потом усатый ответил как положено:

— Будьте гостями...

— Спасибо, — сказал Петька и облегченно вздохнул, усаживаясь почти вплотную к огню.

Никита тоже сел.

Помолчали немного.

— Штаны-то зачем мокрые? — будто между прочим спросил усатый, разливая в две кружки «Московскую».

Никита заметил в траве еще одну бутылку.

— Да так... — сказал Петька.

— Чтой-т я не слышал, чтоб за так в мокрых штанах ходили... Ты не слыхал, Акимыч? — спросил усатый.

Акимыч тряхнул головой.

— Н-не... Как-то-сь не по-нашенски.

— Ну да, — рассудительно заметил усатый. — По-нашенски, так высушился бы, чай?..

Петька догадался наконец, что к чему. (Ладно, хоть штык успел передать Никите.) Скинул штаны, подвесил их на рогатулине возле костра, рядом — трусы и ботинки, а телогрейку застегнул на бедрах, как юбку. И сразу приободрился.

Усатый протянул Никите кусок отварной говядины. Никита хотел отказаться, но рука его сама собой потянулась к мясу: они с Петькой с самого утра в рот ничего не брали.

— Спасибо, — поблагодарил Никита.

Петька тоже получил кусок говядины с хлебом, тоже поблагодарил.

— Ничего! — ответил Акимыч. — Будьте здоровы!.. Будь здоров, Тихонович! — И выпил.

Пока ели, молчали, разглядывали друг друга.

В общем, все получилось довольно по-мужски.

— Кто же вы будете?.. — между делом спросил Тихонович, закусывая огурцом и не глядя на приятелей.

— Мы-то?.. Да мы это... — сказал Петька, — ну, путешествуем...

— Это как же: вроде странников, что ли? — равнодушно уточнил Тихонович.

— Ну да... — согласился Петька. — Если по-старинному, то странники.

— А-а... — сказал Тихонович. — И отколь же вы?..

— Да тут, недалеко... Из деревни, — сказал Петька.

— Понятно... — вздохнул Тихонович, снова принимаясь за бутылку. — Так вот, Акимыч, значитца... Идет эт-та Ефросинья-та... Ну, а я, сам знаешь, поддамши малость...

Никиту потянуло ко сну, и он под неторопливый говорок Тихоновича вздремнул.

Сначала высохли Петькины трусы, и он надел их, потом штаны, потом обул ботинки.

— Поспите, чай? А? — обернулся к нему Тихонович. — Сооруди, Акимыч.

Никита очнулся. Акимыч взял смолистую головешку и, наклонившись, вошел в избушку.

Никита и Петька с готовностью последовали за ним.

— Вот сено, вот кошма. Дерюжку-то под голова, а кошмой накроетесь, — гостеприимно распорядился Акимыч.

Друзья бухнулись на сено и только хотели возли-

ковать, как дверь что-то очень уж быстро хлопнула, и за стеной послышался торжествующий смешок Тихоновича.

Никита поднялся на коленки, попробовал сшелохнуть дверь плечом, но, видимо, ее хорошо подперли снаружи.

— Дяденька... — позвал Никита.

— Хе-хе! — отозвался Тихонович. — Странники, значитца? Вот я завтрава к маткам вас оттащу — они вам покажут эти самые странствия... Чи странствования, Акимыч, — как это?

— Дыть как ни обзови, а все одно вожжой придется! — добродушно рассмеялся Акимыч.

— Дяденька... — еще раз безнадежно позвал Никита.

Но смех за стеной уже стих. И от костра послышалось знакомое: «Ну, так вот эт-та...»

Закон джунглей

Пять или шесть часов проспал Петька — он не знал, потому что спал как убитый. Разбудил его уже проснувшийся начальник штаба.

Было еще темно. От костра по-прежнему долетал говорок.

— Спички высохли?

Петька показал в темноте на стены.

— Увидят!..

Но Никита уже прошарил бревна.

— Тут как в погребе!..

Петька зажег спичку. Солома в углу избушки была разрыта. Никита ткнул пальцем в землю.

— Роем!..

И спичек больше не зажигали. Слышали только дыхание друг друга, орудуя — один штыком, другой руками.

Идея была правильной. Через двадцать минут под стеной избушки уже пролезала рука, но чтобы расширить подкоп, пришлось поработать еще с полчаса.

Первым выглянул наружу Никита. Петька сзади подтолкнул его: «Давай!..» Но Никита влез обратно. Велел зажечь спичку и куском случайно оказавшейся под руками извести вывел на стене приветствие джунглей:

МЫ ОДНОЙ КРОВИ — ТЫ И Я

Потом они вылезли наружу и соломой прикрыли за собой лаз. Последнее, что слышали они от костра, — это неторопливый говорок Тихоновича:

— Так вот эт-та Ефросинья-то...

И уже не могли слышать, как утром, войдя в пустую избушку, Тихонович долго недоуменно читал надпись на стене, а потом советовался с Акимычем возле костра:

— Али племяш какой?.. Ишь ты! Моя кровь — эт верно... Вот эт-та, как с Ефросиньей-то...

Опыт приходит не сразу

Первый день путешествия кончился неудачей, новый день начался с неудач.

Свою лодку они хорошо упрятали от людей, но позабыли, что иногда в тайге опаснее — звери. Возле их мешков с провизией ночь напролет пировали мыши.

Хлеба, после того как его обрезали и выкинули изъеденные куски, стало в три раза меньше, сала — в два, мясо пришлось вовсе выкинуть, а сметана вытекла из прогрызенного туеска, даже вареные яйца прожорливые зверьки не обошли своим вниманием.

— Надо экономить, — заключил начальник штаба, когда итоги были подведены, а дырки на мешках завязаны, и с запоздалой предусмотрительностью подвесил мешки на ближайшем суку.

По дороге к реке думали расправиться в первую очередь именно со сметаной... Петька взял удочку.

Во всех неудачах был косвенным образом виноват он, следовало искупить свою вину.

Откопал рядом с озерцом червя. Насадил его, поплавок и с надеждой осторожно забросил поплавок прямо на середину озерца. Усаживаясь на коряге, поклялся про себя, что не уйдет без добычи.

Клятва была рискованной, но примерно через полчаса томительного ожидания поплавок дрогнул. Дрогнул и замер опять. Петька напрягся до того, что начало мутиться в глазах. И тут поплавок исчез. Исчез так неожиданно, что Петька дернул удочку обеими руками: дернул непростительно для опытного рыбака — на себя и вверх. Шлепнулся на спину с коряги, а карась прилетел уже откуда-то сверху и шлепнулся на него. Петь-

ка успел увидеть только праздничный желтоватый блеск на солнце. То был не карась, а целый поросенок граммов на четыреста весом. И Петька с восторгом потерявши бленную карасем губу. Кинулся за новыми червями.

Дальше началось невообразимое. Будто Петька поймал хозяина озерца: караси так и полезли на крючок— только выдергивай, даже червя менять не надо...

Начальник штаба тоже не дремал тем временем.

На берегу весело потрескивал костер, обдавая легким дымком подернутую пеплом воду в котелке, а Никита чистил маслята.

Никогда раньше и никогда потом не доводилось путешественникам есть такого супа— душистого, ароматного: немного картошки, немного луку, много дыму и караси с грибами.

Никита оказался опытным поваром и даже заправил суп жареным в баночке из-под крючков салом.

И ели на этот раз по-особому. Вчера ели торопливо, глотали не жуя. А на этот раз медленно, по очереди черпали ложками из котелка, подставляя кусочек хлеба и стараясь не пролить ни капли драгоценного варева, подносили ложки ко рту...

Трех карасей — самого большого и двух поменьше, — завернув в листья и обложив горячей золой, Никита изжарил про запас.

Два мешка тащить не имело смысла. Взяли один. Взяли сетку от комаров, штык, удочки и фонарь — взяли только самое необходимое...

Надрали сухой бересты для растопки, немножко сухого мха.

Тайны не лежат на поверхности. К тайнам нужно пробираться настойчиво, обдуманно, предполагая в два раза больше трудностей, чем их окажется впереди, а не наоборот.

Они выросли в тайге. Они давно знали ее законы, но только теперь прочувствовали суровость этих законов.

О чем каркали вороны

До отметки «1500» решили не перемерять. И без того им предстояло отмерить еще тысячу шестьсот пятьдесят метров до трех тысяч ста пятидесяти, чтобы покорить эти прабабушкины сажени...

На две тысячи шестисотом метре неожиданно вышли на опушку. Русло Мусейки взбегало дальше, как бы вверх по склону. По левому берегу ее, если смотреть в сторону Туры, тянулся лес, а по правому лежало широкое — в несколько километров — пшеничное поле. Дальше виднелись роща и деревня за ней.

Друзья в растерянности остановились. Потом, забыв про усталость, побежали вверх по руслу. Считать метры толку не было. Следовало искать какую-то естественную приметку...

И оба остановились, не пробежав двухсот шагов.

Скалистый уступ в русле мог быть единственно приметным ориентиром на всем ближайшем участке.

— Водопад?.. — шепотом спросил Петька.

— Порог, — уточнил Никита.

Лица обоих были красными от напряжения, и пот, разъедая кожу, градом катился по всему телу.

Разом повернулись налево и замерли, не смея шагнуть в пшеницу.

Петька бросил на землю удочки, потом мешок, потом телогрейку, снял ботинки и скоро уже закачался на верхушке осины, что росла по другую сторону пересохшей Мусейки.

Никита терпеливо ждал.

Петька долго, пристально вглядывался во что-то неведомое за полосой пшеничного поля. Наконец кивнул:

— Вижу!

— Что видишь? — дважды спросил Никита, пока Петька спускался на землю.

Уже одеваясь, Петька ответил:

— Поле. Непаханое. Понимаешь?! Ну — мысок такой, вроде языка...

Мысок порос крапивой и репейником да васильками по обочине.

С упавшим настроением, по пояс в бурьяне, сами не зная зачем, стали пробираться к концу заросшего сорняками участка.

Не мог же колхоз оставить этот мысок как специальный ориентир для них?

Никита споткнулся обо что-то. На секунду скрылся в крапиве. Выпрямился с обломком кирпича в руке.

— Есть здесь четыреста саженьей? — спросил он, глядя на лес по ту сторону высохшего русла.

— Есть! — на всякий случай заверил Петька. Но чтобы доказать это самому себе, ринулся было напролом через бурьян с намерением проутюжить мысок во всех направлениях, но, поскольку удочка помешала ему сбалансировать, тут же растянулся во весь рост в крапиве. (Каждая удача давалась ему сегодня в падении!)

Не обращая внимания на ожоги, Петька вскочил и сантиметров на пятьдесят вырос при этом над Никитой.

— Нашел! Или как там кричат? Ну, эти — древние?!

— Эврика, — подсказал Никита.

— Вот-вот! Эврика, понял? Жернова! Тут ветряк был, понял?! — Никита понял. Оглянулся.

Двух совпадений не могло быть. Чтобы порог в русле через тысячу пятьсот сажень от Туры и ветряная мельница в четырехстах сажень от порога...

Лишь триста сажень отделяли их от заветной цели... Шаги эти вели назад, в лес. Но близость жилья, в нескольких километрах за рощей, как-то уменьшала веру в успех...

— Давай компас... — негромко проговорил Никита.

Пусть уж лучше существуют неразгаданные тайны, чем — никаких. Теперь, когда столько сделано уже, боязно было убедиться, что тайны вовсе не существуют.

— Надо параллельно реке, — сказал Никита.

— Знаю... — сердито огрызнулся Петька, сосредоточенно выравнивая стрелку компаса. Сначала он пытался успокоить стрелку прямо на руке, но Петькино волнение сказывалось на магнитном притяжении земли. В сердцах раздвинув бурьян, Петька положил компас на жернов и наконец объявил:

— Пятьдесят четыре с половиной градуса... от севера. — И тут же придумал, как им двигаться, чтобы не уклоняться в сторону. — Жми вон к тому подсолнуху! — показал он на детище случайно занесенного в поле семечка, метрах в шестидесяти от себя. — Так!.. Стать чуть правее!.. Левее чуть! Стоп!.. — командовал он, глядя то на Никиту, то на компас у себя под ногами.

Промерил шаги от жернова, сдвинул Никиту с места, компас установил точно там, где только что находились Никитины каблуки, опять прицелился.

— Пятьдесят четыре с половиной градуса... Береза!

Вон, видишь, кособокая такая, вроде Настюшки, помнишь, к Евсеичу приезжала...

— Помню, — сказал Никита, проверяя Петькин прищел.

Путешественники ошиблись. Деревня скоро осталась где-то в стороне. Им пришлось опять углубиться в такую глушь, что жильё, если не знать о его существовании, могло бы показаться далеким-далеким, где-нибудь за тридевять земель, за семью реками, за семью холмами, за семью морями...

Направление в пятьдесят четыре с половиной градуса на северо-восток привело их в глубокую балку, густо поросшую разнолесьем на склонах, а по дну — сырую, сумеречную, с запахом прели, с гнилой листвой и валежником под ногами.

Петька сделал пятьсот семидесятый шаг.

Где-то над головами у них кружили два ворона и, противно каркая, оглушали своим хриплым криком застоялую тишину тайги. Петька запустил в пространство еловой шишкой.

— На нашу голову каркают... — предсказал он.

И пятьсот девяностый шаг стал шагом в невезение.

Балка неожиданно круто ушла влево. Никита, выдерживая направление, вскарабкался вверх по склону и остановился.

Петька тоже вскарабкался и тоже остановился.

Вкопанный в землю почти у самого спуска в балку стоял камень с надписью: «Здесь покоится прах рабы божьей Ольги Ухтомской. 1901—1919».

Надпись Никита прочитал автоматически.

Взгляды обоих утонули в глубокой яме, которая начиналась сразу за камнем. Яма давно поросла мхом. А дно ее покрывала слежавшаяся, прелая хвоя. Эта яма, несомненно, и была той целью, к которой они стремились... Петька сбежал на дно, со злостью пнул какую-то гнилушку, — это все, что неизвестный соперник оставил им от былых сокровищ.

«Здесь покоится прах рабы божьей...»

Никита в яму не спустился.

Петька задрал голову в поисках злосчастных воронов. Но вороны притихли, будто испугались того, что натворили.

— Все? — спросил Петька.

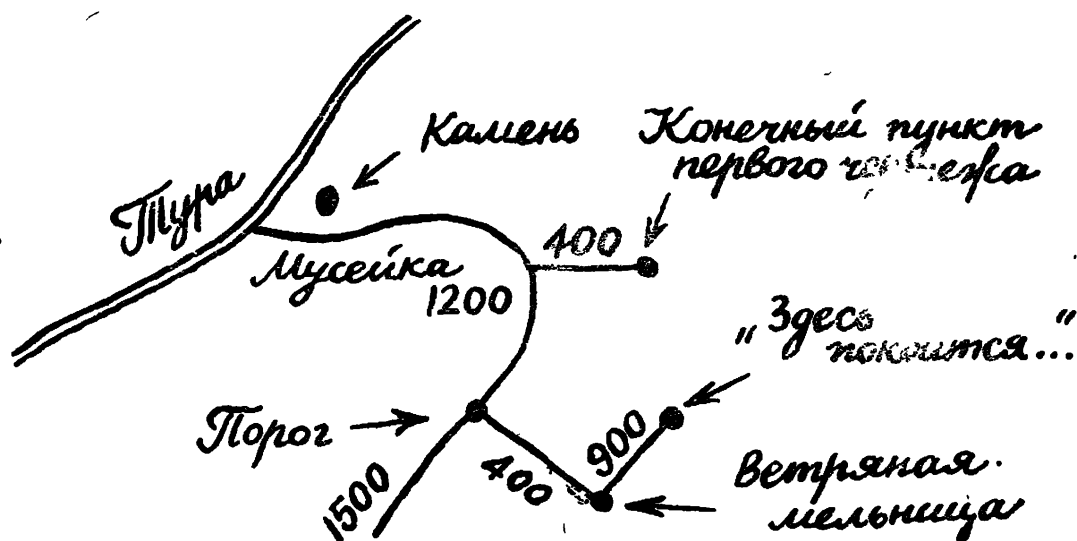
— С одной стороны, мы нашли эту яму, а с другой стороны — где же клад? — спросил Никита.

Гипотеза вторая

Обшарили метров на двести вокруг каждый куст, каждое дерево, каждый муравейник, но ничего примечательного больше не обнаружили.

По прямой, перпендикулярной Мусейке, прошли далеко к руслу, но тайга скрыла от них свои сокровища. С удивлением обнаружили теперь, что цифры первого чертежа, внешне соответствующие второму, на самом деле не совпадали по конечным своим точкам, так как вблизи тысячи двухсот саженей от устья Мусейка круто поворачивала...

И вот как разнились эти конечные точки двух чертежей:

Либо там, в землянке, кто-то забыл о повороте Мусейки, либо путешественники чего-то еще не знали...

Они возвратились к яме, уже не сомневаясь, что эта яма и есть целевая точка их путешествия.

Кто-то давным-давно уже копал здесь. Если тайна существовала, у тайны имелся теперь хозяин.

По-прежнему загадочными оставались только три цифры: 6, 160 и 283.

Яма была глубиной всего около трех метров. Петя ринулся было копать глубже. Но всегда трезвый в суждениях начальник штаба верно рассудил, что шести метров глубины быть не может. Кругом болото, и

любую яму глубже трех-четырех метров будут заливать грунтовые воды...

Уселись рядышком возле камня.

— Молодая... — кивнул Петька на цифры «1901—1919». — Что делать, раб божий?

Раб божий долго сосредоточенно думал, уставившись в неприметную точку на замшелом противоположном склоне ямы.

Потом глубокомысленно решил:

— Что-то надо делать...

Раскопал эту могилу кто-нибудь из жителей деревни, и уж во всяком случае в деревне должны были знать, кто раскопал ее, что нашел. Если нашел, конечно...

Таким образом, окончательную разгадку тайны следовало искать в поселке.

Друзья недолго предавались разочарованию. Привезут они с собой мешки золота или не привезут — славу путешественников они обеспечили себе.

Никита достал тетрадь и записал результаты поиска. Даже камень срисовал...

Петька выдернул с корнем пушистый кустик мха — надо хоть гербарий собрать... И незаметно от Никиты вздохнул про себя.

Заходить прямо в деревню не решились. Кое-какой опыт встречи с людьми у них уже был. Двинулись опушкой из леса в обход деревни и скоро наткнулись на поляну с ульями. Парень-пасечник без маски что-то прилаживал в одном из них.

Первые сведения о Прокопке

— Здравствуйте, — бодро сказал Петька, останавливаясь в двух шагах за спиной пасечника.

— Здорово, богатыри! — весело отозвался тот.

Петька кашлянул.

— Далеко путь держите? — вытирая руки цветным платком, спросил пасечник.

— Да так... — неуверенно ответил Петька.

— Как так? — уточнил веселый пасечник. — Не нашенские, вижу?

Озорные искорки в глазах парня, морская тельняшка на широкой груди и добродушный голос не вызвали подозрений.

Никита решил еще раз признаться:

— Путешествуем мы...

— Путешествуете? — уважительно переспросил пасечник. — Это, брат, дело! Марш-бросок на пятьдесят километров — так? Укрой, тайга, укрой, глухая!.. Хлеб да соль, выходит! — И он показал в сторону шалаша на краю поляны.

Друзья прошагали через поляну, оглядываясь на всякий случай. Доверие доверием, а осторожность не мешает...

Но пасечник в тельняшке проковылял следом. Проковылял как-то неумело, широко расставляя ноги.

— Скидывайте фуфайки! Эк вы в такую жарынь! Бросай якорь! Располагайся, — приказал он.

Никита решительно стащил телогрейку, бросил на траву и не сел, а упал на нее. Петька тоже не заставил себя уговаривать.

— Голодные небось?

— Не... — сказал Петька. — У нас есть... — И развязал мешок.

Пасечник заглянул в него.

— Ха! Такого добра у меня, корешки, хоть отбавляй! Раз пригласил на хлеб на соль — свое спрячьте! — Он исчез в шалаше.

Через секунду около друзей появилась большущая миска творогу со сметаной, целый каравай хлеба и запотевший чайник со студеной водой.

— Медку, кореши, нема! За медок надо председателю руки-ноги обломать. А через год—медок будет! Приходите тогда. Ложки есть?

— Есть, — быстро подтвердил Петька.

— Это дело! Были б ложки — борщ найдется! — И, неловко усаживаясь, опять спросил: — Откуда ж вы? А?

Петька признался:

— С Белой Глины... На лодке мы.

— Фью-ить! — присвистнул пасечник. — Это вы правильные ребята! — И строго уточнил: — Не сбежали, нет?

— Нет! — заверил Петька. — Мы для школы. Собираем, записываем разное...

— Ну, это надо! — согласился пасечник. — Ешьте!

Скрипнул протезами и, перехватывая любопытный взгляд Петьки, объяснил:

— Это меня, братцы, у самой уже Германии... Рас-

треклят ее. Теперь вот еще не приноворюсь никак...

Беседа мало-помалу завязалась, и пасечник Саша припомнил, как воевал: сначала на кораблях, потом в пехоте.

Одна тельняшка от моря и осталась.

— Любите наши места? — неожиданно сердито спросил он.

Друзья подтвердили: да, очень...

— Ну, то-то... — опять смягчился пасечник. — Я вот всякое повидал... И смерть, и все... Оно уж насмотришься до злобы, что и умереть не страшно... А это вот страшно: чтобы умереть, а не увидеть напоследок, где родился, где вырос...

Пасечник помолчал немного.

— Оно вроде завоевал право жить где проще: хоть направо, хоть налево плыви — за любым ветром... А я шел раз в штыковую, поклялся: буду жив — на четвереньках приползу в эти края... То-то, путешественники! Здесь, братцы, красота, как нигде! Верно говорю?

— Верно, — подтвердил Петька.

Скоро ложки их застучали по дну миски. Друзьям не хотелось выглядеть обжорами, но Саша приказал:

— Чтобы до тютельки. — И облизал свою ложку. — Путешествие — дело серьезное... Только как же это вы без оружия?

Петька чуточку поколебался и вытащил из мешка штык.

Лицо пасечника Саши стало на мгновение грустным, когда он коснулся пальцами граненой стали штыка. Коснулся осторожно, как будто чего-то хрупкого. Потом усмехнулся опять, одобрительно крикнул, возвращая Петьке его оружие.

— Штык — это дело. Ребята вы, я вижу, отчаянные. Ну и что попало вам интересного в наших краях?

Настроение блаженного покоя, которому друзья невольно поддались от сытного ужина и яркого солнца над стихшим в безветрии лесом, тут же улетучилось.

— Есть тут... — зашепшил было Петька. Но начальник штаба решил взять переговоры на себя.

— Видели мы здесь камень... — сказал начальник штаба Никита. — Там... — показал в тайгу. — Написано: «Здесь покоится...». А яма рядом. Разрыл кто, что ли?

Пасечник Саша усмехнулся.

— Тут, братцы, история путаная... — Расправив широкую грудь под тельняшкой, лег на спину. Разъяснил: — После приёма пищи полагается мертвый час... Располагайтесь. История эта темная... Но раз уж ваше дело собирать всякую всячину — пишите. Может, и распутаете что...

Друзья остались сидеть, как сидели. Никита на всякий случай достал тетрадь.

Глядя в синее небо над соснами, Саша продолжал:

— Было это, если что было, еще до нас с вами... Тут, чтобы понятней, наша деревня, слышали небось, называется Кедрачи, рядом хутор — Савеловка, там дальше в лес — вам это назад — Засули, в аккурат у Чертова болота, где раньше Мусейка начиналась, а по Туре назад — Гуменки. Так вот в Засулях барином был француз какой-то, тут у нас, в Кедрачах и на хуторе, — полковник бывший с дочкой, а Гуменки — тоже полковничьи были, но там его сын жил, — чертей им в хвост и в гриву... Так вот все это — правда. А уж дальше — это сами разбирайтесь... Дыма без огня не бывает... Француз этот все в Москве да Петербурге жил... Но когда революция началась, дал наш французик деру, так сказать, в свое имение... И вдруг слух пошел — озолотился французик наш где-то... И было тут два дела враз. Первое — французика нашего нашли мертвым у себя, связанного, помученного крепко. И будто бы кто-то видел полковника с сыном на лошадях с вечера... Утром нашли французика мертвым, а днем здесь полковничья дочка отравилась. Наши-то в деревне — красные уже близко — за топоры было взялись, но, такое дело, дочь у полковника отравилась — пожалели отцовские вроде чувства...

Хоронить самоубийцу по-старому нельзя на общем кладбище. Тем же днем вырыли полковник с сыном могилу в тайге, камень этот кузнец полковнику вытесал... Не по обязанности уже, а из жалости опять...

Словом, через день, как здесь крестьяне власть взяли, уже ни полковника тут, ни сына. Дочь они, считалось, ночью захоронили.

Это видели — телегу опять же... Ну и вот — лет десять прошло тому — наш Прокопка (есть здесь такой) надоумился раскопать ту могилу. Прокопка этот сына родного раскопает — посмотреть...

Друзья напряглись в тревожном ожидании.

— И оказалось, — продолжал пасечник, — нет там никакого гроба. А там, значит, ящики с книгами. Семь ящичков, да смоленные все. Девку-то он либо в речку, либо в болото какое бросил, а это схоронил, гад... Культура, что ли?.. Так вот это уже опять точно: книги в ящиках... Три или четыре ящика с книгами были, а в других одежда разная...

— Это... — заикнувшись, спросил Никита, — тот Прокопка, который книгами печь топил? Бабушка рассказывала...

Пасечник Саша даже сел от негодования.

— Это Прокопка да чтобы кусочек бумажки выбросил?! Да он хворостины лишней в огонь не сунет!.. Да он — этот скобарь — он из чужого огня себе полешко выхватит!.. Это такой гад, братцы... Людям — кому война, кому голодуха, а он тут один во всей деревне как сыр в масле катался!.. Еще, старый хрыч, девок мордовал!.. Женился, видишь ты!.. На эвакуированной, гад, на молодой, из блокады!..

— И где же теперь... книги?.. — осторожно спросил Никита.

— Книжки-то?.. Да у него ж, у Прокопки, — успокаиваясь, ответил пасечник. — У него там склад на чердаке... Там небось комбайн сыщешь! Да по сараям еще всякого... Я вот, погодите, братцы, расхожусь малость. Мне сейчас тяжело это — драться. Месяц, другой еще, а там я наведу порядок! А то бабы в поле, а мироеды — по дворам! Растащили колхоз! В хлебах, да чтобы без хлеба! Развелось, как до революции!.. Я этих гадов знаю! Я вот только расхожусь! — Пасечник в ярости ударил себя широкими ладонями по протезам. Глухо отозвалось на удар пустое дерево.

— Саша... — вдруг прозвучал чей-то голос.

Друзья оглянулись.

Над ними стояла молодая женщина с руками, сложенными под передником, в платке до бровей. На друзей она поглядела неприветливо.

— Ух-х... — все еще горячась, проворчал пасечник. И объяснил с гордостью: — Это моя жена. Ясно? Всю войну ждала в невестах. Да потом еще — пока по госпиталям. Ясно?

Друзья кивнули: ясно.

— Что за ребята? — сердито спросила жена.

-- Это? Это, Любаш, путешественники! Края наши изучают!..

Любаша недоверчиво оглядела путешественников.

— Ты бы меньше волновался, Саш... Успеется — все сделаешь... И так с зари до зари... Нельзя тебе сейчас... Друзья стали прощаться.

В засаде

Дом Прокопки стоял обособленно от хутора, так что, затаившись в кустах, друзья оказались прямо перед ним.

Все видел Петька, но такую крепость, как Прокопкин дом, — впервые.

Главное дело, какую ограду ни возводи, а дом должен глядеть своими окнами на улицу. Здесь же дом был спрятан за высоким забором так, что виднелась одна лишь крыша его... Поверх забора — в два ряда колючая проволока, ворота на замке, калитка, наверное, тоже, и в две трети двора — навес.

Рассказ пасечника Саши оборвал надежды друзей на сокровища, но вместе с тем его сообщение о книгах подтверждало, что путешественники на верном пути.

Тогда, в лесу, чернобородый смеялся над Проней: «Что ж, он верующий, что ли, был — дурак этот, что библии доверился?..»

Еще одним узелком увязывались в ниточку их очень разрозненные сведения о цели собственного путешествия.

Правда, найти старую, никому не нужную библию — заслуга маленькая. Но искать следовало, наверное, не библию... Там, в книгах, могло оказаться что-нибудь по-настоящему... Ну, что-нибудь такое, чего не углядел Прокопка...

Два часа наблюдения прошли безрезультатно. Незаметно перебраться через забор и таким образом проникнуть на чердак было невозможно.

А солнце уже скрылось за лесом, и путешественников начало одолевать беспокойство. Еще час-полтора — и новая ночь застигнет их в лесу, без крыши над головой.

В стороне, за околицей, мычали коровы.

Неожиданно от деревни на поляну вышел мужик.

«Прокопка!» — разом подумали Никита и Петька.

Что-то во всем облике мужика было такое, что не позволяло усомниться в принадлежности его к тем самым мироедам, о которых говорил пасечник Саша. Волосы темные — кружком вокруг головы, брови густые — нависли прямо на глаза, а походка — враскачку: близко не стой, зашибет... У такого не спросишь: «Дяденька, можно нам...»

Придавит каблуком — вякнуть не успеешь.

Петька поежился.

У калитки Прокопка остановился, зачем-то долго, невесело поглядел через головы друзей, в глубь тайги, достал из кармана ключ, не спеша загремел запорами.

В раскрытую калитку выбежала собака, завертелась около хозяина.

Петька снова поежился.

Волкодав это был или нет, но Петька всегда представлял себе волкодавов такими.

Стукнула калитка, отгремели запоры, и все стихло.

Никита пригнул ветку шиповника, чтобы лучше видеть адмирал-генералиссимуса.

— Фиаско?

— Чего? — переспросил Петька.

— Это значит — ничего не выйдет... — объяснил Никита.

Петька и сам понимал, что не выйдет, но оба не знали, что делать дальше, а потому остались под кустом.

Тени лихт уже легли тем временем на крышу Прокопкиного дома. Только верхушка трубы желтела на солнце.

Опять стукнули запоры калитки.

Приятель замерли в новой надежде. Если Прокопка уйдет опять... Что тогда — они оба не знали. Но из калитки на поляну вышла женщина с плетеной корзиной в руках.

«Жена Прокопки, эвакуированная...» — решили приятели.

Тонкая, тоньше Валентины Сергеевны, она шла, низко опустив голову и ступая как-то очень уж часто, не по-деревенски, маленькими шажками. И туфли на ней были не деревенские, и волосы, распущенные по плечам, черные, длинные...

Она торопилась в деревню. Но прошла через поляну не по тропинке, а перелеском, близко от друзей.

Петька затаил дыхание. Он разглядел большие светлые глаза, и показалось ему что-то знакомое в этой женщине. Будто раз он уже видел ее раньше. И не давно, а совсем на днях, совсем недавно где-то...

Адмирал-генералиссимус шмыгнул глубже в кусты и разом поднялся на ноги. Он вспомнил: это не женщину он видел на днях — он видел Светку с кочаном капусты в руке. Но в глазах и в походке женщины вдруг почудилась ему такая же напуганность, какую видел он тогда в Светке...

Петька явился перед ней так неожиданно, что она сделала шаг назад.

— Здравствуйте! — сказал Петька.

— Откуда ты, мальчик? — грудным голосом спросила удивленная женщина, словно бы радуясь, что перед ней оказался всего-навсего адмирал-генералиссимус Петька.

— Я по делу, — оправдался он. — Если вы поможете...

— Я? — снова изумилась женщина. — Откуда ты меня знаешь?

— Знаю, — сказал Петька. — Вы жена Прокопки.

Женщина поморщилась. Короткая радость сбежала с ее лица, и в глазах опять проглянула напуганность.

— Я не это... Ну... — попробовал извиниться Петька за прозвище, которым он случайно обозвал ее мужа. — Так говорят...

— Ладно, — остановила его женщина и строгим, нетерпеливым голосом спросила: — Какое у тебя дело ко мне?

— Понимаете... — начал смущенный Петька, — Я к вам, ну... В общем, есть у вас на чердаке ящики с книгами... Нам бы надо посмотреть их. Одну там книгу...

Женщина снова поморщилась.

— Если книги, так это не на чердаке, а на сеновале — там ногу сломишь... И еще — мыши... Я туда не лазаю.

— Да не вы, а мы полезем! — обрадовался Петька.

Женщина, прищурившись, внимательно оглядела его.

— Кто это «мы»? А если я об этом мужу скажу?

— Нет, вы не скажете! — торопливо заверил Петька. — Я знаю!

Глаза женщины опять сделались большими.

— Это почему же?!

— Ну, знаю... — сказал Петька. — Вы хорошая.

— Кто это сказал тебе, что я хорошая?

— Пасечник Саша, — не моргнув глазом, выпалил Петька.

Женщина еще раз подозрительно оглядела его, как бы стараясь угадать, правду он говорит или врет в глаза.

— Не знаю я, кто такой Саша... И не подбивай меня, мальчик... Может, ты украсть что хочешь?— Она только теперь заметила высунувшегося из кустов Никиту. — Да вас много!

— Двое... — разочарованно объяснил Петька.

— Ну, ладно, — сказала женщина. — И не ходите здесь, а то я выпущу Шерхана...

Она сдвинула брови и, наклонив голову, сделала два привычно торопливых шага, чтобы уйти от случайного собеседника, потом еще два — медленней... Потом остановилась.

— А зачем вам это, ну, книга или книги?

— Ищем мы... — объяснил Никита, поскольку терять уже было нечего. — Ну, тайну одну!..

Женщина улыбнулась.

— Клад?.. Таинственную надпись?.. Сокровище?..

— Вроде... — сказал Никита.

Опустив на траву свою корзинку, женщина шагнула к начальнику штаба, неожиданно крепко стиснула ладошками его лицо и сверху вниз внимательно и долго, как недавно на Петьку, поглядела в глаза Никите.

Никита давно вышел из того возраста, когда терпят, чтобы тебя тискали ладошками, но глаза женщины быстро помутнели, и сначала одна, потом другая выкатились и замерли на ее щеках слезы... А вздрагивающие губы ее как-то неправдоподобно улыбались при этом.

— Кладоискатели... — проговорила она. — Когда-то и я мечтала найти свой клад... Не нашла. — И повторила: — Не нашла... — Потом усмехнулась, отстраняя начальника штаба, и обернулась к Петьке. — Сегодня ничего не получится... Завтра будете здесь? — Глаза ее заискрились неожиданной решимостью, она покраснела даже и вся стала похожа на озорную девчонку.

— Будем! — заверил Петька.

— Я спешу. А завтра, может, что-нибудь придумаю.

ем! Ладно? Только чтобы — никому! — пригрозила она. И зашагала в деревню.

Ночевка

Искатели сокровищ отступили глубже в лес.

Быстро темнело, и рубить шалаш попросту не оставалось времени.

Разыскали копешку прошлогоднего сена на поляне, решили, что этого достаточно: лишь бы не дождь...

Никита оглядел тускнеющее за деревьями небо, сказал:

— Вёдро будет.

Опустошив свою котомку с провизией, оба почувствовали все напряжение отошедшего дня.

Цель, окончательно ускользнувшая было от них, снова замаячила впереди крошечным огоньком звезды между тучами.

Петька и сам не знал, как он решился на откровенность с Прокоповой хозяйкой. Доведись повториться всему — он, может быть, и не остановил бы ее... Тут все решало мгновение... Как реакция на дуэли. Ну, если приблизительно...

Разжигать костер так близко от хутора не следовало.

Поели. Не наелись. Но разделили запасы на две равные части и половину оставили на завтра.

Петька подвязал котомку к ветке над головой. Никита искал воду, не нашел. Стали укладываться без воды.

Тайга опять загустела и понадвинулась со всех сторон с короткими вздохами где-то рядом, с шорохами в кустах, иногда с тоскливыми человеческими стонами...

Но сегодня тайга была уже не такой суровой, как в прошлую ночь: во-первых, за деревьями нет-нет да и напоминала о себе натужным собачьим лаем деревня, а во-вторых, мысли друзей были далеко от всяких шорохов: путешественники жили завтрашним днем...

Сначала они зарылись в солому с головой, потом из предосторожности высунули головы и решили отдыхать по очереди: один спит, другой глядит, слушает...

Ровно через пять минут после распределения очереди они уже оба спали.

Снова западня

День прошел в наблюдениях.

С утра начальник штаба разыскал озерцо, но ловить рыбу было некогда, развел костер и сунул в котелок двух, как выяснилось, недожаренных в прошлый раз карасей. Почистил остатки картошки и сделал за жарку на сале.

Похлебка вышла не очень удачной, однако друзья выхлебали котелок до дна.

Все свое имущество, кроме фонаря, оставили в котомке под елью. И опять залегли перед домом Прокопки.

Дважды проходил в деревню сам Прокоп, раз его жена — прошла туда и обратно не по траве, а тропинкой, подальше от леса. Друзья начали тревожиться.

А тени пихт опять выросли на заборе...

Прокоп, возвратившись домой после второго выхода в деревню, остановился у калитки и опять долго, мрачно глядел на тайгу поверх голов Никиты и Петьки.

Потом шагнул в калитку, но не запер ее. Было слышно, как он что-то прокричал во дворе... На поляну вышел опять уже с ружьем за плечами и с бесноватым Шерханом рядом.

Петька стиснул локоть начальника штаба.

Прокоп зашагал мимо них, вдоль ограды, потом — в тайгу.

И когда хруст валежника под его кожаными сапогами стих, из калитки быстро вышла женщина, быстро отгремела засовами, быстро прошла через поляну — не тропинкой, а по траве, как вчера.

Друзья выросли перед нею на прежнем месте.

— Быстро, мальчики! — скомандовала она. — Вы не здешние? Ну, ладно. Вторая доска за углом отходит. Сдвинете ее — и быстро! Я в сельпо. Смотрите: узнает — прибьет и вас и меня! — предупредила она, а глаза ее опять искрились озорным весельем, будто это радостно даже — когда тебя могут прибить.

Петька рванулся к дому.

— Боже! Мальчики! Не запалите там!.. — взмолилась она с запоздалым испугом, увидев фонарь.

— Знаем, знаем! — откликнулся Петька.

Она безнадежно махнула рукой, и кофта ее замелькала в кустах по направлению к деревне.

Вторая от угла доска заскрипела, сходя с нижнего гвоздя, легко отошла в сторону...

Петька не вскарабкался, а взлетел по лестнице на сеновал.

Прикрыли за собой вход.

Никита чиркнул спичкой, зажег фонарь, и оба остановились в изумлении перед открывшимся вокруг них богатством. На огромном чердаке — даже по скатам стропил, даже по крыше — не было кусочка, свободного от вещей. Тут и мельничное крыло, и тракторные фары, и какое-то старое, с толстенным, как у пушки, стволом ружье, и тяжелые стулья с львиными головами на подлокотниках, и какие-то портреты, несколько больших сундуков друг на дружке, плужные лемеха, какие-то шестеренки, гайки, болтики, рваные сапоги, стертые лапти, колодезный ворот... И на всем этом слой пыли.

Друзья, ошеломленные, долго озирались на эти нужные и не нужные им вещи... Первым опомнился Петька.

— Быстро!.. — Кинулся в один угол, в другой, потом через целую баррикаду тряпья перебрался в конец чердака.

Рванул с горы мебели старую этажерку. Никита остановил его: «Надо спокойно...» Показал рукой на следы.

Успокоились, опустили пригашенный фонарь вниз. Стали перекладывать вещи с места на место, поднимая их осторожно, чтобы оставалось как можно меньше следов.

Наконец в правом дальнем углу показались аккуратные стопы книг.

Друзья отодвинули в сторону неведомо как оказавшуюся здесь школьную доску и увидели два пыльных ящика рядом с книгами.

Петька схватился за крышку. Ощетинившись ржавыми гвоздями, она легко поднялась вверх.

— Здесь!.. — с испугом прошептал Петька и выхватил из ящика первую книгу. «Братья-враги», — прочитали оба в свете мерцающего фонаря. Никита взял ее за корешок, потряс, заглянул в переплет — ничего особенного не заметил.

Петька выхватил другую.

«Похождения Ната Пинкертона»... «Гибель «Колорадо»... Толстый том: «Тайны женского очарования»...

«Мужчина и женщина»... «Русская история в самом отжатом состоянии»...

Никита присел возле ящика, потер рукавом его смоляную стенку.

— Чего ты? — спросил Петька.

— Пять, — зловеще изрек Никита. Петька увидел проступившую на ящике цифру «5». По лицу его скользнуло недоумение, но уже в следующую секунду адмирал-генералиссимус накинулся на второй ящик. С трудом выдвинул его, и на задней стенке нашли небрежно очерченное белилами «3».

— В куче... — устало дыша, резюмировал Никита.

Затягивался еще один узелок в цепочке неясностей.

Ящик с цифрой шесть был, очевидно, использован Прокопом для других целей, а книги он выложил в стопы.

Снова пришлось хватать один за другим тома и томики разных «похождений...», глотая пыль и задыхаясь, чтобы не раскашляться. Оба не заметили, сколько времени прошло с минуты их вторжения на сеновал...

Явственный мужской голос где-то поблизости заставил Петьку броситься грудью на фонарь, и он чуть не раздавил его, опершись руками о кучу тряпья. Дунул под стекло.

Темень окружила обоих.

Что-то со злостью проговорил у калитки Прокоп. Со злостью хлопнул калиткой, двинул засовами. Скрипя сапогами, прошелся по двору. Встревоженный Шерхан загавкал.

— Цыц! — рявкнул Прокоп. И, виновато урча, Шерхан отбежал в дальний угол двора. — Тихо, Шерхан!..

Прокоп взошел на крыльцо дома. Тонко пропела сенная дверь.

— Бежим! — одним дыханием шепнул Никита. Петька прижал его к тряпью. Шерхан, напоминая о себе, заставил Никиту покориться.

Прокоп снова появился во дворе...

И через несколько секунд угрожающе скрипнула лестница, по которой недавно поднимались на сеновал наши герои.

Догадался о чем-нибудь Прокоп или не догадался... Но вдруг звякнула накладка на входной дверице и прогремел замок.

Никита хотел повторить бессмысленное «дяденька»,

открыл рот... и остался лежать с расслабленной челюстью.

Глухо бухнула земля под сапогами прыгнувшего вниз Прокопа. Отгремела, соскальзывая по стене, лестница. Потом с шумом улеглась в сарае. Потом туда же улеглась вторая — от входа на чердак...

Все это было сделано в молчании. Только время от времени, будто одобряя действия хозяина, торжествующе рычал Шерхан.

В этот вечер в Белой Глине

В этот вечер Мишка, окончательно потерявший голову в догадках по поводу исчезновения друзей и зная от Петькиной матери, что какое-то отношение к этому имеет учительница, навестил Валентину Сергеевну, чтобы попытаться выведать хоть что-нибудь у нее. Но Мишка был плохим дипломатом. После двух-трех вопросов о здоровье, о возможностях почтового сообщения и всякого рода путешествий Валентина Сергеевна уже догадалась, что Никита и Петька в походе.

Тем же часом она вместе с Мишкой отправилась к Петькиной матери.

Та ахнула, увидев учительницу.

Через некоторое время к ним присоединилась бабка Алена. И три женщины, припоминая свои беседы с беглецами, никак не могли решить, на кого ссылались друзья, говоря о походе. Получалось так, что все трое не разрешали этого и никто из троих не запрещал.

Больше всех, а вернее заметнее всех, волновалась Валентина Сергеевна. Она даже осталась на ночь у Петькиной матери. Бабка Алена вспомнила, что путешественники обещали возвратиться через два-три дня, и решено было ждать их завтра.

Но прошел завтрашний день, а беглецы не появлялись.

Вечером Владька и Мишка организовали постоянное дежурство в тальнике, на берегу Туры. Владька для этой цели соорудил подзорную трубу из двух линз. Труба немножко замутняла изображение, но все же, приглядевшись, через нее можно было различить, где река, а где берег...

Однако безрезультатно прошла еще одна ночь. Потом еще один день. И еще ночь... А к вечеру следующе-

го дня Валентина Сергеевна пришла в сельсовет и по телефону сообщила в районную милицию об исчезновении двух своих учеников. Валентина Сергеевна была расстроена до того, что минут десять объясняла внешние приметы одного Никиты, хотя и сказать-то надо было всего, что голова как шар.

В двух белоглинских домах нарастала тревога, наблюдатели в тальнике сменялись каждые полчаса, а беглецы будто канули в воду.

Шерхан

Когда первые ошеломляющие минуты заключения прошли, друзья приспособились к темноте и могли различить друг друга.

Оба сели на тряпье и слышали, как скрылся в доме Прокопка.

— Нас предали, — шепнул Никита.

Петьке стало чуточку тоскливо от этой мысли. Но Петька подумал и категорически мотнул головой: «Нет!»

Сколько-то времени опять сидели молча. Но когда неуверенно застучали запоры калитки, оба вздрогнули, понимая, что каждый ждал именно этого — когда возвратится женщина.

Заскрипела калитка, и одновременно тихонько пропела сенная дверь.

Голос Прокопки:

— Где шляешься?!

Грудной, удивительно виноватый — ее голос:

— Я ходила в сельпо...

— Сельпо закрыто, кому мозги вправляешь?

— Я вспомнила, что нет водки, искала завмага...

— У-у... — Не понять, то ли он доволен ее стараниями, то ли нет. — Давай!..

Неправдоподобно часто и вразной отстучали ее каблучки по ступеням: «ток-ток-ток». Видно, дернул Прокопка за руку.

— Собака!.. — сквозь зубы выругался Петька и даже сделал движение, чтобы встать. Никита дернул его за штаны.

Ее голос:

— Не груби... У меня может не хватить терпения...

Голос Прокопки:

— Что?! Странно... Ха-ха-ха!.. — И с минуту, навер-

ное, Прокопка хохотал. — Странно!.. Нет... Рассмешила, благодарствую!.. Ха-ха... Выкормыш, а туда же!.. — И сразу оборвал смех. — Входи! Что там у тебя?

Запела дверь.

Петька еще раз выругался. Но потом друзья опять долго молчали. После всего услышанного возможность очутиться в лапах Прокопки казалась еще опаснее.

— И чего она опоздала... — посочувствовал Петька.

— А может, она ждала нас там?.. — спросил Никита. И когда спросил, у обоих стало непривычно тепло на душе.

Сквозь единственно видимую щелку от неплотно прихлопнутой двери на сеновал проглядывали сумерки.

Петька переполз через баррикады тряпья и попробовал открыть дверцу. Тотчас же загавкал от конуры Шерхан.

Адмирал-генералиссимус торопливо возвратился к Никите.

— Думай, Голова...

Голова, начальник штаба, стал думать. Но не о спасении, а так — о разном...

Полоска сумерек от входа стала еле заметной.

Снова тихонько пропела сенная дверь.

Легкие шаги. Она...

Погремела где-то рядом жестяным корытом. Шерхан заскулил, подлизываясь к хозяйке.

— Спать, Шерхан, спать... — И негромко: — Мальчики, если здесь, тише... Спать, спать...

Никита, протянув руку, осторожно стукнул по стропилу.

— Тихо, тихо, Шерхан!..

Петька шепнул:

— Тихо!

Ясный месяц за синей рекою... —

послышалась от крыльца негромкая песенка. Потом шаги по лестнице, и опять все стихло.

— Я говорил! — торжествующе отметил Петька. В ответ ему взвился яростным лаем Шерхан.

Хлопнула дверь. Голос Прокопки:

— Ты чего? Ну, ну, не балуй... Гляди тут...

Друзья поняли, что теперь, когда смолкли последние звуки в хуторе, Шерхан улавливает малейший их шепоток, и долго-долго опять сидели без движения.

Потом Петька дернул Никиту за плечо. Мол: «Спим...»

Тут же улеглись на тряпье и заснули в обнимку.

Нет худа без добра

Бодрые, вскочили разом под крик петуха во дворе, и оба разом вспомнили, что спят не дома. Даже не в гостях. Сели.

Несколько раз выходил во двор и возвращался в избу Прокопка. Когда он уходил — то из одного конца двора, то из другого доносилась тихая песенка. Нас-только тихая, что слов было не разобрать. Только на-пев:

Ясный месяц за синей рекою...

Опять и опять натужно орал петух. Квохтали выпущенные из сарая куры. Покрякивали утки. Где-то неподалеку вздыхала корова, слышалось тяжелое хрюканье, время от времени заглушаемое требовательным визгом подсвинка.

— Живет кулак... — повторил Петька определение пасечника.

Никита показал на фонарь:

— Может, не видно?..

Петька метнул взглядом по сеновалу.

Вместе подтащили тумбочку без дверцы, засунули в нее фонарь так, чтобы свет падал только в одну сторону.

К обоим возвратилась прежняя энергия.

Петька отполз к дверце. Осторожно выглянул в щелку. Через нее был виден угол крыльца и узенькая полоска гладкого, будто асфальтированного двора.

«Зажигай!» — просигналил Петька.

Чиркнула спичка.

Света из-за кучи барахла Петька не увидел.

Глупо было думать о побеге, когда они еще не выполнили своей главной задачи. И с молчаливого согласия как бы возложили всю ответственность за свою дальнейшую судьбу на ту, у которой была песенка: «Ясный месяц за синей рекою...» Себе оставили собственные заботы.

Опять замелькали «Похождения...», «Приключения...», фотографии женских ног вместо картинок...

Надежда — друг легкомысленно-непостоянный: то сильнее она, то еле теплится...

И когда Никита зашевелил непослушными губами, пытаясь что-то сказать Петьке, — она была уже совсем крохотной.

Никита прижимал руки к толстой в кожаном переплете книге, во всю обложку которой сиял тисненый, с двумя перекладами крест.

В четыре руки распахнули книгу.

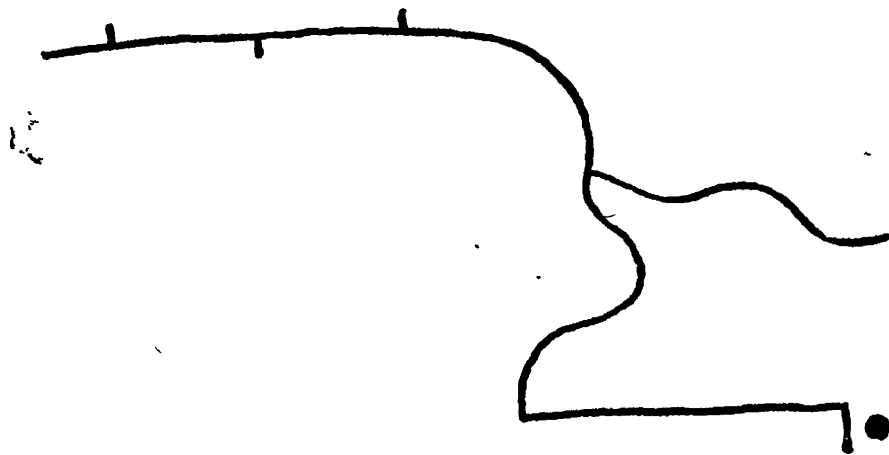
Глазам обоих представились обнаженные мужчина и женщина под огромным деревом. На разметавшуюся в полусне женщину глядеть было неприятно.

— Библия! — наконец прошептал Никита.

— Не дурак!.. — огрызнулся Петька. — Шуруплю.

Дальнейшее у обоих не вызывало сомнений.

Тайна последних двух цифр была перед ними. Страница сто шестидесятая... Во всю оборотную сторону картинки — ничего не говорящая, без единого слова схема... Опять схема!

Страница двести восемьдесят третья... И только тут заметили оба, что книга написана на непонятном языке.

Помолчали, растерянные.

— Французский! — с гордостью полиглота заявил наконец начальник штаба.

— Откуда ты знаешь... — сердито отозвался адмирал-генералиссимус.

Никита открыл титульный лист. И после короткого спора пришли к выводу, что внизу титула напечатано русское слово «Париж» нерусскими буквами: «Paris».

Снова открыли на двести восемьдесят третьей странице.

Петька заметил аккуратную точку в начале и в конце одного слова.

Воодушевленные, забегали глазами по строчкам и нашли еще несколько таких же аккуратных точек.

— Шифр! — доложил начальник штаба.

Но дешифровальщика в отряде не было. Снова раскрыли книгу на схеме. Схема была до унылого непонятной.

Петька перевел глаза на соседнюю страницу и... здесь тоже увидел точку. Тогда, изумленные, они стали раскрывать книгу где попало и увидели, что каждая ее страница помечена аккуратными точками в строках.

Петька обеими руками почесал затылок. Все это было невероятно и вместе с тем... очень естественно.

Либо на двести восемьдесят третьей странице заключался ключ ко всему шифру, либо точки на остальных страницах были сделаны для отвода глаз...

Петька взял у Никиты книгу, лег на спину, тяжелую книгу положил себе на грудь, и сердце его застучало в кожаный переплет.

А Никита достал из первого ящика «Тайны женского очарования» и, растянувшись на животе около тумбочки, стал читать про женское очарование.

Некоторые тайны женского очарования

— Родинка на лице придает ему особую прелесть, — сказал Никита.

— Это бородавка-то?.. — переспросил Петька. И даже сплюнул.

Никита пошелестел страницами, помолчал и тоже сплюнул.

— Чего ты? — спросил Петька.

— Если девушка позволяет вам при встрече целовать ее ладонь — это означает особое ЕЯ к вам расположение... Целуйте в линию сердца.

Петька вздохнул. Никита бросил книгу в общую кучу, задул фонарь и лег рядом с Петькой.

Так они лежали долго. Предпринимать что-нибудь не имело смысла. Во-первых, им бы не удалось выбраться. А во-вторых, они могли подвести ту, которая так решительно пошла им навстречу.

Лежали молча. Но оба очень хотели пить.

Сухость будто бы медленно подступала к ним со всех сторон, откуда-то из углов, от крыши, а потом наваливалась всей тяжестью, и Петька пошевелился. А Никита встал, опять зажег фонарь, достал из ящика «Гибель «Колорадо», стал читать.

Некоторое время снова молчали. Потом Никита поскреб свой круглый затылок, и Петька спросил:

— Чего там?

— Женятся, — сказал Никита. — Свадебное путешествие.

— Это вроде как Федька с Наташкой в Сопляковку?..

— Вроде, — сказал Никита. — Только на корабле.

Опять помолчали. Никита увлекся. Стал пристраиваться возле тумбочки поудобней.

— Ну... — снова напомнил о себе Петька.

— Субмарина, — объяснил Никита. — Это по-фашистски — подводная лодка. Сейчас топить будет корабль...

— Бомбы, что ли, нет у этих? — спросил Петька.

— Нету, — сказал Никита. — Это ж не русские — англичане.

Немецкий капитан предложил женщине спуститься на подводную лодку. С женщинами капитан, оказывается, не сражается.

— Врет, собака... — комментировал Петька.

— Ну, вот... — сказал он, когда немец все-таки потопил корабль.

Но лодка всплыла и подобрала невесту.

Дальше всякий раз, когда Никита хмыкал про себя, Петька требовал разъяснить ему причину хмыканья. И мало-помалу перед ними развернулась картина такого безобразия, что, если б не жаль было лишних движений, Петька изничтожил бы книгу.

Жених мисс Фейл утонул. Немецкий капитан поселил ее в своей каюте. И скоро она забыла про жениха. Но тут все офицеры стремятся с ней побеседовать. Капитан держит ее под замком.

Лодку бомбят наконец, и лодка падает на грунт. Немцы, вместо того чтобы спастись, кидаются все к капитанской каюте и хотят прорваться к мисс Фейл. Тут среди них оказался один порядочный юнга, который из пистолета убивает всех, чтобы защитить эту дурочку Фейл.

Потом приходит капитан, благодарит юнгу и убивает его. Мисс Фейл плачет. Капитан объясняет ей, что спастись можно только вдвоем.

— Шкура... — чуть слышным шепотом пояснил Никита.

Капитан открывает люк, и вместе с воздушной пробкой они вылетают из лодки. Мисс теряет сознание. Капитан за волосы тащит ее на поверхность... Англичане подбирают эту пару.

Никита завозился вдруг.

Петька подтолкнул его ботинком: мол, говори, что еще там.

— Она тут, понимаешь... — каким-то уже не своим от жажды голосом произнес Никита, — говорит, что это ее жених, тот, ну, которого этот немец утопил...

«Если бы Наташка так, — хотел и уже не мог сказать Петька, — убил бы дядька косою Андрей... И правильно б сделал».

Не зря англичане не помогали в войну. С такими союзниками не развоешься: пропадут, как эта мисс Фейл.

Пленнички

Судить о времени они не могли. Надо бы встать, подползти к двери, чтобы увидеть, где солнце, но не имело смысла расходовать на это силы.

Никита больше не читал. Они опять лежали рядом. И, может быть, прошли сутки, может, двое...

Во всяком случае, потом выяснилось, что они пролежали так целый день. Им ничего не оставалось, как только прислушиваться к звукам во дворе и стараться по этим звукам угадать свою судьбу.

Они могли бы еще рискнуть и положиться на Прокопкину снисходительность вчера, когда у них не было этой драгоценной книги, сегодня рисковать было бы уже глупо.

Когда вместе с Прокопкиным топотом к ним доносились со двора еще и легкие, торопливые шаги, обоим на некоторое время становилось будто бы легче. И Петька опять шупал в темноте религиозное писание.

Наконец шаги хозяев совсем утихли.

По неуловимо загустевшей темноте чердака путешественники поняли, что наступил вечер. Тишина сто-

яла так долго, что Никита не выдержал и спросил:
— А может, все же предали нас?..

Вопрос этот тяжелым камнем повис в воздухе над самой Петькиной головой. И оттого сухость в горле стала чувствоваться еще сильнее.

Хлопнувшая на крыльце дверь показалась обоим сигналом к спасенью.

— Шерхан!.. — коротко позвал Прокопка.

Друзья сразу привстали на коленях и вслушались. Заскрипела калитка.

Петькины глаза сверкали торжеством, хотя торжествовать особой причины пока не было.

Но когда калитка закрылась и когда прошло две или три минуты, дверь дома опять сильно хлопнула, и друзья буквально почувствовали, как женщина перебежала через двор к сараю. Коротко заскрипела приставленная к дверце лестница, и — будто у этой женщины в самом деле крылья — рядом послышался ее веселый шепот:

— Мальчики! Живы, мальчики?

Друзья кубарем перелетели через тряпье.

В дверную щель — примерно в два-три пальца шириной — им была видна только часть ее лица: один глаз, нос и улыбающиеся губы, но смеется она или плачет — разобрать нельзя было.

— Бедненькие мои! Вас не ищут?

— Не... — сказал Петька. — Мы путешествуем.

Теперь она засмеялась.

— Пленнички мои! Держитесь! Немножечко еще, ладно?! Немножко потерпите! — И, болтая всякие нежности, как маленьким, она стала проталкивать им в щель куски хлеба, потом сала, потом масло в газете, потом блины, потом втиснула плоскую солдатскую фляжку с водой, потом еще большущий флакон из-под одеколона.

Друзья теперь уже твердо знали, что их трое здесь против одного Прокопки.

Великий Визирь

Фляжку завинтили как следует и оставили на завтра, флакон решили выпить сразу.

Опять легли рядом и, передавая друг другу ароматный, пахнувший одеколоном пузырек, стали делать по

одному маленькому глотку. И когда из флакона упала в широко открытый Никитин рот последняя капля, путешественники были готовы на любые новые испытания.

Конечно, они могли бы выпить сразу и фляжку, но опыт подсказывал, что делать этого не следует.

Жажда пропала. На смену ей пришел голод.

В свете фонаря разложили хлеб, масло, блины и пировали до тех пор, пока не почувствовали, что объелись.

Это всегда выясняется почему-то вдруг. Нет бы человек наедался постепенно. А то глотаешь, глотаешь, кажется, еще тонну можешь съесть. Вдруг — стоп! Оказывается, ты перехватил лишнего. И тебя даже начинает чуточку мутить.

Остатки продуктов спрятали от мышей за стропилами, под крышей. Развинтили фляжку и набрали в рот по большому глотку воды на закуску.

Потом еще раз от корки до корки перелистали библию, но ни безмолвная схема, ни многочисленные точки опять ничего не объяснили им.

Никита разыскал среди книг «Похождения Ната Пинкертона». Увлекся. Оказывается, Пинкерстон — это почти Шерлок Холмс. А Петька нехотя раскрыл «Тайны женского очарования» и, сплевывая и ругаясь время от времени, стал читать эти непонятные тайны.

Потом, уже обжившись на сеновале, по-домашнему сняли ботинки и легли спать, укрывшись телогрейками.

Никита в эту ночь воевал на немецкой субмарине. С двумя пистолетами в руках он застрелил капитана. Потом через торпедный аппарат выбросил за борт мисс Фейл и вместе с юнгой захватил весь корабль. Под двумя флагами — английским и советским (советский — чуть выше) — они стали громить фашистские корабли на их же лодке.

Петька нашел дворцы. И будто бы Петька — Великий Визирь: куда он ни пойдет, золото так и сыплется к его ногам. А кругом алмазы, алмазы. Он велит мастерам сделать матери курятник из чистого золота, с золотыми насестами. И у петуха в гребне — жемчужина. Весь мир подвластен Петьке. Он даже не знает уже, чего пожелать... У него больше нет желаний. Он не успевает подумать что-нибудь, а разные арабы, абреки, ашуги уже несутся сломя голову, чтобы желание его

было выполнено. Но жизнь у визиря несчастливая. Все почему-то восхищаются огромной бородавкой на его носу. Он хочет ее прикрыть, он старается спрятать ее под чалму. А все кричат: «Ах, какое очарование! Какая замечательная у него бородавка!» И главное—ее все время видишь. Нет бы села где-нибудь на шее — села прямо на кончике носа, так что на весь мир невольно приходится глядеть через бородавку. А тут еще Никита, будто очумел, хватает его руку и целует в ладошку.

— Сдурел ты?! — спрашивает его Петька.

А Никита слышать ничего не хочет и лезет целовать его в грудь на линии сердца. И все заканчивается дуэлью. Только дерется Петька не с Никитой, а почему-то с Семкой Нефедовым. И Великому Визирю становится даже стыдно, что он поднял шпагу на такого ничемного человека.

Мироед

Весь день с раннего утра стирала во дворе и полоскала белье жена Прокопки. Со двора доносилась ее тихая, осторожная и вместе с тем счастливая песенка:

Ясный месяц за синей рекою...

И так это легко было представить себе: вечер... Синева. Речка. Не Тура, а другая — чистая-чистая, синяя. И месяц над нею. И тихо-тихо. Только песня откуда-то...

Путешественники — каждый про себя — стали подпевать женщине.

Но слов они, к сожалению, не знали.

А после обеда, когда хозяйка запела чуть громче и Никита с Петькой обрадовались, что услышат песню до конца, хлопнула дверь на крыльце. Рывкнул Прокопка:

— Чего развеселилась?

И песня оборвалась.

— Дома от нее слова не услышишь, а как на выход— пение начинается! Шалава...

— Соб-бака!.. — Петька зажал в кулак штык и сильно ткнул им в тряпье.

— Иди домой! — приказал Прокопка.

— Я еще не все сделала...

— Сказано, домой! — оборвал Прокопка.

— Мироед... — выругался Петька.

Женщина скрылась в избе. А Прокопка остался на крыльце. Дощатый настил поскрипывал под его сапогами. Было непонятно, зачем он угнал жену, если та стирала.

Но вдруг зарычал Шерхан, потом залаял, и в калитку постучали.

— Кто? — громко спросил Прокопка.

— Свой... — слышался неуверенный голос из-за забора.

— С делом или так опять?

— Не все равно тебе — сегодня или завтра... Может, договоримся...

— Я с пустыми руками не говорю! — яростно отрезал Прокопка. — Синица в руках лучше журавля в небе!

— Хороша синица! — опять слышался голос из-за калитки. — За ерунду ведь! Разговору больше... А заломил!..

— А ты что ж думал?.. — хохотнул Прокопка. И разозлился опять: — Больше не толкую! Я свое сказал — и не ходи без толку!..

— Торгуется, ворюга... — неслышно разъяснил Петька.

За калиткой умолкли. Прокопка ушел в избу.

А во дворе опять появилась женщина. И к друзьям опять долетела чуть слышная, радостная песенка:

Ясный месяц за синей рекою...

К вечеру у путешественников кончились продукты. Воду они тоже — по глотку, по глотку — выпили всю. Петька в совершенстве овладел тайнами женского очарования. Никита мог бы запросто наниматься в частные сыщики. А когда пришла новая ночь, кончился керосин.

Свобода

— Мальчики!

Они вскочили как по команде. Ударились в темноте головами и долго не могли сообразить, в чем дело.

— Мальчики! — опять донесся к ним из темноты веселый голос. — Я уже минут десять зову вас!

Петька, зажав на груди библию, махом перелетел через тряпье. Никита следом.

На лестнице, в темном квадрате открытой дверцы, проглядывал силуэт женщины.

— Ну вот! Я же боюсь туда залазить, а вы не слышите... — пожаловалась она.

— А вы не бойтесь! — посоветовал Петька.

— Мыши! — сказала женщина.

— Фу! Они же маленькие! — удивился Петька.

— А... Прокоп где? — спросил Никита.

— Нет Прокопа! У него свои дела по ночам... — ответила женщина.

Петька не спустился, а буквально слетел вслед за ней и Никитой.

Женщина, заложив руки за спину и прислонившись к калитке, поджидала их у выхода.

Друзья остановились против нее. И бывает же: опять, как тогда, со Светкой, Петьке захотелось сказать своей избавительнице что-нибудь такое... необычное...

Она улыбнулась в темноту.

— Нашли свою тайну, кладонскатели?

— Вот... — показал Петька библию.

— Не заблудитесь ночью?..

— Не! — сказал Петька. — Мы же путешествуем!

Женщина опять улыбнулась. Но улыбнулась уже не так весело, как раньше.

Из-за тучи проглянула луна, и в лунном свете лицо женщины показалось путешественникам грустным-грустным...

— Теть, а вы по-французски не умеете читать? — спросил Никита.

— Нет, мальчики... — сказала она. — Я ничего не умела в жизни...

И теперь друзья определенно заметили, что в то время, как губы ее улыбались, в глазах влажно поблескивали слезы.

Обоим стало отчего-то неловко и грустно.

— Вот, возьмите на дорогу, — сказала она, вытаскивая руку из-за спины, и сунула Никите газетный сверток.

Никита сначала пробормотал «спасибо» и сначала взял сверток, а уж потом хотел сказать «не надо»...

Она спросила:

— Как вы говорили, пасечника зовут?

— Саша! — обрадовался Петька. — Вы с ним познакомьтесь! Он хор-ро-ший!

Она кивнула, думая о чем-то своем.

— А как вы ключ нашли?.. — спросил Никита.

— Ну, уж это моя забота! — тихонько засмеялась она. — Бегите! А то еще нас вместе запрут!

Друзья сделали несколько шагов в сторону тайги, когда Петька опять быстро вернулся.

— Теть, а как дальше эта песенка, ну, про месяц?..

Она легонько дернула его за козырек кепки.

— Это взрослая песня, про любовь... Но я и сама не знаю, как дальше. Я давно уже не пела...

Женщина есть женщина, несмотря на все ее тайны

С трудом разыскали в темноте свою котомку, втиснули туда библию, подарок жены Прокопки, и Петька вскинул мешок за спину.

Ночная тайга дышала ровно, спокойно.

Вот ведь она какая — тайга! Сегодня она тебе — как враг, а завтра — как самый лучший друг на земле!

После долгого плена путешественникам, когда они, спотыкаясь о корневища, углубились в чащу, тайга показалась родным домом.

Но лишь после того, как, отшагав порядочное расстояние, вышли на случайную поляну в кедрах, к ним окончательно возвратилось ощущение безопасности.

Петька сел на широкий пенёк в самом центре поляны.

Никита пощупал котомку за его спиной.

Надо было ждать утра.

Выспались они на Прокопкином сеновале до отвала. Костер разжигать не решились.

Никита тоже сел рядом с Петькой, и, прислонившись друг к другу спинами, вернее — к мешку между ними, они решили бодрствовать до зари...

Оба не уследили, когда начало светлеть небо на востоке. Но в какой-то момент разом глянули друг на друга и поняли, что можно идти.

Петька вытащил из кармана и надел на руку компас.

До самой Туры почти бежали.

Долбленка их была на месте.

И блеклое, раннее солнце, и желтая река, и даже камыш в устье Мусейки выглядели до того родными, что Петька, не выдержав, прокричал негромкое «ура».

Они вернулись победителями и должны были поэтому разделить свою радость хотя бы с рекой, лесом, камышами...

Животы у обоих подвело.

Никита взялся бросать в кучу хворост для костра, Петька стал развязывать мешок.

Но в свертке, который дала им на дорогу Прокопкина жена, оказались мятные конфеты.

Петька застонал от разочарования. Когда мечтаешь о ломте хлеба с салом, о миске хорошей каши — чего стоят эти леденцы!

В досаде бросив мешок, Петька схватил удочку и побежал на старицу за новой добычей.

Никита грустно поглядел на конфеты, разгрыз несколько штук, потом еще несколько и отправился на поиски грибов.

О карасе как о рыбе и о плотичке как о селявке

Дождя давно не было, и не было грибов. Кроме нескольких червивых маслят, Никита ничего не нашел.

— Ладно, — утешил Петька. — Сейчас мы...

И перебросил удочку. Перебросил ее точно на то же место, где ловил в прошлый раз. Но поплавок оставался без движения.

Сначала Петька еще повторял: «Сейчас, сейчас...» Потом замолчал. Потом сел на ту же корягу, на которой сидел раньше. Потом даже принял точно такую же позу, как тогда, приготовившись моментально шлепнуться на спину, если поплавок дрогнет. Но поплавок не шелохнулся.

Уж такая это дурная рыба — карась. Он будет как ошалелый лезть на удочку, к примеру, до двух часов. И только успевай выкидывать его на берег. А в два часа кончится жор, и тогда ты ему хоть кашу с маслом предлагай — он и глазом не поведет.

Петька просидел на коряге больше часа, но шлепнуться на спину ему не пришлось.

Никита, из сочувствия, ушел к Туре и, сидя около

незажженного костра, стал нехотя сосать мятные леденцы.

Петька подошел к нему, сел рядом и с горя тоже погрыз конфет. Но выгребать против течения на голодный желудок — пустое дело...

Решили попытаться счастья на Чернавке.

Котомку с библией Никита положил в другую котомку и, усевшись в лодке, стиснул ее между ног.

Пока гребли до Чернавки, животы у обоих словно приросли к позвоночнику.

— Ставь котелок! — распорядился Петька, когда они вытащили свою долбленку на песок рядом с Чернавкой, и опять, решительный, взялся за удочку.

Но вскоре вода в котелке закипела, а рыбы все не было.

Никита разыскал немного щавеля и опустил его в воду, потом набросал туда мелкими кусочками заячьей капусты, лебеды и даже белых корешков осоки.

Тогда Петька махнул рукой на честь бывалого рыбака, снял грузило, уменьшил глубину до десяти сантиметров, разыскал под камнем несколько муравьиных яиц и закинул на плотичек.

Плотичка, или селявка, как называли ее в Белой Глине, — это не рыба, это так—промысел Кольки тет-ки Татьянина. Но делать было нечего...

Никита подбирал, молча потрошил эту мелюзгу и опускал в котелок. Потом объявил:

— Хватит!

Петькина досада прошла, когда он увидел, до чего—невпроворот — густым получилось варево.

Никита сполоснул ложки.

Сели друг против друга и, опять счастливые, оба разом зачерпнули по ложке темной жижи с пеплом.

Петька со вкусом втянул в себя первый глоток и поперхнулся. Горло его сжали спазмы. Уха была горькой, как хина.

Петька вопросительно глянул на Никиту. Но тот, скосив глаза, глядел в собственную ложку и глотал варево как ни в чем не бывало.

Петька решил, что горечь во рту — это у него после конфет. И вторую ложку проглотил, стараясь не чувствовать, какой вкус имеет Никитина уха.

Только после того, как Никита обсосал и выбросил последнюю плотичку, после того, как в котелке не оста-

лось ни щавелинки, Петька, лизнув свою ложку, спросил:

— Чтой-то горьковато вроде?..

— Может... Чуть есть, — сказал Никита. — Это я для вкуса травой приправил.

Потом, лежа на траве, отдыхали перед дорогой.

Сначала отдыхали рядом. Потом у Никиты заурчало в животе. Он встал и отошел, чтобы лечь подальше, стал глядеть в синее небо.

С полчаса поурчали врозь.

Арестанты

Они услышали тарахтение моторки сразу, как только выплыли на середину Туры. Петька перестал грести, чтобы не оказаться под носом у быстроходного катера.

Моторка появилась из-за поворота, и Петька уже рассчитал, что она пройдет метрах в трех по борту от их лодки, как неожиданно моторка пошла прямо на них.

— Эй, дяденьки! — закричал Петька.

Красивая белая с продольной красной полосой моторка почти вплотную от них круто развернулась, мотор ее заглох, и здоровенный старшина в синей милицеевской форме, перегнувшись через борт, крепко ухватил Петькину долбленку за отшлифованный стеклом буртик.

— Руки вверх! — скомандовал старшина.

Никита сначала поднял руки, потом опустил и спросил:

— Зачем?..

— Вы арестованы, — не глядя на них, объяснил старшина, подтаскивая долбленку плотнее к борту своей лодки. — А ну перебирайтесь сюда! — приказал он. И добавил: — Сопrotивление бессмысленно.

Петька хотел было что-то возразить, но все было так неожиданно, а лица старшины и милицеевского лейтенанта настолько суровыми, что путешественники переглянулись и молча полезли в милицеевскую лодку.

Единственная улика, за которую их могли арестовать, находилась в котомке, и Петька прихватил ее с собой.

Старшина передал лейтенанту носовую цепь с долб-

ленки, тот молча укрепил ее на корме, рядом с мотором.

— Дя, за что нас?.. — попытался осторожно выведать что-нибудь адмирал-генералиссимус.

Но молодой красивый лейтенант с орденом на кителе не ответил. Достал какую-то бумагу и приказал старшине:

— Проверяй. Лодка долбленая...

— Так точно, — доложил старшина. — Долбленая.

— Нарушителей двое...

— Есть. Раз, два, — сказал старшина, пересчитав Никиту и Петьку.

— Один стриженный, другой не стрижется...—мрачно, как приговор, известил лейтенант.

— Снять головные уборы, — приказал старшина.— Так точно, товарищ лейтенант, один не стрижется.

Никита и Петька только головы поворачивали, глядя то на одного, то на другого. Лейтенант сидел на корме, старшина — в носу лодки.

— Звать... Как звать? — спросил лейтенант, впервые поднимая суровые глаза на арестованных.

— Петька... — сказал Петька.

— Никита... — сказал Никита.

— Все правильно... — заключил лейтенант. — Дальше... Телогрейки. У одного синяя, у другого черная.

— Грязные у обоих, товарищ лейтенант, не разоб- рать.

— А ну, где у вас там есть чистые места? — спросил лейтенант. — Под мышками. Так. Все правильно, сомнений быть не может. Время задержания... — Глянул на часы. — Без пяти минут девять ноль-ноль... Запишем. — И карандашом записал на бумаге. — Следите за ними, старшина.

Лейтенант обернулся к мотору, намотал на пусковое колесо тонкий ремешок, дернул его. Мотор сразу оглушил всех.

Не глядя на друзей, лейтенант развернул лодку, и она стремительно полетела вверх по течению Туры, а за ней так же стремительно понеслась арестованная долбленка.

Весть о преступлении

Мчались быстро, так что минут через сорок уже показались Гуменки.

Петька заметил на берегу двух человек, один из которых был тоже в милицейской форме и сигналил руками: не то «я здесь!», не то «сюда!»

Это уж показалось вовсе не к добру, и Петька понадеялся, что милиционеры не заметят сигналов, но глянул сначала на лейтенанта, потом на старшину и убедился, что они видели все раньше его.

С заглохшим мотором лодка мягко выскочила носом на прибрежную гальку. Лейтенант придержал рукой долбленку, чтобы та не ударила в корму.

— Чэпэ, товарищ лейтенант! — доложил милиционер, по требованию которого лодка причалила к берегу. Штатский рядом с ним был, видимо, из колхозников. И только испуганно моргал глазами.

— Слушаю... — сказал лейтенант.

— Покушение на убийство, — доложил милиционер. — Ограблен кассир сберкассy. Ехал с деньгами из района. Два выстрела: один пулевой, другой из дробовика.

— Кассир жив? — сразу спросил лейтенант.

— Жив. Пуля попала в лошадь, а его только поцарапало дробью. Но потерял сознание, когда падал с лошади.

— Денег много? — спросил лейтенант.

— Так точно, — доложил милиционер. — Около семи тысяч.

— Ничего не трогали на месте?

— Никак нет! Поставили охрану из колхозников.

Лейтенант обернулся и что-то негромко приказал старшине.

Тот быстро оттолкнул лодку и прыгнул в нее. Завел мотор. Стали снова набирать скорость.

Старшина

Друзья поняли наконец, что никаких обвинений им не предъявят, что их попросту отбуксируют до Белой Глины и с рук на руки передадут бабке Алене и Петькиной матери.

Мысль об этом привела друзей в полнейшее уны-

ние. Даже то, что они узнали в Гуменках, отошло на второй план. Даже то, что в котомке у них лежала таинственная библия, казалось малоудовлетворительным.

Вместо того чтобы возвратиться бывальными землепроходцами, они должны будут предстать перед всеми как мальцы, которые заблудились и были разысканы милицией...

Петька покраснел при мысли о грядущем позоре.

— Дя, отпустите нас...

Старшина не взглянул на него. Старшина думал о том событии, которое произошло в Гуменках, и беспокоить его было опасно. Но Петька все же не мог молчать.

— Дя, мы сами доплывем... — неуверенно заканючил Петька.

Старшина молчал.

— Товарищ старшина, отпустите, — бравым голосом попробовал Никита.

Старшина глядел прямо перед собой.

— Мы больше не будем... — поклялся Петька, стараясь заглянуть в глаза милиционеру. Чего не будем — он и сам не знал.

Лицо старшины не дрогнуло ни единым мускулом.

— Дядь, мы сами, тут близко... — сказал Никита.

Старшина молчал.

— Дядь, нам нельзя так в деревню... — сознался Петька.

Старшина не ответил. Петька вздохнул и тоже замолчал.

— Дядь, отпустите, а?.. — сделал последнюю попытку начальник штаба. Но и на этот раз не получил ответа.

Друзья пали духом.

Петька подумал даже, не выпрыгнуть ли ему, чтобы вплавь добраться до берега... Намокнет библия...

И вот когда по борту уже забелели Марковы горы, старшина заглушил мотор. Тишина ворвалась в уши так внезапно, что даже зазвенело в голове. Милиционер поймал догнавшую их долбленку, подтянул ее к борту.

— Быстро пересаживайтесь!

Друзья не успели сообразить, в какую сторону переменялись события, но спрашивать себя не заставили и, будто по волшебству, разом очутились в долбленке. Ус-

тавились на старшину в четыре глаза, веря и не веря своему избавлению.

Старшина поднял палец.

— Домой поплывете?

— Домой! — быстро заверил Петька.

— Слово? — спросил старшина.

— Честное пионерское! — поклялись путешественники.

— Ну, смотрите у меня...—предупредил старшина, отталкивая долбленку. — В другой раз прямо через всю деревню вас проведу! Если попадетесь еще.

— Не! — заверил Петька. — Мы в другой раз не попадемся!

Старшина погрозил пальцем, развернул свою лодку и через минуту уже мчался вниз по Туре, к Гуменкам.

— С одной стороны, нас арестовали, — сказал Никита, — а с другой стороны, подвезли к самому дому...

Землепроходцы

Все получилось как нельзя лучше.

Путешественники издали увидели целую армию встречающих на берегу. Тут собрались и Колька, и Димка, и Светка, и кучерявая Кравченко, и Мишка, и Владька, и даже рагозинцы...

Друзья всех разглядели издали, чтобы ни на кого не глядеть вблизи. Подумаешь, событие: недельку-другую походить в тайге...

Вытащив лодку на песок, они в окружении толпы зевая по-деловому, как и подобает двум мужчинам, собрали свое имущество, молча оглядели долбленку — нет ли где повреждений, перевернули ее, взяли весла и молча, рядышком, сквозь строй расступившихся перед ними туземцев направились к деревне.

Колька тетки Татьянин зашагал рядом. Он же всегда был на их стороне. И, может, нарочно молчал, а сам знал, куда они плавали.

Светка Егорова глядела с таким любопытством, что у Петьки аж спина окостенела — настолько невозмутимым он стал.

Владька все выставлял перед собой духовое ружье.

Нужно оно кому — ружье его... По людям из дробовиков стреляют...

А Мишка пытался подъехать то с одного боку, то с другого.

— Куда вы плавали, а?..

Друзья шли молча.

— Нашли что-нибудь?..

У друзей не дрогнул ни один мускул на лице.

— Подумаешь, важность...

Друзья продолжали глядеть прямо перед собой.

— А! — сказал Малыга рагозинский. — Если уж путешествовать, так в Индию, в Китай...

Друзья молчали.

— Тихарите, да? — спросил Мишка.

Путешественники — ни слова в ответ.

— Мы тоже скоро идем в поход!.. «С Валентиной Сергеевной», — хотел сказать Мишка, но понял, что с Валентиной Сергеевной — это уже не то, что самостоятельно.

Друзья молчали и шли к деревне в сопровождении растянувшегося за ними эскорта любопытных.

Единственно, кто мог испортить триумф, — это бабка Алена. И Петька давно тревожно вглядывался в каждый переулок, не сомневаясь, что женщин предупредили об их возвращении.

Бабка Алена и Петькина мать стояли у калитки Никитино дома. Но путешественники, не сговариваясь, вдруг круто повернули направо и через огород все тем же спокойным шагом направились к дому Петьки.

Дорога славы была протоптана вплоть до самого Петькиного порога.

Пир и прочее

Не стоит рассказывать о том, как пришли домой Петькина мать с бабкой Аленой, не стоит рассказывать, что говорили они... Также не стоит перечислять, сколько чего съели путешественники в продолжение этой беседы и после нее. Во всяком случае, сначала они заверили, что чувствуют себя прекрасно и есть не хотят совсем. А потом как-то так случилось, что появлялись на столе кринки с молоком и вскоре убирались пустыми, появлялось, чтобы вдруг исчезнуть, сало. Петька мог бы поклясться, что в течение нескольких минут он даже видел перед собой огромный кусок мяса на столе. Мясо тоже исчезло. А когда главное из того, что ей хоте-

лось сказать, Петькина мать высказала, она стала к плите, взяла в руки огромную кастрюлю с жидким тестом, черпак и стала один за другим перекидывать на сковородке блины. А бабка Алена подхватывала их и несла к столу, чтобы положить на тарелку рядом с миской холодной сметаны... Блины Петькина мать пекла, бабка Алена их носила, чтобы положить на тарелку, а на тарелке их, как в сказке, не было. Потом и сметана кончилась.

А в довершение всего прибежала радостная и расстроенная Валентина Сергеевна. Путешественники насупились.

Учительница так запыхалась, что первые несколько минут, вся покрасневшая, только головой качала, глядя на героев дня. Потом заговорила быстро-быстро:

— Вы их не ругайте, ради бога, Алена Дмитриевна! Настасья Федоровна! Они больше не сделают ничего такого! Правда, мальчики? Не надо. — Друзья приободрились. — Мы все вместе обдумаем, как нам лето спланировать. Наметим однодневный поход! Решим, когда будем читать книги!

Петька с грустью поглядел на Никиту, невольно вспомнив «Тайны женского очарования», — чтения с Петьки уже достаточно на лето.

— Будем разучивать песни! — продолжала Валентина Сергеевна.

Теперь загрузил Никита. Если бы «Черного ворона» разучивать...

— Самодеятельность организуем!

Словом, Валентина Сергеевна придумала столько культурных мероприятий на лето, что и каникул могло не хватить.

Друзья вежливо поддакивали учительнице, поскольку она явно переволновалась за них. В эти минуты они были согласны на все: и петь «Эй, пионер, всегда будь готов!..» вместо «Черного ворона», и рассказывать на рагозинской сцене стихи про «весну-проказницу», вместо того чтобы поймать и как следует вздуть Ваську Малыгу за Петькины штаны, и под барабан шагать в поход к Марковым горам, вместо того чтобы ползком, ужами пробираться в камышах через болото.

Потом, успокоившись немного, Валентина Сергеевна расспрашивала их о путешествии. На некоторые вопросы друзья отвечали ей туманно. Рассказали про жен-

щину-лесника, про Сашку-пасечника, про мироеда Прокпку, у которого жена в батраках, про убийство...

Выслушав друзей, Валентина Сергеевна внимательно поглядела на них и сказала:

— Мальчики, вы что-то скрываете от меня!

Никита почесал затылок. Петька подергал себя за чуб.

— Что за жесты, мальчики!.. Ведь я верно угадала? Друзья переглянулись.

— Тайна это, Валентина Сергеевна! — признался Никита.

Валентина Сергеевна долго думала, глядя на них, потом обрадовалась чему-то:

— Хорошо! Раз тайна, значит тайна. Но обещайте мне, что вы больше ничего такого не предпримете без меня. Слово? — И протянул руку, совсем как Светка.

Петька дрогнул, но руку учительницы пожал.

Эпоха первого странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба завершена

Валентина Сергеевна французским языком не владела — это путешественникам было известно точно.

Однако теперь они уже имели опыт переписки и с самого начала были убеждены, что найдут переводчика в Москве.

Открыть свою тайну Валентине Сергеевне они не решились потому, что думали: вдруг и эта библия, и ветряная мельница, и могила — случайные совпадения. Вдруг все их розыски окажутся напрасными?.. Засмеют в деревне! То есть для себя они были твердо убеждены, что ищут не напрасно. А для Валентины Сергеевны думали: «Вдруг...»

Они написали в Академию наук. Написали так:

«Москва, Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик, Главному Академику.

Уважаемый товарищ Главный Академик!

Пишут вам пионеры Курдюковской школы Никита Ложков и Петр Савостин. Мы ищем одну тайну. Чтобы найти эту тайну, нам надо перевести эти французские надписи».

Далее они для маскировки, а заодно и для проверки других страниц библии переписали три фразы из слов, обозначенных точками на случайных страницах:

одну—из начала книги, другую—из середины, третью—с конца, потом четвертую, ту, что была составлена из слов с точками, на двести восемьдесят третьей странице:

La caverne noir la corridor quatriéme á droite deuiéme á gauche á travers source.

Потом срисовали еще две пробные.

И закончили письмо так:

«Очень просим ответить побыстрей, потому что каникулы скоро кончаются, а нам надо эту тайну раскрыть».

В тот же день они написали и отправили еще одно письмо—в деревню Кедрачи, на пасеку, пасечнику Саше.

В этом письме они просили пасечника избавить жену Прокопки от мироеда, который ей не разрешает даже петь, и еще написали, чтобы он следил за Прокопкой,—Прокопка, наверное, ворует зерно. А потом просили его передать жене Прокопкиной огромный привет от них и море наилучших пожеланий. Самому пасечнику они пожелали поскорее «расходиться» на своих ногах и подписались: «Никита Ложков, Петр Савостин».

Потом решили, что пасечник мог забыть их, и добавили: «Те путешественники, что ели у Вас творог со сметаной».

Потом сходили на почту.

Дорогой заметили, как в кустах на опушке блеснула подзорная труба, и догадались, что за ними установлено наблюдение.

Что ж, пусть пока противник наблюдает...

Предстояла длинная скучная эпоха ожидания...

ЭПОХА СКУЧНЫХ ОЖИДАНИЙ

Дело любит порядок

Чтобы втиснуть в банку из-под солидола толстую французскую библию, банку пришлось немножко надрезать. Теперь в банке была найденная в землянке схема «1500, 400, 300...», восемь писем из Свердловска, библия и текст клятвы отряда адмирал-генералиссимуса.

Наконец, было решено сохранить для потомков также и копии собственных писем как в Свердловск, так и в Москву, Главному Академику. В довершение этого Никита записал в тетрадь все подробности первого путешествия, и тетрадь зарыли вместе с остальной документацией.

Скрывая следы, друзья притоптали землю за сараюшкой, присыпали клочьями соломы, щепой и с минуту постояли друг против друга в торжественном молчании.

Потом, забравшись на чердак Петькиного дома, решили устроить небольшое, но важное совещание.

Петька выглянул в чердачное окно и без труда разыскал в кустах малинника за огородом блестящий глазок подозрительной трубы...

Враг не дремал. И все же, во-первых, единогласно постановили до поры до времени не ввязываться ни в какие стычки с противником: это могло отвлечь отряд от главных задач. Все хитроумные Мишкины попытки к сближению — игнорировать. Провокаций — не замечать. Отряд должен беречь свои силы для более важных дел. Однако, чтобы противник знал, что отряд жив и не складывает оружие, а лишь дает ему отдохнуть, решено было выставить флаг над Петькиным чердаком, где отныне будет располагаться штаб отряда.

Петька полез в кладовку, чтобы найти среди тряпья более или менее цельный кусок материи. Красного не нашел, синего тоже. Нашел зеленый — от старого материнского платья, в котором — говорила мать — она еще на вечерках пела, а самого Петьки даже на свете не было, в чем, кстати, он очень и очень сомневался всегда. Что мать ходила на вечерки — это понятно и что молодой она была — это еще можно допустить, а чтобы вот его, Петьки, не было, не было, а потом бы он — раз! — и появился, — это как-то не укладывалось в голове. Мать просто могла не знать, а где-то, как-то он уже существовал и тогда, когда она пела на вечерках.

Зеленый кусок порядком выцвел, зато флаг из него получился сантиметров шестьдесят в длину и сантиметров пятьдесят в ширину.

Никита красным свекольным соком написал через все полотнище новый девиз отряда: «Поиски, странствия, победы!» Петька четырьмя гвоздями приколотил флаг к сломанному черенку граблей и, распахнув чердачное окошко, выбросил флаг над крышей. Никита видел, как замельтешил при этом блестящий глазок подозрительной трубы в кустах. Противник был приведен в явное смятение.

Приколов флаг так, чтобы никакой ветер

не сломал его. Петька захлопнул окошко, и совещание продолжалось.

Чтобы ввести в заблуждение разведку корсаров, постановили делать вид, будто ничего в жизни не произошло: ходить в лес, купаться, загорать...

Новые поиски могут потребовать от членов отряда новых больших усилий, а поэтому надо подготовить себя к любым трудностям, и отныне в отряде вводился обязательный железный распорядок: только спорт и никаких послажек собственным слабостям.

Прения развернулись по самому первому пункту распорядка: во сколько часов надо производить отбой. Для здоровья, говорят, полезно ложиться рано, а потому в конце концов решили укладываться не позже двенадцати ночи.

Подъем — в шесть часов. С шести до семи — физзарядка. Потом завтрак — не досыта. Ныряние на реке по шестьдесят раз. Затем бег с препятствиями по тайге — на пять километров. Обед — нет. Снова ныряние — по тридцать раз. Снова — бег. Борьба. Подтягивание на канате. Тренировка в стрельбе — постоянно. В восемь часов ужин — не досыта. Вода — всегда в ограниченном количестве. С одиннадцати часов вечера до двенадцати — снова гимнастика. В двенадцать — отбой.

Распорядок вступал в действие с сегодняшнего дня, и потому, раздевшись до трусов, путешественники тут же, на чердаке, приступили к физзарядке. Поподтягивались на стропилах, повыжимали старый, надтреснутый чугунок. Стало немножко пыльно, но польза от физзарядки была явной.

Ныряние

Возле Туры—никого, только солнце. Желтый песок обжигал пятки. И Тура была желтой, как песок.

Проверив долбленку, отправились вниз по берегу, к обрыву, откуда можно было нырять. Прихватили с собой луки и по две стрелы, поэтому нападения не боялись.

У обрыва сделали еще одну физзарядку. Потом Петька нырнул первым. Хотелось поплавать. Но к реке они пришли не ради забав, и, выкарабкавшись на берег, Петька снова нырнул с большой задержкой дыхания.

Считал. И до «пятидесяти» держался у самого дна, потом еще до «двадцати» колыхался на волнах с опущенной в воду головой.

Так они сделали по двадцать нырков. И плавать уже расхотелось — до того устали оба. Но это свидетельствовало лишь о том, что закалка отряду была совершенно необходима. Сдвинув брови и не говоря ни слова, чтобы не растрачивать дыхание на разговоры, сделали еще по десять нырков. Причем Никита ушиб голову. У Никиты это самое больное место — голова. Петька, пока силы не растрачены, входит в воду без всплеска, как стрела с острым наконечником, а Никита всегда таранит ее своим шаром — только брызги летят.

После тридцати нырков сделали перерыв. Никита обложил свою голову мокрым песком.

Дыхание быстро восстановилось, и, чтобы напомнить себе о жестокости распорядка, Никита выцарапал на песке острым березовым сучком: «Поиски, странствия, победы!»

А когда пришла в нормальное состояние круглая Никитина голова, продолжили ныряния. Сначала прыгали по очереди, как до перерыва, потом поныряли вместе — кто пробудет под водой дольше, но раз столкнулись у самой воды и решили парным нырянием больше не заниматься.

После шестидесятого нырка оба с трудом вскарабкались на обрыв, и, так как сил отползти от обрыва уже не было, минут пять они так и лежали друг против друга на краю обрыва, моргая покрасневшими от воды глазами.

Впрочем, настроение у обоих было при этом отличное: первое испытание они выдержали.

Да и вообще, великое это дело — закалка! Если после физзарядки они могли бы встретиться с любым из противников один на один, отдышавшись после ныряния, каждый из них почувствовал себя готовым на рукопашную с любыми двумя соперниками: нет, не с Мишкой и Владькой одновременно, но, к примеру, с Владькой и Семкой Нефедовым...

Надо было выполнять следующий пункт дневной программы. Никита нарисовал на ближайшей сосне круг, примерно с собственную голову, отмерил пятнадцать шагов вдоль берега, и Петька занял исходную позицию.

Стреляли они долго, так что привлеченный их упраж-

нениями противник шаг за шагом приближался все ближе и наконец уселся на траве шагах в десяти от них.

Когда Петька убедился, что Семка и Мишка достаточно нагладелись на его и Никитину меткость, Петька закинул лук за спину. Никита тоже закинул. Оглядели стрелы. Наконечники могли выдержать еще сколько угодно выстрелов. Только оперение слегка потрепалось. Достали из травы штаны и майки, оделись. И так как большая часть основной программы первой половины дня была на этом исчерпана, присели...

Упорное молчание недавно еще всполошивших всю деревню беглецов, будто языки у них отнялись, и все то, что они делали после возвращения, было так загадочно, что Мишка, сгорая от любопытства, пересел к ним ближе, спросил:

— Вы чего это, а?.. Онемели?..

Петька не ответил. Никита глядел в точку на сосновой коре и вообще не слышал вопроса. Мишка вздохнул от нечего делать и стал глядеть на сверкающую поверхность Туры.

А Петька, прищурившись, глянул на солнце, как бы определяя, пора или не пора. «Нет, — решил, — еще не пора...»

Мишка взял у Семки подзорную трубу и взгляделся в противоположный берег, потом взгляделся без трубы, потом опять через трубу, сказал:

— Корова...

Петька равнодушно глянул на противоположный берег: Корова стояла у самой воды и, отмахиваясь хвостом от мошкары, пила.

Друзья поднялись, чтобы уйти, но не успели.

Блеснув стальным наконечником, в стороне, через поляну, пролетело копьё и вонзилось глубоко в кучу хвороста.

Следом за копьём, ошеломив своим видом чуточку даже растерявшихся Никиту и Петьку, с криком «Йэх-хо!» вылетел на поляну полуголый, рыжий, как пламя, индеец — Владька.

Одежду его нес в руках Колька тетки Татьянин.

Вокруг рыжей индейской головы торчали разноцветные перья. Голая грудь, спина, руки и ноги были расписаны красной и белой глиной в запутанные узоры. Вместо трусов вокруг бедер у индейца была повязана веревочка с нанизанными на нее лопухами.

Мишка ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом.

Колька тетки Татьянин с Владькиной одеждой в охалке остановился на почтительном расстоянии ото всех, как бы подчеркивая этим свой полный 'нейтралитет: попросили человека потаскать одежду — вот и все...

Владька выхватил копьё из хвороста и, держа его на изготовку, оглянулся по сторонам, словно не замечая адмирал-генералиссимуса и вроде бы выскивая какую-то ускользнувшую от него добычу.

— Ха! — Быстро овладев собой, Петька соврал: — Копьё и у нас есть!

Индеец хотел не обратить внимания на реплику, но повернулся к адмирал-генералиссимусу и сказал на русском языке:

— Это не копьё, а дротик.

— У нас есть и копьё и дротик, — заверил Никита.

Петька торжествующе усмехнулся, хотя зависть и съедала его. Стрелы стрелами, а дротик — это оружие пострашнее, чем лук...

— Что-то мы не видели у вас дротиков, — резонно заметил Мишка.

Петька пожал плечами: мол, ты еще много чего не видел. И друзья спокойно зашагали прочь.

— Врут они! — крикнул Владька. — Ничего у них нет!

Индеец высказал такую жестокую правду, что не хватило совести доказывать обратное. И Петька зашагал с еще более непринужденным видом, даже головы не повернул.

Нужны ли воинам свистульки?

Слух о том, что беглецы, возвратившись домой, занимаются теперь какими-то загадочными прыжками, стрельбой, беганьем взад-вперед, облетел всю деревню.

И даже последняя мелюзга подходила к Петькиному дому, чтобы с часок позевать на зеленый с отчаянной надписью флаг.

Единственно, к чему не подготовился адмирал-генералиссимус, так это ко встрече со Светкой, которая в

неизменном сопровождении именинника Димки-от-горшка-два-вершка и кучерявой Кравченко будто ждала на опушке, когда они выйдут из леса.

Адмирал-генералиссимус круто свернул вправо, чтобы уйти от встречи, но Светка догнала их.

— Мальчики, вы правда будете еще странствовать?

Петька не ответил.

— Ну я же никому не скажу! — взмолилась желтоволосая.

— Не девчоночье это дело, — солидно отрезал весь закаленный длительной тренировкой начальник штаба.

— Подумаешь... — обиделась Светка, чуть отставая от них. — Я думала, вы хорошие...

— Надо нам! — огрызнулся Петька.

Начальник штаба не снизошел до ответа.

Светка опять догнала их.

— А Владика вы не видели?

— Там... — ткнул пальцем через плечо Никита.

— Он опять голый бегаёт?

— В перьях, — уточнил Никита.

— Ах!.. — сказала Светка и побежала домой жаловаться.

Никита прикинул в уме, что, с одной стороны, он как бы предал Владьку... Но, с другой стороны, — врать тоже нехорошо... И в конфликте с собственной порядочностью Никита минуты две погрузился. А Петька, злой, грустил даже дольше.

После обеда он разыскал в сарае плоский надломленный напильник, и друзья направились к дядьке ко-сому Андрею в кузню.

Собственно говоря, домой они приходили именно за напильником, а не для того, чтобы поесть. Надо было срочно делать копьё или дротик.

Но в кузнице возле дядьки Андрея вертелся Лешка, не поймешь даже, специально сюда подосланный или подошедший случайно.

Друзья вынуждены были сманеврировать.

Прямиком через лес, потом через кладбище — добрались до Курдюковской МТС.

В мастерских был перерыв, и один только слесарь Николай Павлович, сидя на ящике, вырезал свистульку из веточки тальника. Забавный народ — взрослые. Сидит человек рядом с токарным станком, рядом с то-

чил, рядом с наковальней, железа — сколько хочешь, а он свистульки делает.

— Здравствуйте, дядя Николай! — поздоровались путешественники.

— Здравствуйте, здравствуйте... — ответил Николай Павлович и пробежал мазутными пальцами по четырем круглым дырочкам, получилось: «Тур-лю-лю...» Спросил: — Хорошо?

— Ничего... — слицемерил Петька.

— Садись, научу делать.

— Да мы, дядь Николай... — попробовал было отвертеться Петька. Но слесарь удивился:

— Или не нравится?!

— Нет, нравится, — сразу согласился Петька.

— Нож есть?

Петька достал ножик.

Никите слесарь нашел сапожный резак.

Друзья с фальшивым воодушевлением на лицах взяли себе по ветке тальника.

— Это ж музыка, — сказал слесарь Николай Павлович. — Где нынче хорошую дудку услышишь?

И стал подробно объяснять приятелям, как правильно надрезать зеленую кожицу, как размять, чтобы не лопнула и чтобы снялась с ветки, на каком расстоянии друг от друга просверлить дырки...

Приятели с полчаса терпеливо мастерили свистульки. Мучались. Но когда сделали и опробовали — убедились, что свистульки получились у них даже неплохие...

Только после этого Петька решился приступить к основному делу, по которому они прибыли в мастерские. Честно признался, что соврали про дротик; надо бы теперь сделать — нет наконечника...

Слесарь выслушал их без сочувствия, но потом смилостивился:

— Ладно, наконечник я вам сделаю... Только не врите в другой раз.

Никита схватился крутить точило.

Придав напильнику форму наконечника и отшлифовав его до блеска, Николай Павлович слегка сточил острые кромки, чтобы нельзя было резать, и чуточку закруглил носик.

Друзья не унывали. Это они уж сами подточат где-нибудь...

По дороге домой Никита вдруг быстро выхватил из кармана свистульку, так что Петька даже испугался.

Голова начальника штаба пухла от идей, и время от времени они выплескивались из общей неразберихи наружу.

Свистульки могли оказаться нужнее наконечника.

— Сигнализация! — сказал Никита. И свистнул: «Фью-и...» — тревога! «Фью-и-ить!» — все в порядке.

Через несколько минут они продумали сигнализацию до того, что говорить им и вовсе не нужно было.

Один свисток на первой дырке: «Тревога!»

Два свистка: «Молчи!»

Три: «Не подавай виду».

Четыре: «Идем!»

Один свисток на второй дырке: «Рыжий что-то замышляет!»

Два свистка: «Мишке надо дать по шее».

И так далее.

Всю дорогу до Белой Глины они разговаривали на дудках и до того отвыкли от человеческого языка, что при входе в деревню на вопрос опять подвернувшегося Мишки: «Куда ходили?..» — Никита сначала два раза свистнул на четвертой дырке: «Наше дело!», а уж потом разъяснил словами:

— На кудыкину.

А Петька просигналил: «Молчи!»

Никита кивнул, свистнул: «В штаб». И добавил: «Мишке надо дать по шее».

«Рыжий что-то замышляет. Потом», — отсигналил Петька.

Мишка от удивления глаза выпучил. Это тебе не дротик: свистят люди, кивают головами будто помешанные... Переговариваются, а подслушивать — бесполезно.

Вынужденное перемирие

Никита, опробуя новый дротик, изо всей силы всадил его в старую, иссеченную топором колоду посреди Петькиного двора.

Вдруг, стукнувшись лбом о покосившуюся калитку, во двор ворвался Колька тетки Татьянин.

— Кино в Рагозинке! — захлебываясь, со слезами

на глазах от быстрого бега, сообщил Колька. — «Чапаев»!

Петька даже побледнел.

— Врешь...

— Честное октябрятское! Чтоб мне провалиться! — заклялся Колька. — Уже собираются все!

Колька, видно, был рад случаю восстановить отношения с беглецами, принеся им заведомо необычную весть.

— Ладно... — овладев собой, заключил Петька.

— Граф Монте-Кристо будут... — невнятно произнес Никита.

Колька умчался.

И едва скрылся он за воротами, как дротик полетел на чердак, а следом за дротиком взлетели по лестнице Никита и Петька. Глянули в чердачное окошко. «Все верно!» У излучины Стерли, там, где остров делил ее на два узеньких рукава и рагозинский берег соединялся с белоглинским шаткими жердочными мостиками, собралось уже человек пятнадцать белоглинцев от самого дошкольного возраста и почти до комсомольского.

Петька вывернул свои карманы. Никита проделал то же самое. В Рагозинку следовало идти лишь в майках и штанах, если не хочешь лишиться ножичка, рогатки или еще чего...

Петька взял в материнном сундуке рубль. Через огород Евсеича пробрались к дому Никиты, и бабка Алена тоже дала Никите рубль.

Когда путешественники спокойно, будто фильм «Чапаев» — самое обыкновенное дело для них, подошли к Стерле, на берегу ее собралась и возбужденно базарила на все голоса толпа белоглинцев человек в двадцать. Надо было подождать остальных. По одному в рагозинский клуб не ходили, — ходили, как правило, всем обществом.

Галдеж немного утих с появлением адмирал-генералиссимуса.

— Я иду, а Володя-киномеханик своего Серко тянет! «Чапай», понял?! — сообщил ему Мишка.

И Петька сознавал, что молчать перед лицом такого события — глупо.

— Чего ж... Я его пять раз смотрел — «Чапая»...

— А я шесть! — быстро соврал Мишка. Будто бы Петька, или Никита, или кто другой, к примеру, могли

пропустить один сеанс: иди, мол, Мишка, смотри, пусть ты больше нас увидишь... Но тот опять вывернулся: — А в День Победы, когда динамо ломалось, Володя прокрутил от середины!

— Так это не шесть, а пять с половиной, — уточнил Никита.

Владька со следами красной глины на шее хмыкнул:

— Я «Чапаева» видел девятнадцать раз!

Все помолчали, невольно подавленные цифрой. Владька—человек приезжий. Если была возможность—почему бы не посмотреть девятнадцать раз? А, с другой стороны, — если он и соврет, его не уличишь.

Самым находчивым неожиданно оказался Колька тетки Татьянин. Колька по своему возрасту не мог видеть «Чапаева» больше трех раз, и потому цифра девятнадцать была для него вдвойне обидной. Колька втиснулся перед Владькой и, глядя снизу вверх, спросил:

— А сколько очередей Анка по белякам дает?

Владька мог бы не отвечать Кольке, но, быстро подсчитав, ответил. И потому, что ответил он правильно, Петька в расстройстве отвернулся. «Тоже мне, мелюзга... с вопросами...»

Колька отошел и, сознавая свое поражение, вздохнул:

— А в последний раз у нас было меньше.

Мог бы не говорить. Это каждый и без него знал, что лента от сеанса к сеансу сокращалась...

Впрочем, настроение от этого не очень испортилось: так и так исчезающие куски ленты были известны каждому наизусть.

Кто-то крикнул:

— Все!

Кто-то спросил:

— А Борька конопатый где?

— Здеся я!.. — пропищал конопатый Борька, придерживая рукой сползающие трусы.

Двинулись. Кто по жердочкам, кто вброд. Петька, Никита, Мишка и Владька — по жердочкам, Колька тетки Татьянин, Борька и прочая мелочь — вброд.

На рагозинском берегу Стерли подождали отстающих и, сбившись тесной кучей, мелюзга в середине, кто позакаленней — на флангах и впереди, без лишней бол-

товни на территории врага пошагали в гору — туда, где маячили в синеве кресты бывшей рагозинской церкви.

О рагозинском клубе и кино

Церковь была большой, а клуб — маленьким. Это только снаружи казалось, что в клубе можно на качелях качаться. Помещение церкви, где расположился клуб, было низеньким, узким, тесным, примерно как амбар, что рядом с сельсоветом. И как амбар большую часть времени клуб использовался под хранилище, особенно весной, накануне сева и осенью: то в нем сушили картошку, то сортировали семена, и потому лавки никогда не стояли в клубе. Для них была отведена специальная боковушка у входа, и зрители, отдав Володе-киномеханику билет, который только что купили у него и который он тут же клал в свою кепку, вытаскивали из боковушки лавку — человек на десять каждая — и устанавливали ее на незанятом пространстве, как им хотелось и где хотелось.

Иногда в клубе при свете двух керосиновых фонарей выступала самодеятельность, и тетка Бульбаниха, бывшая монашка, грустно-грустно пела:

В том лесу меж густыми древами,
Где быстро журчит ручеек...
В том ручейке между тиной зеленой
Женское тело плывет...

Самодеятельность выступала бесплатно. Выступала на пасху, чтобы в деревнях не красили яйца, и на Первое мая, иногда под ноябрьские — если бывало не очень холодно.

Но случалось, раз или два в год, что в Рагозинку заезжали настоящие артисты. Сколько-то лет заезжали трое. А все последние годы — по двое: женщина и мужчина. У настоящих артистов и все было по-настоящему. Лавки в клубе устанавливались заранее. А колхозники шли в клуб степенно, по-городскому. И сначала покупали у женщины за столиком билет, а потом отдавали его мужчине, и он складывал эти билеты не в кепку, как Володя-киномеханик, а в специальную коробку из-под каких-то загадочных конфет.

Потом двери закрывались на крючок. (Володя опоз-

давших пускал бесплатно и потому дверь не закрывал.

Артисты переодевались в боковушке. Мужчина выходил в костюме с галстуком, а женщина в черном платье до полу, вся в блестящих каких-то искрах, с ярко-красными губами и черными бровями. Концерт начинался. Артисты — они не самодеятельность. Они и поют, и на гармошке играют, и на гитаре, и даже на обыкновенной пиле, которой дрова пилят, и танцуют, и фокусы показывают, и тарелками перебрасываются...

В деревнях после одного такого концерта с месяц все мальчишки показывали друг другу фокусы, перебрасывались какими-нибудь деревяшками вместо тарелок или занимались акробатикой, как после приезда последней пары, когда женщина вдруг скинула платье и, почти голая, стала такое выделывать, что дух захватывало, будто она резиновая — без костей.

Но все-таки чаще всего приезжал в деревню на своем Серко Володя-киномеханик. Вешал на дальнем узком простенке экран из двух простыней, приворачивал к лавке динамо, которое желающие крутили весь сеанс, устанавливал аппарат и под завораживающее жужжание динамомашины начинал тут же склеивать разорванную где-то на предыдущем сеансе ленту.

— Сейчас, сейчас, будет порядочек, — говорил он.

И все знали, что действительно порядочек будет. Володя считался своим парнем, и взрослые обращались с ним по-приятельски, иногда просили прокрутить интересный кусок еще раз. Володя прокручивал.

Борьба за первенство

Сеанс обыкновенно начинался с темнотой, и до начала его было еще часов пять. Белоглинцы рассчитали правильно. Враг не успел сосредоточить свои силы. В пустом клубе суетились только два одногодка Борьки конопатого — жалкий авангард рагозинцев. Пропищав испуганными голосами, что два первых ряда уже заняты, хотя в клубе не было еще ни одной лавки, авангард выскочил через окно на улицу.

Быстро втащили две лавки: одну длинную, одну короткую, втиснули их рядышком на расстоянии двух метров от экрана и уселись все двадцать пять человек в один ряд. Ставить лавки ближе к экрану Володя запре-

щал, чтобы на экране не мелькали головы впереди сидящих.

Сам Володя куда-то ушел к этому времени. Лишь вывесил экран да установил зачехленный аппарат, а динамо не прикрутил, чтобы не сломали.

Белоглинцы долго еще шумели, возбужденные, а потом устали и, глядя на экран, стали переговариваться вполголоса по двое, по трое. Для того, кто знает цену кино, экран никогда не бывает пустым. Вот в том месте, где теперь видна желтая полоса, появятся цепи беляжков, а там, где ползет муха, — как раз и будет лежать Анка-пулеметчица. Экран живет каждой своей складкой, каждым пятнышком.

Рагозинцы собрались и пришли только часа за четыре до начала сеанса. Загалдели, выстроившись сзади, потом немного утихомирились, и Васька Малыга начал переговоры:

— Вас предупреждали, что два ряда занято?

Петька и Никита сочли ниже своего достоинства поворачивать головы к противнику: они сами недавно приобщились к героизму, так что в ожидаемых событиях на экране будет чуточку и про них. Во всяком случае, так должно было казаться остальным...

— А лавок-то не было! — ухмыльнулся через плечо Мишка.

— Ну и что ж, что не было? — спросил Малыга.

— А что вы занимали, если не было? — спросил Владька.

— Рыжих не спрашивают, — отрезал Малыга, явно желая обострить обстановку. — Вас предупреждали, что два ряда занято?

— Я вот тебе за рыжих! — И Владька приподнялся с места.

А рагозинцы сразу понадвинулись вплотную на белоглинцев.

— Мы предупреждали! Мы предупреждали! — завизжал появившийся откуда-то авангард.

— Ничего не предупреждали! — выкрикнул Мишка. И ухватил одного из представителей авангарда за челку. — А ну, говори!

— Честное слово! — захныкал авангард.

Никита и Петька не оглядывались. В клубе так и так драки не будет. Года полтора назад не выдержали — сшиблись и всей толпой были изгнаны из клуба. До-

дрались на улице. А потом сидели у окон на траве и слышали только музыку да взрывы. Шел фильм «Два бойца».

Рагозинцы галдели целый час, вспомнили и про «белоглинскую шпану», и про облаву на рыжих и очень туманно заявили, что путешественников у них в Рагозинке сколько угодно, что даже один у них сбежал в Турцию, воевать... Но уж это было такое вранье, что не стоило на него отвечать.

С час рагозинцы галдели стоя, размахивая кулаками у самых белоглинских носов, потом кто-то сообщил, что приближаются курдюковцы. Рагозинцы быстро втащили лавки, заняли ряд с половиной за спиной белоглинцев и стали галдеть сидя.

Курдюковцы понимали, что явились с запозданием, и не галдели. Следующими расселись туринцы. Туринцы вообще не скандалили. Пока они узнавали о предстоящем сеансе, лучшие места всегда бывали уже занятыми.

За час до начала пришел Володя-киномеханик. Собрал у представителей деревень деньги за все общество и стал у входа. Начали прибывать взрослые. Потом, когда стало темнеть, Володя доверил билеты Федьке дядьки косоного Андрея, сам в несколько минут установил динамо, и под жужжание мотора в клубе зажглась над киноаппаратом электрическая лампочка. На электрическую лампочку, как и на экран, тоже можно глядеть без конца. Будто подмигивает она и будто разговаривает с тобой.

Эта лампочка и погубила белоглинцев. Лампочка да еще то, что на лавках для десяти—двенадцати человек они уселись все двадцать пять, и потому сидели, как сжатая пружина.

Неожиданно упереться ногами в зад впереди сидящего и столкнуть его с лавки, а самому в том же рывке усестись на его место — прием этот был не новым, но употреблялся он обыкновенно в самом начале сеанса, когда гасла лампочка, но еще не вспыхивал экран. Потом все уже накрепко хваталось за свои лавки, и хоть ты десятью ногами упрись — никого не сшевелинешь.

То ли у рагозинцев был уговор с туринцем, что крутил динамо, то ли еще что — лампочка вдруг погасла прежде времени, и в тот же миг сработала закономерность напряженной пружины: все белоглинцы очутились

на полу. Свет опять вспыхнул через несколько секунд, но к этому времени в первом ряду уже сидели рагозинцы, во втором — рагозинцы и курдюковцы, в третьем — курдюковцы и туринцы. На первой лавке из белоглинцев остался один Колька тетки Татьянин, который вообще ни на мгновение не переставал держаться за свое место. Однако, увидев, что остался в одиночестве, Колька сам спешно покинул драгоценную лавку.

Петька вскочил с полу и ринулся было на агрессоров, но вовремя сообразил, что затевать сейчас драку, на виду у взрослых, — верное средство быть выставленным из клуба. К тому же все ряды теперь были заняты автоматически сместившимися вперед курдюковцами и туринцами.

— Встречу — убью, — пообещал Петька Малыге.

— Молчи, путешественник! — с оттенком уважения обозвал его Васька Малыга.

Петька на минуту забыл о своей загадочности. И, сразу опомнившись, с достоинством отвернулся, с достоинством отошел и сел на полу перед самым экраном. Никита сел рядом. И все белоглинцы уселись вплотную на полу. Ничего не поделаешь — прием был незапрещенный: сел — держись за свое место, не зевай.

Анка снова одерживает победу

Преимущество сидения на полу выявилось очень скоро. События разворачивались перед самым Петькиным носом, и он мог даже участвовать в них. Когда на экране появлялись красные конники, появлялась и Петькина макушка, чуть покачивающаяся в такт аллюра. А рядом появлялись макушки Никиты, Мишки, Владьки, еще чьи-то. С белогвардейцами макушки не хотели иметь ничего общего и исчезали.

Но страсти накалялись мало-помалу, и сначала на полу и в первых рядах поднялся ропот, а затем он перешел в воинственный рев, и когда на экране появился белогвардейский полковник, что-то наигрывающий на рояле, Петька не выдержал, под единодушный крик белоглинцев: «Бей!» — вскочил и, ушибив кулак, заехал толстому белогвардейцу в ухо.

Взрослые не очень любят кино: им каждый месяц подавай новое, тогда они пикнуть не дадут. А тут лишь одобрительно зашумели, чего, впрочем, Петька рас-

слышать не мог. Его поступок воодушевил впереди сидящих: все разом повскакали с мест, все заревели громче прежнего:

— Бей гада!

И град снегошибательных ударов обрушился на то место, где должен был восседать толстый полковник, поскольку сам он в это время замелькал уже на спинах и затылках белоглинцев. Кто-то разок даже двинул Никиту между лопаток по внезапно появившемуся там лысому черепу полковника.

Страсти сорвали с первого ряда рагозинцев. Но Петька и остальные белоглинцы вовремя обернулись и, разгоряченные боем, с успехом сразились на два фронта.

Малыга отлетел на свое место под тот же возглас: «Бей белогвардейцев!» Но тут в углу экрана мелькнула бородатая физиономия денщика, и белоглинцы разом плюхнулись на пол, разом стихли из уважения к солдату.

Новая волна страстей начала разрастаться уже после того, как денщик сдался в плен.

«Психическую, говоришь? — переспросил Чапаев.— Ну, что ж...»

И все в зале закричали:

— Давай психическую!..

— Давай!..

И залился тоненьким смехом Борька конопатый:

— Давай психическую, белятина!

Беляки «дали» психическую.

И когда еще только появились у горизонта ряды белых офицеров, все кричали:

— Не стреляй, Анка!..

— Ближе подпускай гадов!

Но едва ряды офицеров надвинулись близко, все в напряженной тревоге замерли. «Может, все-таки пора уже стрелять?..» Мало ли что удалось в прошлый раз. Ведь вон они уже совсем рядом и —нога в ногу — не дрогнут!..

— Стреляй, Анка! — почти со слезами попросил кто-то из второго ряда.

И Анка нажала на гашетку.

Крик облегчения вырвался в рядах перед экраном:

— Ур-ра!..

А потом появился Чапай в бурке, и белоглинцы за-

махали руками перед экраном, настигая невидимыми шашками удирающих беляков.

— Молодец, Анка!..

— Бей белогвардейцев!..

— Ур-ра!..

Двадцать четыре Чапая и один Петька-ординарец

Сеанс закончился во втором часу ночи.

Из клуба выходили последними. Туринцам добираться было далеко, и они сразу отправились домой. Курдюковцам тоже далеко. А рагозинцы должны были ждать соперников у входа, но, к удивлению всей Белой Глины, рагозинцев у входа не оказалось. Это встревожило белоглинцев. Опять сомкнувшись в боевой кулак, они двинулись по направлению к своей деревне. Однако спор по поводу того, мог ли еще выплыть Чапаев или не мог, разгорался все яростней, и наконец победила надежда, что умный Чапай лишь нырнул как следует и вынырнул где-нибудь под кустами у противоположного берега... Тревога за гибель комдива улеглась и, стихийно рассыпавшись в цепь и размахивая руками, белоглинцы ринулись по склону горы к Стерле. Все кричали:

— Ур-ра! Я Чапай!

Даже Колька тетки Татьянин кричал: «Я Чапай!» Один только Борька конопатый, сознавая, что ему еще рано претендовать на такое высокое звание, придерживая левой рукой сползающие трусы и воинственно размахивая правой, торопился сообщить всем, что он Петька-ординарец.

— А я Петька! А я Петька! — повторял он в ответ на выкрики «Я Чапай!», спеша забронировать за собой хоть это достойное звание.

Но до окончательного выяснения, кто есть кто, не дошло.

Разом остановились впереди бегущие, и двадцать четыре Чапая с одним ординарцем в подчинении опять сомкнулись.

Из осинника справа от дороги вылетели рагозинцы.

С криками «Бей беляков!» они окружили белоглинцев и, торжествующе размахивая палками, хотели оттеснить их с дороги.

Белоглинцы не отступали.

— Хотите в психическую, офицерье? — спросил Васька Малыга.

— Сами вы офицерье! — сказал Владька. — Ночью нападаете!

— А мы не ночью — мы из засады! — выкрикнул авангард.

— Ночью! Ночью! — дружно отозвались младшие белоглинцы.

Васька Малыга взмахнул палкой.

— Бойтесь чапаевской шашки!

— Такими шашками у нас коров пасут... — заметил начальник штаба.

Белоглинцы захохотали.

Васька замахнулся было, чтобы от болтовни перейти к бою.

Петька нагнулся, схватил из-под ног булыжник и шатнул навстречу.

— У вас шашки, у нас гранаты!

Мишка тоже схватил камень, и все белоглинцы схватили по камню.

— У нас гранаты! У нас гранаты! — повторял Колька тетки Татьянин.

Рагозинцы неволью чуточку отступили. А белоглинцы заняли круговую оборону.

— Если вы камнем — мы вас тоже камнем! — закричали рагозинцы.

— А мы вас из духовки! — ответил Мишка.

— Струсили! Струсили! — закричали со всех сторон.

— Беляки! Офицерье! — выкрикивали из середины круга Колька тетки Татьянин, Борька конопатый и прочая мелюзга.

— Это вы беляки! Надо честный бой! — отвечали им из противоположной армии. — Камни схватили!

— Мы могли бы сразу вас перебить! — заверил Васька Малыга Мишку.

— А кишка не тонка? — уточнил Мишка.

— И скамейки мы сами вам отдали! — снял со своих односельчан последнее пятно позора Никита.

— Дайте мне! Дайте мне! Дайте я скажу! — давно уже, хватая всех за руки, орал Владька. — Давайте переговоры! Дайте я скажу!

Его сначала не хотели слушать, потом, когда обы-

вать друг друга стало уже нечем, все по одному начали стихать и наконец прислушались.

— Кто чапаевцы, а кто беляки — надо выяснить честно! — сказал Владька. Рагозинцы опустили палки. — У себя дома из-за угла и мы можем налететь! Давайте встретимся днем! На равных! Кто победит — те чапаевцы!

— Ха! — сказал Малыга. — Если на равных — от вас перья полетят!

— Куда бежать будете? — поддержали его рагозинцы.

— А может, трусите?! — обрадовался Мишка.

И снова поднялся галдеж. Таким образом переговоры тянулись около часа.

Петька, на время забыв о своей исключительности, оттеснил от переговоров Владьку и тоже подключился к спору:

Неожиданная словоохотливость путешественника так удивила всех, что переговоры сразу пошли быстрее.

Наконец главные условия завтрашней встречи были обговорены. Двадцать человек на двадцать человек должны встретиться на нейтральной территории. Единственно таковой был остров на Стерле. Подробности сражения обговариваются завтра.

Корабли сожжены, переговоры затягиваются

Ни о зеленом флаге, ни о черном с костями, понятно, не могло быть и речи: чапаевцы должны выступать под красным флагом. Владька взялся найти красной материи, и утром белоглинцы убедились, что слово свое Владька сдержал.

В десять часов отряды противников выстроились на берегах Стерли. Рагозинцы были тоже с красным флагом и первыми перешли на остров.

Тогда белоглинцы воткнули свой флаг в землю и оставили его под охраной голопузой команды во главе с Борькой конопатым. Последним из двадцати белоглинцев на остров ступил Никита и со словами «Сжигаем корабли!..» сбросил жердочки мостков на воду. Афоризмами Никиты можно было пруд прудить. Течение подхватило жердочки и унесло. Рагозинцы не поняли его маневра. Лишь когда в молчании, предшествующем новым переговорам, Никита спросил: «Оставляете для

отступления?» — рагозинцы сразу кинулись к своим жердочкам и тоже спустили их по течению.

— Выдвигайте парламентария! — объявил Никита и сам отошел, уступая место рыжему Владьке.

А Никита и Петька сели позади Владьки и, достав свои свистульки, стали переговариваться между собой. Эту мысль, как бы невзначай, подал им Мишка. Перед лицом общего противника белоглинцы явно гордились тем, что в их рядах есть загадочные путешественники. И рагозинцы — как ни скрывали это — завидовали противнику. Их уважение к Никите и Петьке возросло еще больше, когда путешественники, не глядя ни на кого, стали коротко пересвистываться между собой и кивать головами в ответ, хмуриться, оглядываться на берег, как бы при помощи свистков обсуждая сразу все: и предстоящий бой, и возможности тайных резервов...

А Петька свистел: «Мишке надо дать по шее», Никита кивал головой, отвечал: «В штаб!» Петька хмурился и раздражался в ответ целой речью: «Тревога. Молчи. Разберемся потом. Время обедать».

Рагозинцы выдвинули в парламентареры вездесущего Ваську Малыгу.

Владька потребовал — всем вывернуть карманы, чтобы доказать, что бой будет честным, никакого оружия никто с собой не принес.

В кармане у Кольки тетки Татьяна оказалась дрявяшка, и рагозинцы взорвались торжествующей, бурной — минут на десять — руганью. Лишь после того, как выяснилось, что это всего-навсего светящаяся гнилушка, лишь после того, как ее раскрошили в прах, опять все успокоились.

Колька сидел виноватый. Ему достался самый левый фланг отряда. И если бы не сожженные корабли, его заменили бы кем-нибудь из резерва конопатых.

Парламентарам надо было сойтись раньше, чтобы враждующие стороны не слышали их, а теперь в каждом новом пункте обсуждений обязательно принимали участие все сорок человек, и солнце уже поднялось в зенит, а программа боя еще не была разработана до конца.

Сошлись на том, что для начала схватятся по одному представителю от каждой стороны, как во время Мамаева побоища. После этого побежденный выбывает из дальнейших событий и отправляется на свой берег.

Тогда сходятся все: девятнадцать на двадцать. Кулаки не применять. Только борьба. Подножки запрещаются. Прижатый на обе лопатки к земле считается побежденным и тоже выбывает из дальнейшего сражения.

Но тут опять заскандалили все. Можно ли «выворачиваться»? Или как упал — так уже и побежденный? А ведь есть даже такой прием, что сначала надо упасть, а потом кинуть противника через себя!

За право «вывернуться» и «кинуть» особенно рьяно выступала вся мелюзга, рассчитывавшая больше на то, чтобы вывернуться из-под противника, чем кинуть его...

Пришли к соглашению, что все замирают по сигналу, и тот, кто оказывается в это время на лопатках, — выбывает.

Оставалось неясным, кто же будет подавать сигнал и определять, на лопатках ты или не на лопатках.

Владька предложил свои услуги, но их отвергли, чуть не избив Владьку тут же — вопреки предыдущим условиям.

Решено было, что судить должен нейтральный человек — как можно из наиболее дальних краев.

Направили в Туринку делегацию из Борьки конопатого и его одногодка рагозинца Васьки. Петька разрешил им взять свою долбленку.

Послы возвратились только через полтора часа. У рагозинского Васьки засохла кровь под носом. У Борьки конопатого была окончательно разорвана резинка на трусах. Следом за ними появились на горизонте судьи в количестве двадцати с лишним человек.

В ожидании боя противники демонстрировали свою силу и ловкость: кувыркались через голову, ходили на руках, боксировали в воздух и уже устали. Надо было начинать. Но судьи, увидев флаги, заявили, что они тоже должны быть с флагом и что поэтому они отправят несколько человек в Туринку, за знаменами.

С трудом доказали им, что судьи должны иметь нейтральный флаг, и туринцы, успокоившись наконец, привязали на палку белую майку.

Стерляево побоище

Главным судьей был избран Серега туринский — кандидатура не из самых лучших, но из самых нейтральных и самых крепких туринцев.

Петька дал ему «с возвратом» свисток, и Серега длинным сигналом на четырех дырках возвестил о начале побоища.

В рядах противников наметилось кратковременное замешательство.

До сигнала как будто ни у кого не было сомнений, что для начала должны сойтись самые сильные, и глаза противников разом обратились на правые фланги, где у белоглинцев к этому времени стояли Петька, Мишка, Никита, Владька, а у рагозинцев — Васька Малыга, Славка белобрысый и прочие. Петька с Малыгой уже сделали движение навстречу друг другу, как по рядам шелестнул ропот, и взгляды противников начали перемещаться от крайних правых флангов все дальше и дальше, пока не остановились на крайних левых.

Перемена в мыслях противников была неожиданной, но закономерной. Никто не сомневался в силе своих сильнейших, но сбрасывать со счета слепой случай нельзя было. И один шанс из ста — лишиться перед генеральным сражением лидера — поколебал противников.

Колька тетки Татьянин покраснел весь от ошеломляющего и неожиданно единодушного доверия.

— Давай! — скомандовал Никита.

А по берегам Стерли уже волновались, кричали болельщики. В основном девчонки. Оставленные дома нянчить мелюзгу — пришли с мелюзгой, обязанные пасти коз — пришли с козами... И крики болельщиц перемежались гусиным гоготом, вяканьем младенцев, собачьим визгом, блеянием коз, мычанием...

С рагозинской стороны вышел Колькин одногодок — левофланговый Венька Рагозин, и когда зачинатели побоища остановились друг против друга, Петька уголком глаза заметил на берегу Светку. И только теперь пожалел, что не вышел сразу вперед и не сразился с Малыгой...

Серега опять просигналил:

— Начали!

Колька и Венька боролись минут сорок. Но ответ-

ственность, возложенная на них, удесятряла силы обоих, и ни один не мог прижать другого к траве. Они то катались; быстро-быстро сменяя друг друга наверху, то кружились волчком на одном месте... А судья бегал вокруг них и не мог засечь мгновения, когда без протеста с обеих сторон было бы можно определить победителя.

Иногда казалось, что вот-вот уже одолеет Колька. Белоглинцы начинали кричать «ура!», надвигались ближе к борющимся, слышались поощрительные крики с берега... Но Венька выворачивался, и все начиналось сначала.

Вдруг оказывался в критическом положении Колька. Судьи с белым флагом выбегали на нейтральную полосу, чтобы оттеснить белоглинцев и рагозинцев на исходные рубежи, подальше от двух соперников...

Сергея не выдержал и засигналил:

— Ничья! Стоп!

Решение это было встречено единодушным одобрением. Обиделись только Венька и Колька. Но, держась за плечи друг друга, они отошли к левому флангу и стали ждать нового сигнала, чтобы довершить поединок в общей схватке.

Сергея взмахнул рукой, свистнул:

— Начали!

И грянул бой...

Петька без труда столкнулся с Малыгой. Честь обязывала их сойтись: не бороться же Ваське с Колькой тетки Татьяниным...

Заулюлюкали берега, замелькали голые спины, дырявые майки, стриженные затылки, черные пятки.

Васька Малыга поскользнулся, и Петька брякнулся на него, успев сообщить: «Это тебе за штаны!» Но лежать, прижав противника, и ничего не делать, в ожидании, когда тебе наступят на голову, было бы глупо, и Петька вскочил. Оттолкнул какую-то мешающую ему пару и снова схватился с Васькой. На этот раз им пришлось долго кататься по земле, и кто-то ударил Петьку в губы. Но, от случая к случаю притискивая Малыгу к земле, он торопливо сообщал: «Это тебе за скамейку в клубе! Это тебе за белогвардейцев!..» Малыга тоже что-то сообщал ему, когда оказывался сверху.

Но по сигналу «Замри!» судьи не нашли ни одного прижатого на обе лопатки противника.

Сергеа дал свисток продолжать борьбу. И опять замельтешили тела.

Но хитрый Серега сразу дал «Замри». И не успевший принять безопасное положение Мишка поддел бело-брысого Славку головой в живот. Славка, падая, заехал рукой по затылку Семки Нефедова. Малыга крикнул: «Ах, так!» — и сделал Петьке подножку. Петька мгновенно ответил ему тем же, и они упали на каких-то дошколах слева от Петьки. Дошколята пискнули, отскакивая в сторону, и вся куча, переместившись влево, смешалась в схватке без правил. Судьи, может быть, остановили бы неразбериху. Но Никита на секунду потерял своего противника и, не разобравшись как следует, швырнул на землю неосмотрительно оказавшегося рядом Серегу-судью. Серега, вскакивая, сшиб с ног сразу двух туринских малолеток и плюхнулся вместе с ними в воду. Тогда возмущенные судьи ринулись в общую схватку.

Петька не заметил, когда вступили в битву туринцы, не понял, на чьей они стороне, и стал подряд всех распахивать направо-налево, стараясь добраться до Васьки. Так, не приглядевшись, он раз отправил в Стерлю даже Кольку тетки Татьянина. Правда, тут кто-то прыгнул ему сзади на спину, и он окунулся вслед за Колькой. Выскочил на берег. А Колька остался в воде и принялся за ноги сдергивать к себе случайно придвинувшихся к берегу противников.

Наконец Серега вспомнил о своих судейских обязанностях, разыскал флаг, влез на единственную, что была на острове, ветлу и, размахивая белым флагом, стал сигналить:

— Ничья!.. — Сражение шло явно не по правилам.

На судью долго не обращали внимания, но потом, когда начали уставать, — обратили. И некоторое время еще дрались ради усмирения друг друга... Наконец расступились: в ссадинах, изрядно помятые — как противники, так и судьи.

А Серега все свистел. Потом объявил второй раз:

— Ничья.

И минут десять еще спорили по этому поводу.

Но тут Владька с синяком под глазом, таинственно подмигнув Никите этим синяком, вдруг обратился к противнику с новым предложением — разрешить спор в футбольной схватке. Голос у Владьки, когда он на-

чинает что-нибудь предлагать, — хоть уши затыкай.

Тут же начали обговаривать условия встречи. Однако судьи вдруг заявили, что они тоже дрались и что поэтому тоже хотят участвовать в турнире. И поднялся такой шум, что во избежание срыва предстоящих состязаний было решено встретиться завтра и обговорить все детали турнира накануне матчей.

Число претендентов растет

Утром следующего дня белоглинцы собрались на поляне перед сопляковской усадьбой, чтобы обсудить состав своей команды. Владька, который вчера еще подмигивал своим синяком, а сегодня подмигивать уже не мог, объявил себя знатоком футбола и, не встретив возражений, взял на себя обязанности капитана команды. Белоглинцам доводилось раньше гонять иногда лишь пустые консервные банки да конские катышки зимой. У Владьки была кирзовая покрышка без камеры. Но покрышка, набитая тряпками, сохранилась еще почти как новая. Владька попробовал обучать всех, как надо глушить мяч, но так как мяч не подпрыгивал, глушить его было незачем. Взлетал он очень редко, а падал намертво, со шлепком.

— Ладно, — сказал Владька. — Глушить ясно как. Я буду центром нападения, Петька — правым нападающим, Никита — левым.

— А я? — сразу спросил Мишка.

— А ты будешь центральный инсайд.

Это уж Владька придумал для него титул. А на должность вратаря единодушно избрали Лешку. Проныра должен быть везде пронырой, и уж если Лешка надумает схватить чужой мяч — схватит.

Единственное большое ровное поле, не запаханное и не засеянное, имелось возле курдюковского кладбища. Туда и направились толпой. Соперники не заставили долго ждать. Рагозинцы тоже пришли в полном составе. Туринцы тоже: с запасными и дублерами.

Но только начали обсуждать систему проведения матчей — прибежали курдюковцы:

— Мы тоже будем играть.

— Мы выясняем, кто беляки, а кто чапаевцы, — разъяснил им Мишка.

— А может, мы тоже хотим выяснить, — резонно возразили курдюковцы.

— А мы уже дрались вчера! — сказал Мишка.

— А может, мы тоже согласны драться? — сказали курдюковцы.

Решили принять их — иначе не отвяжешься.

Приступили к обсуждению.

Играть следовало, конечно, не по олимпийской системе, а каждый с каждым... После затянувшихся дебатов было принято предложение Владьки: играть в три круга. Владька для авторитета не выпускал из рук мяча, поэтому с его мнением приходилось считаться.

Кинули жребий. Первыми досталось встречаться белоглинцам с курдюковцами, вторыми — рагозинцам с туринцами. Затем пришли к согласию, что деревня сильнейших принадлежит чапаевцам, в следующей живут буденновцы, в деревне, команда которой займет третье место, — котовцы, а в деревне самых слабых футболистов — беляки.

Все стали вырывать у Владьки покрывало, чтобы разрешить проблему, где кто живет, как можно скорее. Но Владька держал мяч крепко и сказал, что до выяснения классовой принадлежности игроков надо как-то назвать команды... Мишка объявил, что белоглинская команда называется «Путешественник». Рагозинцы назвали себя «Непобедимыми», туринцы — «Богатырями», а курдюковцы, мастеровившие из досок самолет, выступили под флагом клуба «Дальше, выше, быстрее!» Однако играть сегодня было уже поздно, так как солнце золотило петухов на курдюковских крышах...

Первый день турнира

Утром следующего дня команды явились к месту баталии по росе.

Курдюковцам достались ворота у могил, путешественникам — у старой, поросшей бурьяном межи. На границе левого аута посадили Кольку тетки Татьянина, на границе правого — Тимку Курдюкова, Колькиного одногодка. Поручили им считать до трех тысяч шестисот, после чего команды меняются воротами и снова играют до трех тысяч шестисот.

Минут двадцать нельзя было протиснуться в центр общей кучи, и болельщикам надоело кричать «давай!».

Чтобы увидеть мяч, приходилось ложиться на живот и близко от земли вглядываться между ног. Потом неожиданно из кучи в центре поля вырвался Владька с совсем закрывавшимся правым глазом и понесся к могилам.

— Давай, капитан! — кричали болельщики-белоглинцы.

— Жми, рыжий! — кричали футболисты-туринцы.

Но Владьку подвел правый глаз. Владька не заметил подлетевшего к нему справа дальше-выше-быстрейца. Они столкнулись, отлетели в разные стороны. И если бы не Никита, атака на этом бы и сорвалась. Никита одним махом перепрыгнул через поверженных соперников, подхватил мяч и — головой вперед — пошел один на один с вратарем.

Сзади все кричали ему «пас!», но Никита благоразумно не послушался всех и, кувыркнувшись через ногу дальше-выше-быстрейского вратаря, рядом с мячом вкатился в ворота.

Болельщики заорали во все горло. Судья Серега показал: 1:0. А курдюковцы схватили мяч, бегом вытащили его на середину поля и с ходу ринулись в атаку...

Сразу человек восемь дальше-выше-быстрейцев прорвали ослабленную защиту путешественников и понеслись к воротам, что у межи. Петька, чтобы предупредить нависшую над воротами опасность, пролетел через все поле и врезался в кольцо нападающих. Четверо из них упали. Петька тоже упал, мяч оказался в стороне. Но Серега-судья засвистел и объявил, что назначается пенальти. Если бы курдюковцы держались на ногах крепче, можно бы еще поспорить. Но в такой ситуации спорить было бесполезно. Судья отмерил одиннадцать шагов. Вратарь Лешка напрягся весь... Потом расслабился, как бы не понимая, почему это впереди мяча нет... И куда же он делся?

...При счете 2:2 мячом овладели Мишка и Владька. Петька спиной приостановил рванувшихся к ним курдюковцев. Но в это время Тимка, сопливый курдюковец, заорал благим матом:

— Три тыщи шестьсот! Три тыщи шестьсот!

Колька тетки Татьянин аж взвился с земли.

— Две тысячи один! Две тысячи один! — заорал Колька. — Пусть две тысячи пятьсот!

— Нет, три тыщи шестьсот!

Линии аутов вдруг понеслись навстречу друг другу, чтобы слиться в центре поля.

Их поймали, оттащили на прежние позиции. Но уже все кричали кто «три тысячи шестьсот», кто «две тысячи пятьсот».

Мишка орал во все горло, что он считал про себя и что прошло еще только «две тысячи четыреста сорок девять».

Дело запахло рукопашной. Вмешался судья и объявил, что он тоже считал про себя и что прошло три тысячи двести пятьдесят секунд. Это среднее решение немножко удовлетворило всех.

При счете 3:3 команды обменялись воротами. Отдыхать не стали.

Второй тайм показал полную несостоятельность Лешки-вратаря: мяч входил в ворота между его ног, входил между рук, входил, отскочив от его головы, входил, не задевая его.

При счете 9:9 игра закончилась.

Разочарованные путешественники и не совсем довольные дальше-выше-быстрейцы попадали на траву за линиями аутов, а поле сразу оккупировали рагозинцы и туринцы.

Этот матч прошел с явным преимуществом рагозинцев и закончился при счете 13:6 в пользу непобедимых.

Капитаны занесли результаты встреч в таблицу.

Хомич

Перед началом следующих матчей на кладбище пришла Валентина Сергеевна.

— Я не буду мешать, мальчики. Я поболею.

Галдеж сразу стих. Заговорили шепотом одни капитаны. Туринцы уже пытались уменьшить свой вчерашний счет на два мяча. Владьку неожиданно осенило. Он взял таблицу, за углы которой держались три других капитана, и вместе с капитанами потащил ее к Валентине Сергеевне, сидевшей на траве в кругу болельщиков.

— Извините, пожалуйста, — сказал Владька. — Посудите нас немножко.

Валентина Сергеевна взяла у него таблицу, повертела ее в руках.

— А кто тебе глаз подбил? — спросила она.

— Да это я упал, — сказал Владька.

— Надо осторожней, — заметила Валентина Сергеевна.

— Это я часто, — приврал Владька для большей убедительности. — Я всегда глазом падаю.

— Но, мальчики, я ничего не понимаю, как это — судить!

Все сразу кинулись объяснять ей, как и что судят.

Но Валентина Сергеевна не выдержала, заткнула уши и, когда все стихли немного, сказала:

— Я буду отмечать здесь, что вы скажете, и следить за временем, а остальное пусть судит кто-нибудь другой.

Желающих обозначать ауты больше не нашлось, так как все они прошлый раз сильно потерпели: нападающие не считались с ними, и спотыкались, и падали через них. Обозначили ауты майками.

Присутствие Валентины Сергеевны, видимо, сильно стесняло курдюковцев, и они проиграли туринцам со счетом 4:7.

На поле вышли белоглинцы и рагозинцы.

Серега-судья дал свисток.

Главные соперники турнира через минуту позабыли о присутствии учительницы и опять всей толпой набросились на мяч.

— Защита! Где защита?! — кричал Владька.

Но защиты не было.

То, что Валентина Сергеевна не погнушалась глядеть на «мальчишескую» игру, словно бы освободило девчонок от пренебрежения к футболу, и они расселись между могил на кладбище. А Валентину Сергеевну прямо облепили со всех сторон. Даже Светка пристроилась у самых ее ног.

Напряжение в центре поля росло. Готовым драться насмерть за каждый мяч белоглинцам казалось, что еще немного — и выдохнувшийся соперник будет сломлен.

Но вдруг мяч вылетел из-под ног у путешественников, и никто не успел понять, в чем дело, как на «трибунах» уже заорали: «Го-ол!»

Лешка только ногой шевельнул в сторону мяча...

А самое обидное было, что и Валентина Сергеевна захлопала в ладоши, засмеялась.

Начали с центра поля. И опять игра переместилась

к воротам путешественников. Какой-то рагозинец оттолкнул Мишку плечом. Мишка ответил ему пинком под зад. Судья засвистел, назначая пенальти...

Валентина Сергеевна позвала к себе Мишку и пострадавшего рагозинца, стала воспитывать. А мяч с одиннадцатиметровой отметки прошел между Лешкиными ногами в ворота.

Назревал полнейший разгром. И белоглинцы вдруг пали духом. Третий влетевший в ворота мяч уже никого не удивил: чего еще было ждать?..

Лешку удалили в аут.

А Валентина Сергеевна не то предложила, не то потребовала:

— Поставьте в ворота Сему Нефедова!

И настолько безразличным вдруг показалось будущее, что Петька буркнул:

— Давай...

Семка сразу выскочил на поле.

Белоглинцы разыграли мяч, но не сделали и попытки драться за него, считая свои ворота пустыми. И в то время, когда непобедимые устремились к воротам, путешественники стояли, ожидая, как побежит от мяча Семка.

А Семка вдруг выскочил из ворот, прыгнув, бросился в самую гущу нападающих, так что три рагозинца кувыркнулись через него.

— Хо-мич! Хо-мич! — заорали болельщики.

Семка вскочил, оттолкнул подбежавшего к нему Малыгу и бросил мяч дальше центра поля — прямо в ноги Никите. С криком «ура» белоглинцы устремились в атаку.

Мяч, приняв его от Никиты, забил центральный инсайд Мишка.

Болельщики завопили, захлопали. Валентина Сергеевна тоже обрадовалась, и Петька простил ей недавнюю измену.

— Бейте, мальчики! — вдруг крикнула Светка.

Дальше началось невообразимое. Болельщики повскакивали на ноги и кричали, кричали без конца. Семка прыгал на мяч, как лев, — казалось, что Семка хватает его не только руками, но и зубами и всей грудью.

Непобедимые дрогнули. А к путешественникам неожиданно пришло спокойствие...

Рагозинцы снова и снова начинали с центра поля.

— Давай, Сема! — кричали болельщики. — Давай, Хомич!

Футболисты подбегали к Семке, трясли ему руки, обнимали, и всегда приоткрытые Семкины губы были на этот раз плотно сжаты, глаза блестели. Семка тоже выбегал из ворот, чтобы потрясти руки тем, кто забивал гол.

Диверсия

Во втором тайме счет взлетел до 15:3. Белоглинцы уже не кричали друг другу: «Пасуй, рыжий! Пасуй, тебе говорят!», а спокойно советовали: «Отдай Никите, Владик... Ничего, веди сам...» Счет бы, наверное, вырос еще больше, но тут противник пошел на откровенную диверсию.

Мяч вылетел от ноги рагозинца за линию аута в кучу рагозинских запасных и дублеров.

Владька подбежал выкинуть мяч в поле. Мяч подали ему. Владька бросил на Петьку. Тот ударил по мячу, и вдруг от его ноги полетели по траве не один, а несколько мячей. В первый миг никто ничего не мог сообразить. Владька от изумления даже рот раскрыл. Потом схватил покрышку, и от обиды и гнева единственный глаз его заволочло слезами. Покрышка была разрезана ножом или бритвой сверху донизу, и от Петькиной ноги летели не мячи, а тряпки.

— Вот вы как! — сказал Владька и кинулся на рагозинских дублеров.

Все всё поняли, и Никита кинулся вслед за Владькой. И все футболисты кинулись туда же, чтобы драться между собой, словно нельзя драться прямо на поле. И болельщики тоже сбежались, будто не могли передрасться на местах.

Валентина Сергеевна вскочила на ноги.

— Мальчики! Мальчики, вы слышите!

Владька бил покрышкой, остальные кулаками.

Наконец Валентина Сергеевна прорвалась в центр побоища, и все замерли как по команде.

— Что это такое? — спросила Валентина Сергеевна, сделав строгое лицо.

— Это мы играем, — сказал Владька.

— Что это такое? — повторила Валентина Сергеевна,

обращаясь к отличнику Никите. — От тебя не ожидала, Никита. Что это такое?

— Это ничего, Валентина Сергеевна, — зализывая ссадину на губе, ответил отличник Никита. И глупо добавил: — Это мы всегда так.

Валентина Сергеевна пришла в ужас.

— Всегда! Да разве можно, мальчики! Как вам не стыдно! Вместо того чтобы дружить, коллективно заниматься чем-нибудь... Ну вот — играли же, и было хо-рошо!

Напоминание об игре, которую все уже забыли, опять навело Владьку на мысль о загубленной крышке, и глаз его снова завлажнел.

— Это было очень некрасиво! — сказала Валентина Сергеевна, перенимая у него крышку и осматривая порез. — Это все равно что удар из-за угла или предательство!

Рагозинцы почувствовали себя неудобно.

— Будем считать, что тот, кто решился на такое, сам не сознавал, что делает, — продолжала Валентина Сергеевна, — Но на будущее учтите: это очень и очень некрасиво! Я не хочу употреблять более обидных слов.

— А как же мы будем играть? — спросил Колька тетки Татьянин.

И все погрузнели.

Валентина Сергеевна сдвинула брови, потом расправила их. А когда она вот так расправит брови, чуть вскинув их, глаза у нее бывают до того радостными, что кажется: вдруг счастье к человеку привалило...

— Вот что, мальчики! — сказала Валентина Сергеевна. — Турнир мы пока приостановим. Завтра колхозное собрание. Я уже наметила кое-что попросить у председателя. Попросим еще и мячи, хорошие, с камерами. И будем соревноваться снова! Ну, а теперь... Чем вы думаете заняться теперь?

Петька поглядел на небо.

— Надо домой...

— Обедать пойдете? — спросила Валентина Сергеевна.

— Обедать! — загалдели вокруг.

А через полчаса на сопляковской поляне уже сидели в полном составе — с запасными и дублерами — путешественники, дальше-выше-быстрейцы и богатыри: подводили итог соревнованиям.

Рагозинцы удалились за Стерлю и тоже обсуждали свои проблемы.

После непродолжительных дебатов на сопляковской поляне решено было звание чапаевцев присвоить белоглинцам, как набравшим три очка из четырех возможных, богатыри с двумя очками получили право именоваться буденновцами, дальше-выше-быстрейцы — котовцами.

А для рагозинцев звание белогвардейцев показалось даже снисходительным. Постановили считать их белогвардейскими фашистами.

Буденновцы и котовцы разошлись по деревням, а чапаевцы некоторое время еще разрабатывали план мщения рагозинским фашистам. Но ничего реального придумать не могли.

Колька тетки Татьянин предлагал даже совершить партизанский налет на деревню. Но налететь легко, а как вылететь потом?..

Решили ждать удобного случая.

Собрание

На другой день перед началом общеколхозного собрания на почтительном расстоянии от правления собрались толпой почти все вчерашние футболисты.

Председатель Назар Власович Курдюков, бывший кавалерист, вечно озабоченный, вечно злой на кого-то, вечно спешащий на своем Нептуне из одной деревни в другую, в выцветшей на солнце гимнастерке, в галифе с выцветшими лампасами, проходя к правлению, снял фуражку, почесал затылок, задумчиво поморщил лоб и, свернув с уложенной битым кирпичом дорожки, приблизился к футболистам.

Футболисты на всякий случай отступили.

Отношения между футболистами и Назаром Власовичем были натянутыми. Ругаясь на чем свет стоит, он часто ловил их либо с костром в сушилке, либо на потраве, либо за коллективным набегом на поле кормового турнепса. Этот коровий турнепс футболисты отлично ели сами. Кроме того, Назар Власович считал, что все собрания у него и все заседания правления проходят на самом высоком уровне. Лишь футболисты, просачиваясь в толпу взрослых, лишают эти мероприятия должной серьезности.

— Если хоть один... — движением вытянутого пальца сверху вниз отрубая слово от слова, проговорил Назар Власович, — хоть один заберется в правление... Сниму штаны... И крапивой, крапивой, крапивой... Ясно?

— Ясно, — ответил за всех Никита.

Назар Власович повернулся, чтобы уйти, потом остановился опять, недоверчиво оглянулся, сорвал кустик крапивы из-под ног и для большей убедительности показал его футболистам. Переспросил:

— Ясно?

— Ясно, — с готовностью повторил Никита.

Как только председатель скрылся в правлении, футболисты, пригнувшись, чтобы не видно было из окон, короткими перебежками оцепили правление и уселись на завалинке под распахнутыми окнами.

Собрания проходили так.

Назар Власович объявлял первый вопрос повестки дня, постепенно повышая голос из-за нарастающего в помещении шума, разъяснял, в чем суть вопроса, и, обхватив голову руками, садился за стол. Начинались прения. Кто-нибудь выходил к трибуне, остальные высказывались с мест. Тут можно было всякого послушать. Говорили обыкновенно не по вопросу, а, заглушая друг друга, кто во что горазд: каждый о своем.

Потом, пошумев минут двадцать, все умолкали наконец.

Тогда председатель объявлял:

— Голосуем.

И все поднимали руки. Назар Власович тыкал пальцем в бумагу перед бухгалтером Епифанычем:

— Пиши. Принято единогласно. — И объявлял следующий вопрос повестки дня. Все начиналось сначала.

Решения всегда принимались единогласно. Споры шли о чем-нибудь другом. Аня Рагозина, к примеру, ругала правление, что ей вместо обещанной коровы подсунули нетель. Председатель кричал, что корова еще отелится и что, между прочим, надо ее в стаде пасти, а не на колхозном клевере. Дарья Курдюкова жаловалась, что Филипп отнял у нее вилы на ферме, говорит, что это вилы конюшенные. Филипп клялся, что это именно так и есть, а заодно кричал, что овса дают лошадям — курам на смех. Кто когда выпил, кто когда не вышел на работу, почему не вовремя запахали Волчью лугови-

ну, кого председатель оскорбил словом, кто оскорбил председателя, будут ли новорожденные в деревнях и у кого, — на собрании можно было узнать все.

В этот раз на повестке дня стояло три вопроса: отделение новых выпасов для частного скота, прополка турнепса и подготовка к уборочной.

Собрание длилось четыре часа. И когда все высказались обо всем, когда приняли единогласное решение по последнему вопросу, Назар Власович, махнув рукой, объявил:

— Все.

Загремели лавки. Но требовательный голос Валентины Сергеевны остановил колхозников.

— Как все?! — возмущенно спросила Валентина Сергеевна. — Я же просила вас дать мне слово!

— Ах, да! — вздохнул Назар Власович. — Тут школа имеет что-то сказать... Одно мгновение...

Петька заглянул в окно и увидел, что председатель устало поморщился.

— Товарищи! — сказала Валентина Сергеевна. — У всех у вас есть дети... Я к вам с просьбой...

И Валентина Сергеевна заговорила о том, как неправильно проводят школьники свой досуг, намекнула на самовольное путешествие адмирал-генералиссимуса, на драку у Стерли, о которой кто-то донес ей, на скуку, что одолевает мальчишек. (Футболисты изобразили на лицах скуку). Нужно, чтобы были походы, сказала учительница, чтобы были костры, были игры... В итоге потребовала у правления денег на палатки, на мячи, на волейбольную сетку, на...

Председатель не дал ей договорить. Схватившись обеими руками за грудь, Назар Власович воскликнул:

— Мы новую молотилку не можем купить, коровы голодают в стойлах, а вы нам про сеточки! Плетка им нужна, а не сеточки!..

Что ответила ему Валентина Сергеевна и как среагировал на это зал — ни буденновцы, ни чапаевцы не слышали. Все повскакали на подоконники, двое, не выдержав напора сзади, даже упали в зал, и разом загалдели все:

— Как это плетка!.. Нам мячи нужны!.. Всегда вот так!.. Кричать только!.. Это вам не на нас кричать! Это на Валентину Сергеевну!.. Вас бы самого плеткой!..

В зале грохнул хохот. Учительница растерялась.

Назар Власович метнулся по сцене в поисках крапивы, но крапиву он потерял — он всегда терял что-нибудь. И, взмахнув кулаками, закричал:

— Цыц, вражье племя! Цыц, я говорю! А иде ж то палка моя?! — рванулся к окнам. Футболисты посыпались на землю. — Ладно! — загремел Назар Власович. — Достану я вам палатку! Выменяю! Душу свою отдам, а выменяю у мэтэеса! Но чтобы я их здесь духу не видел! Епифаныч! Дай им денег на сетку! Дай им денег на мячики! Пятнадцать рублей!

— Мало! — воскликнула Валентина Сергеевна.

— Двадцать пять!..

— Мало! — взмолилась учительница.

— А-а! — застонал Назар Власович. — В общем, дашь им сколько хотят! — И тут же добавил: — На два мяча — хватит. Отработают потом на колосках!

— Ур-ра! — заорали под окнами.

— Окна закройте! — словно на последнем дыхании прокричал Назар Власович.

Новый вызов

Адмирал-генералиссимус, вспомнив о распорядке дня, проснулся рано. Побежал, разбудил Никиту.

Сделали физзарядку, нырнули положенное количество раз, одолели пятикилометровку, когда из лесу выскочили индейцы во главе с белокожим, рыжим папуасом.

Индеец Мишка размахивал дротиком, у индейца Владьки было духовое ружье. (Без пуль, как выяснилось позже.)

— Давайте соревноваться, — сказал Мишка, — кто лучше кидает дротик.

Петька достал из-под одежды, лежащей на траве, свистульку и просигналил Никите: «Посмотрим». Стали соревноваться.

Когда Мишка взмахивал дротиком, лопухи на его бедрах разлетались в стороны, и можно было видеть, что индеец все-таки оставил на себе вполне современные трусы. У Владьки лопухов было больше, и совсем он одичал или не совсем — разглядеть было труднее.

Неожиданно пришла к реке Светка.

— Владик, как тебе не стыдно! Я вот скажу маме!

— Я вот тебе дам по носу, — сказал Владька.

Мишка нырнул за кусты и вышел в брюках поверх

лопухов. А Владька размахнулся и всадил дротик в корневище сосны. Следующим кидал Петька, он изо всех сил пустил свое полукопье-полудротик и задел им древко Владькиного оружия, которое при этом треснуло у самого наконечника.

А Светка между тем говорила:

— Вот мальчики в одежде и закаляются лучше тебя, а ты только бегаешь голым!..

Владька разозлился, но вместо того, чтобы закричать на Светку, закричал на Петьку:

— Это ты нарочно сломал! Думаешь, убежал из дому, так и можно все!

Петька свистнул Никите: «Рыжий что-то замышляет». Потом сказал:

— Конечно, нарочно! Бегают тут всякие индейцы.

Владька побелел сквозь красную глину. Хотел как-то ответить. Но сорвал с пояса у себя один лопух и швырнул его Петьке. Петька принял вызов.

— Сегодня! — сказал Владька.

— В любое время, — ответил Петька.

Светка хлопала глазами, ничего не понимая.

Владька не успел назначить время встречи — прибежал с подзорной трубой в руках Колька тетки Татьянин.

— Я... щас... Венька... сказал...

Из косноязычного Колькиного доклада удалось выяснить наконец, что Малыга со Славкой белобрысым думают завтра выловить щуку на старице, возле Туры. Ни адмирал-генералиссимус, ни начальник штаба не поняли, что из того, что рагозинцы собираются выловить щуку, которая, говорят, даже гусей затягивает в воду.

Светка подозрительно спросила:

— А почему вы лопухами кидаетесь?

— А это вызов на дуэль! — брякнул Колька.

Владька щелкнул его по затылку.

— Какой вызов? Наоборот — это перемирие.

Колька покраснел и сказал:

— Да?.. А раньше был вызов...

Владька подмигнул синим опять открывшимся глазом и сказал Петьке:

— Ведь перемирие, правда?

— Конечно, правда! — сказал Петька, уже весь готовый к дуэли.

А Мишка подошел и зашептал:

— Давайте перемирие на неделю! Надо белогвардейцам отомстить!

Петька свистнул: «Провокация!» Сдвинув брови, сказал:

— Ладно...

**Петька считает до ста двадцати пяти,
потом до одного**

Через несколько минут все разъяснилось. Мишка и Владька, в отместку рагозинцам за распоротый мяч, надумали разрезать им бредень, которым рагозинцы похвалялись всю жизнь — будто только и бредней в мире, что рагозинский...

Петька и Никита слушали индейцев сначала не особо внимательно, потом увлеклись. Скрепили временное перемирие не очень дружественными рукопожатиями. Светка не выдержала при этом:

— Вот давно бы так! Все время только деретесь!

— А ты не подглядывай! — снова осек ее Владька. План мести был продуман до тонкости.

Владька умел дышать через полую камышину и обучил этому Мишку. Надо было в то время, как явятся бредить рагозинцы, засесть на старице, спрятавшись в воду, и дышать через камышовую трубочку. С приближением бредня взять нож, задержав дыхание, разрезать бредень, пройти сквозь него, опять высунуть из воды камышинку — а в зарослях старицы это будет незаметно — и дышать себе как ни в чем не бывало!

Тут же пошли на старицу совершенствовать технику дыхания.

Секрет заключался в том, чтобы втягивать воздух через камышину ртом, а выпускать его носом.

На старице было четыре удобных заливчика, куда хорошо было вываживать бредень. В этих заливчиках и решили засесть. Старица сплошь поросла камышами, осокой, водорослями, поэтому ни голого тела, ни трубочки, торчащей из воды, рагозинцы заметить не могли.

Светка со своей компанией в лице кучерявой Кравченко тоже увязалась за мстителями.

Четверо дуэлянтов полезли в воду. Светка углубилась в кусты шиповника рвать цветы, а Колька тетки Татьянин и кучерявая Кравченко остались на берегу в нескольких метрах друг от друга.

Немного освоив технику дыхания через тростинку, решили для тренировки засесть под водой на целых полчаса.

Дышалось через камышину не слишком вольготно, но терпеть можно было. И Петька досчитал до ста двадцати пяти, когда его взяли сомнения относительно честности индейцев.

Он высунулся из зарослей осоки, глотнул воздух и... глазам своим не поверил: Колька тетки Татьянин с кучерявой Кравченко после долгой вражды жали друг другу руки, скрепляя какой-то там союз, и вдруг, зажмурившись что было сил, поцеловались...

Они бы на глазах у Петьки, возможно, поцеловались и еще раз, но тут зашевелилась осока сразу в Никитином и Владькином заливчиках, и, забыв взять в рот камышину, Петька нырнул под воду.

Белогвардейцы отступают

Заговорщики пришли на старицу слишком рано. Утренняя роса на глазах высохла, будто растворилась в воздухе. Стало жарко. Посланный в дозор Колька тетки Татьянин даже заскучал на бугре. Но вдруг скатился вниз, крикнул:

— Идут! — И, как было велено ему, тут же спрятался в кустах шиповника.

Друзья побросали ему майки, брюки и с тростинками, с ножами в руках, с огромными булыжниками под мышками (для тяжести) полезли в воду.

Когда за деревьями послышался говор белогвардейских рыбаков, над старицей разошлись и стояли у берегов последние круги.

Белогвардейцы явились в количестве трех человек: Васька Малыга, Славка белобрысый и Венька с ведром, чтобы таскать рыбу.

Долго совещались на берегу, откуда начать, долго разматывали бредень. Так долго, что булькотение в заливчиках стало уже лихорадочным.

— Может, сом? — высказал свое предположение Венька.

— Торф образуется, — коротко объяснил ему Васька Малыга и, взявшись за водило, первым полез в воду.

Дальше произошло следующее.

Когда они стали вываживать бредень в одном из заливчиков, бредень сильно рвануло в сторону.

— Дава-ай! Щука! — завопил на берегу Венька.

Малыга и Славка, судорожно вцепившись в деревянные водила бредня, со всех ног кинулись к берегу.

Они уже почти выволокли мотню на пологий, в одуванчиках берег, как Венька в куче водорослей, тины, головастиков и лягушек разглядел человеческое тело.

— Ай! Утопленник! — заорал Венька.

А мотня вдруг зашевелилась, послышалось невнятное бульканье.

Венька взвизгнул, грохнулось на землю брошенное ведро, и Венька рванулся по самой прямой из прямых линий в деревню. Но шагов через пятьдесят его обогнали рыбаки. Только Малыга оглянулся еще разок и с ужасом увидел, что бредень сам, мотней вперед, вползает на берег.

Отплевываясь и ругаясь на чем свет стоит, Мишка с трудом выбрался из мотни, из общества лягушек, сбросил с себя целые вороха кишачей головастиками тины и только тогда оценил всю выгоду сложившейся обстановки. Разрезать бредень он не успел. Оказалось, что под водой это гораздо сложнее, чем представляется на берегу, тем более когда тебя не ждут, а вдруг волокут неизвестно куда, наглотавшегося воды и тины.

Лопоухий Колька тетки Татьянин подхватил ведро и запрыгал на одной ножке возле бредня: «Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!..»

А трое Мишкиных приятелей, задыхаясь от кислородного голодания, продолжали бешено клокотать в своих заливчиках.

— Вылазьте! — крикнул Мишка. — Эй, хватит!

Бульканье продолжалось.

Тогда Мишка бросился вытаскивать Петьку.

Но Петька, заметив движущееся на него тело, принял его за белогвардейское. И свистящая над водой тростинка вместе с пузырьками воздуха двинулась в сторону.

Тогда Мишка изловчился и выдернул тростинку.

Петька всей грудью хватил застоявшейся воды, выскочил как ошпаренный на поверхность, замахнулся на Мишку кулаком, потом выплюнул головастиков вместе с водой старицы, ошалело поглядел на берег и, наконец,

вместе с Мишкой побежал ловить Никиту и Владьку. Диверсанты задыхались, но из воды не высывались.

Щука

Сделавшись владельцами рагозинского бредня, друзья, не долго думая, решили тут же пробредить старицу.

Колька с ведром уже очистил мотню от несъедобной дичи, нашел одного карасика, сунул в ведро.

Владька и Петька взялись за водила, а Никита с Мишкой забегали по сторонам, сгоняя к ним рыбу со всей старицы. Но первые два захода опять принесли лишь несколько тщедушных карасиков...

На третьем — мотню ощутило дернуло, и теперь уже Петька с Владькой, как недавно Малыга и Славка, со всех ног поволокли бредень к берегу. Метровая щука избивала в мотне лягушек, головастика, карасей.

Колька бежал сзади и кричал:

— Есть! Есть! Есть! — Словно без него никто не видел этого.

Вытащили бредень метров за десять от берега. Вытряхнули мотню.

Началась борьба в траве.

Петька норовил оглушить щуку булыжником, а щука норовила больно ударить каждого по носу, по уху или по губам. Минут пять борьба шла с явным преимуществом щуки. Вышел из соревнования Колька тетки Татьянин, задрав голову, останавливал кровь, текущую из носа. Пощупывал свой синяк Владька, боясь, что он вновь начнет опухать. Наконец Петьке удалось хватить щуку булыжником точно между глаз. Щука растерялась на секунду, Петька воспользовался моментом и для верности ударил ее еще три раза.

Но тут опять слышались за деревьями возбужденные голоса рагозинцев. Петька толкнул Кольку тетки Татьянина к рыбине.

— Держи!

Колька всей грудью навалился на поврежденного противника и сник в траве.

Петька подхватил вместе с Мишкой бредень, отволок его на прежнее место. Друзья отбежали на некоторое расстояние в сторону от него и легли на бережку,

подставив солнцу три коричневые и одну розовую спины.

К старице вышли четверо: Васька Малыга, Славка белобрысый, Венька Рагозин и Гошка Алапаевский.

В курдюковской школе было только шесть классов, поэтому все, кто хотел учиться дальше, уезжали из деревни к родственникам: либо в район, либо еще куда. Гошка закончил уже седьмой класс и всю зиму жил в Алапаевске, у тетки, за что и прозвали его Алапаевским. Ходил он все лето в ботинках, очень важничал, жаловался на скуку в деревне, и прозвище так пристало к нему, что имя Гошка стали уже забывать; Алапаевский он и есть Алапаевский.

— Так... — сказал Алапаевский и пнул ботинком пустую мотню. — Где же ваш утопленник?

Белогвардейцы растерянно оглянулись по сторонам. Малыга увидел четверку загорающих чапаевцев.

— Эй, — крикнул Малыга. — Вы чего тут делали?

— А ну отдайте чужое, — сказал Алапаевский. — Куда вы дели утопленника?

— А никуда, — вызывающе ответил Петька, готовый в любую секунду сняться с места и дать деру между деревьями. Алапаевскому в ботинках ни за что не угнаться за ним.

— А вот сейчас... — угрожающе сказал Алапаевский.

А Венька затараторил:

— Эти белоглинские всегда на чужих утопленников!..

Дискуссии не суждено было продолжаться. Послышалось истерическое «ай!» в траве, потом взвизг, потом «Ах, так!..» И шум борьбы отвлек внимание сторон друг от друга.

Это щука, отдохнувшая в полудреме, сбросила с себя Кольку тетки Татьянина (он крикнул «ай!»), потом шлепнула его по носу, возобновив тем самым кровотечение, он взвизгнул и хотел бежать, — она шлепнула его вдогонку по уху, Колька сказал: «Ах, так!..» — и, не снеся оскорбления, повернул назад. Над травой замелькали то Колькин затылок, то его пятки, то голова, то хвост щуки.

— Так... — сказал Алапаевский и пошел на шум борьбы.

Белоглинцы тоже чуть приблизились.

Алапаевский снял ремень, сделал из него петлю, выждав момент, когда летучая, как ветер, победа оказалась

на стороне Кольки, накинул петлю на голову щуки, затянул ее под жабрами, вскинул извивающуюся рыбину на плечо, за спину, и двинулся в сторону деревни.

Не успевшие ничего сообразить белогвардейцы испугались остаться один на один с превосходящими силами противника, подхватили бредень, ведро и кинулись следом за Алапаевским.

— Эй! Эй! — закричали чапаевцы. — Это наша щука!

— Как же она ваша, если она у меня? — спросил Алапаевский, останавливаясь на секунду и оглядываясь.

Колька тетки Татьянин не нашел чем ответить на этот резонный вопрос, но потребовал:

— Отдай щуку, Алапаевский!

Тогда рагозинцы вспомнили про утопленника.

— А вы отдайте нашего утопленника! — громче всех заголосил Венька. — Украли утопленника! Украли! Воры!

— Отдайте щуку! — разноголосо кричали белоглинцы.

— Отдайте утопленника! — требовали рагозинцы.

А Алапаевский все уходил. Стало ясно, что щука уплывает.

Бывший утопленник разозлился и стал кричать:

— А вот не отдадим! Нарочно не отдадим! Это Алапаевский вор! Эй, вор!

Алапаевский не оглянулся. А Венька, попевая за ним, грозил:

— Мы своего утопленника возьмем!.. Ага, признались!.. Сами признались!..

Тоска

Колька тетки Татьянин притащил спрятанную в кустах одежду, приятели оделись и некоторое время еще возбужденно обсуждали события. Разрезать бредень они второпях не догадались и от досады, от разочарования погрузились немножко.

Петька сунул руку в карман, случайно вытащил из него увядший лопух, некоторое время повертел его в руках и только тогда вспомнил, что это вызов. Глянул на Владьку. Тот готов был сразиться хоть сейчас.

Договориться о деталях помешала Светка.

— Вот вы где! — затараторила она. — Владик, мама тебе запретила резать чужие бредни! Мама сказала, что это частная собственность! Тебя возьмут под суд!

— Какая частная, — сказал Мишка, — это рагозинский бредень.

— Ну и что ж! — сказала Светка. — Там тоже есть частная собственность! Ведь ты же не возьмешь рагозинскую шапку?

— То шапка, а то бредень... — вздохнул Мишка.

— Ой! — сказала Светка, заметив следы крови под Кольки тетки Татьяниным носом. — Кто это тебя?

— А никто, — сказал Колька. — Щука.

— Какая щука? — испугалась Светка.

— А никакая, — ответил Колька. — Алапаевский унес. — Потом хотел показать руками, какая щука, но встал и показал над головой: — Вот такая была. Мы поймали.

— Сначала я был утопленником, а потом была щука, — похвалился Мишка.

— Ой, врете вы! — сказала Светка. — Никогда вам такую щуку не поймать. Вы подрались, вот и все.

— Была! Честное октябрятское! Чтоб мне лопнуть! — надрывался Колька.

Остальные вздохнули. Случается в жизни: подвалит удача... но и хвостика потом не оставит, чтобы доказать всем, что она была...

Назар Власович

Дорогой вдоль Стерли опять услышали голоса рагозинцев. Из-за рощицы к берегу выехал Назар Власович на Нептуне, а Васька, Славка и Венька, держась за стремяна, бежали рядом.

— Ну где же я вам возьму утопленника?! — с тоской воскликнул Назар Власович. — Ну где?! Где?! То им мячи подавай, то утопленников! Ну, я сам утоплюсь! Вот сейчас нырну, — ткнул обеими руками в речку Назар Власович, — и будет вам утопленник! Хар-роший, хо-зйственный!

— Вот они! Они украли! — загалдели рагозинцы, увидев чапаевцев.

Назар Власович перемахнул через Стерлю. Рагозинцы вслед за ним тоже перебежали на вражеский берег.

— Где утопленник?! — свирепо спросил Назар Власович. — Подайте его сюда живого или мертвого!

— А пусть они нам отдадут щуку! — зашумели чапаевцы.

— Где щука?! — спросил Назар Власович.

— Это не их щука, — соврал Славка, — это щука Алапаевского.

— Где Алапаевский?! — спросил Назар Власович. Малыга поскреб в затылке.

— Ага, Алапаевского! — сказал Колька. — А кому нос она разбила — Алапаевскому, да? А это что — это Алапаевского нос?! — И Колька задрал голову, чтобы все видели его, Кольки тетке Татьянина нос в крови.

— Врут они все! — заверил белобрысый Славка. — Они спрятали утопленника и врут!

— Ой! — сказала Светка. Но ее никто не услышал, так как поднялся сплошной гвалт и нельзя было ничего разобрать. Нептун даже попятился, захрапел.

— Где утопленник?! — рывкнул Назар Власович, покрывая разноголосицу.

— Нету утопленника, — разъяснил Мишка. — Это я утопленник.

Назар Власович страдальчески поморщился, разглядывая Мишку.

— А! А почему он стоит, если утопленник! — закричал находчивый Венька.

Рагозинцы обрадовались:

— Утопленник, ха-ха!

— Стоит, и все! А что ему! Это наш берег! — кричал Колька тетке Татьянин. А Мишка даже покраснел от стыда перед столь несправедливым неверием.

— Вы трусы, вот и все! — быстро делал выводы Петька. — Испугались живого утопленника, а щуку украли!

— Все ясно! — подытожил Назар Власович, поднимая на дыбы застоявшегося Нептуна. — Вам, — ткнул пальцем в красную Мишкину физиономию, — найти и отдать утопленника! Вам, — ткнул пальцем в физиономию Малыги, — поймать и возвратить Алапаевского! Или щуку! То есть щуку!

И, легонько присвистнув на Нептуна, Назар Власович дезертировал с поля брани. Только еще раз оглянулся и яростно помахал кулаком:

— За невыполнение — крапивой!

Растерявшиеся спорщики умолкли.

Первыми спохватились рагозинцы и быстренько ретировались на свой берег, откуда — уже в безопасности — продолжали кричать:

— Украла утопленника! Жулики! Воры!

— Алапаевские подлизы! Вот вам утопленника! — показывая фигу, кричал Мишка. Остальные белоглинцы кричали:

— Шпана! Чужую шуку зажилили! Надо поймать сначала!.. Мы вам весь бредень изрежем! Мы вам испортим частную собственность!

Эта стычка имела ту выгоду, что Светка, если у нее была совесть, должна бы теперь поверить и в Мишку-утопленника, и в шуку...

А вечером путешественники разожгли около Стерли костер и пекли в нем кедровые шишки. Шишки были еще зелеными, не годились в употребление. Но ничего не понимает тот, кто думает, что шишки кладутся в костер лишь для того, чтобы съесть их. Шишки кладутся для запаха. Надо вдохнуть однажды с расстояния хоть в полкилометра этот единственный на земле запах печеных кедровых шишек, чтобы понять, каков он есть — аромат вечерней тайги и привала...

Главный Академик молчал. И Петька, обхватив руками колени, глядел из-под свисшего чуба в огонь. А Никита, лежа на спине, провожал в бездонную темноту неба одинокие, не гаснущие, но растворяющиеся в вышине искры.

Матвейч

Ожидание становилось мучительным. Адмирал-генералиссимус и начальник штаба, поскольку гора не шла к адмиралу, решили сходить к горе, то есть на почту.

Поиски сокровищ затягивались. Из-за этого и Мишка, и Владька, и даже Колька тетки Татьянин стали будто с меньшим любопытством относиться к их прошлому путешествию. Уважение к отряду падало. Но как поторопишь события?..

Почта размещалась в одном доме с сельсоветом. За маленьким ее окошечком должна бы сидеть Наташка — жена Федьки дядьки косоного Андрея. Но и раньше Наташка не особо рассиживала на месте, а после замужества появлялась на почте лишь часа на два-три: когда шел по деревням разносить письма ее заместитель и

единственный подчиненный — старик Матвейч. Все остальное время Матвейч оставался полновластным хозяином доверенного ему государственного учреждения.

Из-за любви Матвейча к разного рода плакатам комната почты имела необычный, яркий и строгий, почти сказочный вид. Плакаты Матвейч без конца наклеивал новые, а так как поступали они в колхоз через почту — здесь некуда было деваться от множества требований, обращенных к тебе со всех сторон.

И хотя Матвейч, например, никогда не отказывал себе в удовольствии «растянуть» сигарку со случайно забредшим к нему посетителем, в двух местах можно было разглядеть грозные предупреждения: «Не курить!», «За курение — штраф!» И еще одно, чуточку прикрытое другим плакатом: «Курить — здоровью вр...» Летом здесь огромный, с засученными рукавами верзила спрашивал: «А ты подготовился к весне?» Зимой тот же верзила предупреждал: «Произвести уборку без потерь и в срок — вот наша задача!» Тут было все: «В сберкассе денег накопил — мотоцикл себе купил», «Берегите лес от пожара!», «Мойте овощи перед едой!», «Посещайте черноморские курорты!», «Болтун — находка для шпиона» и т. д.

На робкий вопрос друзей, не было ли им чего-нибудь, Матвейч добродушно, как безграмотным, показал рукой на плакат в углу и прочитал:

— Почта гарантирует доставку корреспондентских адресатам тошно и в срок... Таки дела, — добавил он.

— А затеряться письмо не может? — спросил адресат Петька.

— Это могёт! — утешил Матвейч. — Это ежели ограблют де, али поезд с рельсов сойдет, али пожар... это могёт!

Петька дернул себя за чуб.

— А как же мы?..

— Это ежели пожар? — переспросил Матвейч. — А тады вот. — И показал на другой плакат: «Почта отвечает за доставку корреспонденции адресату в течение шести месяцев». — Тады как стукнет полгода — я и ответшик.

Больше ничего утешительного друзьям не удалось узнать.

Они ушли и не видели, как проскользнул к Матвей-

чу шпион Мишка и как пытался он разузнать о цели появления друзей.

Но Матвейч лишь пространно объяснил ему закон о существовании «поштовой» тайны, но так как соответствующего плаката у него не было, он познакомил Мишку с двумя близкими по содержанию: «Болтун — находка для шпиона» и «Сберегательная касса гарантирует тайну вкладов».

Мишка вынужден был уйти ни с чем.

Утиные мальчишки и девчонки

После недолгого разочарования путешественники не без основания заключили, что если из Свердловска пришлось ждать письмо около двух недель, то из Москвы оно придет не раньше чем через месяц, и утром следующего дня опять приступили к упорным тренировкам. Отныряли обязательные шестьдесят раз, но пятикилометровку не добежали до конца.

Возле одного из небольших зеркалец поймы наткнулись на Владьку с Мишкой. Разбрызгивая воду, те носились от одного берега к другому, и сначала нельзя было понять, чего они хотят. Потом на секунду вынырнул посреди озерца и тут же скрылся утенок.

— Эй, вы! — сказал Петька. — Вы зачем утят ловите?

Мишка и Владька остановились.

— А вам что? — спросил Владька.

— Нам то, — сказал Петька. — За это судят, что молодых губите.

— А они погибнут, — сказал Владька.

— Утки-то нет. Может, убили, — разъяснил Мишка. У него всегда на все есть оправдание...

Петька не нашел других аргументов в защиту природы, и, так как новый утенок вынырнул у самого берега, побросав луки, путешественники тоже ринулись в воду. Может, и в самом деле кто убил утку. Погибнут беспризорные...

Охота приняла теперь еще более агрессивный характер. Главное было — не наступить на утенка, когда тот под водой, и не очень загонять его, чтобы утенок не задохнулся от усталости. В конце концов договорились поделить озеро...

И удача справедливо распределила между ними ути-

ное семейство. Через полчаса три насмерть перепуганных утенка копошились в шалашике из ивовых прутьев на берегу адмирал-генералиссимуса и три — во Владыкиной рубашке на Владыкином берегу.

Домой пришли врозь.

В углу Петькиного двора стояла старая, покосившаяся клетушка, в которой Петька держал когда-то зайчонка. Пустили туда утят. Набросали им хлеба, поставили чашечку воды и даже молока, но утята ничего не ели. Тогда, схватив кусок мешковины и ведерко, друзья сбегали на Стерлю, за мальками. Вытащили из Петькиного сарая деревянное корыто, врыли его в землю рядом с клеткой, наполнили водой и выпустили туда всю добычу. Утята сначала шарахались от стенки к стенке корыта, не соображая, дана им воля или не дана. Потом один заметил пескаррика, нырнул, и друзья чуть не запрыгали от удовольствия: подопечные их начали осваиваться...

Но долго наблюдать за утятами им не пришлось.

Явилась Светка. Подобной делегации Петька никак не ожидал и растерялся.

— Мальчики, ну разве так можно! — затараторила Светка. — Вы же их разлучили! Они же вместе должны быть!

Никита глянул на Петьку. Но Петька молчал, и Никита хмыкнул:

— Нужно им вместе! Им и так хорошо.

— А если у вас заберут сестренку — это хорошо? — спросила Светка.

— У меня нет сестренки, — сказал Никита.

— Ну, как бы.

— А что «как бы»? Нет — и все.

— Ну, может, у вас одни мальчики, а у нас девочки!

Никита даже глаза выпучил.

— А зачем им девочки?

— А может, наоборот, — у вас все девочки?! — догадалась Светка.

Это озадачило Никиту.

— Пусть тогда несут своих мальчиков, — сказал Петька, спокойствия ради дважды дернув себя за чуб.

— Давайте полдня у нас, полдня у вас! — сказала Светка.

— А как мы их пометим? — спросил Никита.

— А если то у нас, то у вас — зачем метить? Общие!

— А ночевать где? — уточнил дотошный Никита. Светка не подумала над этим.

— Ну, давайте сегодня у нас, завтра у вас... — предложила она, и голос ее почему-то задрожал.

Петька прикинул, что сегодня осталось всего полдня, а завтра утят можно взять спозаранку, и согласился:

— Ладно... Только у нас вот — вода.

— А у нас тоже вода, мальчики! — обрадовалась Светка. — И рыбки! А Владик упрямится! Пусть, говорит, они к нам первые! Глупость, правда? Это ж все равно? Кто первый, кто второй. А утят надо жалеть!

Посадили утят в корзинку, молча пошли за Светкой к сопляковской усадьбе. Молча высадили свою тройку в оцинкованное врытое посреди двора корыто с водой, молча сели рядом с корытом.

Все условия объединения разъяснила Светка.

Надо было наловить еще рыбешки. Никто никого не хотел оставлять во дворе. Пошли к реке вчетвером, оставив утят под наблюдением нейтральной Светки.

Возвратились и опять молча сели возле корыта. Только Светка без конца болтала, как будто уж такое дело сделали — объединили утят. Ничего они не понимают, хоть врозь, хоть вместе их. На всякий случай, правда, — пусть...

Отвечает не Главный

Как ни ждешь эти письма — приходят они всегда внезапно...

— Ай-ей! Петр Саныч!

Никита и Петька обомлели. Да и остальные тоже — все, кто сидел возле деревянного корыта на Петькином дворе, куда, в соответствии с уговором, были рано утром перемещены утята.

Все обомлели надолго, Никита и Петька на секунду.

Матвейч снял кепку, выглядывая из-за забора, утер пробуревшей ее подкладкой лоб, щеки, лысый затылок, поставил на забор сумку, изрек:

— Пошта доставляется адресату завсегда тошно и в срок.

Петька, неожиданно бледный, медленно, как будто

ничего не случилось, подошел к забору. Никита — рядом.

Матвейч достал конверт, достал неизменную тетрадку. Матвейч любил порядок и за каждую весточку заставлял расписываться. Без подписи о получении выдавались только похоронки в войну.

Петька тщательно вывел свою фамилию.

— Счастливых приветов! — откланялся Матвейч.

— До свидания! — сказал Никита.

Петька сунул письмо за пазуху. И, холодное вначале, оно стало жечь грудь.

Возвратились и сели возле корыта.

— Чевоёй-то вам, а?.. — глотнув воздух, спросил Мишка.

— Это вы опять в путешествие, мальчики, да? — спросила Светка.

Петька сделал движение, чтобы встать и скрыться в доме. Удержался.

— Это мы насчет природы: ботаники, алгебры... — туманно разъяснил Никита.

И весь день прошел для Петьки в каком-то необъяснимо розовом тумане. Письмо жгло его, а все сидели вокруг корыта, будто связанные одной невидимой нитью. Светка умолкла после двух-трех безответных вопросов и глядела выжидающе: не может же быть, чтобы молчание и неизвестность тянулись бесконечно... Но они тянулись и тянулись.

Спасение пришло в лице Владькиной матери.

— Боже мой! — воскликнула она от калитки. — Эти утята сведут всех с ума! Вы умрете с голоду!

А утята были вовсе ни при чем.

Владькина душа оставалась возле корыта, когда мать уводила его тело. Мишка поюлил, поюлил, оставшись один после ухода Владьки, но под выразительными взглядами путешественников понял, что надо исчезнуть на время. Что-то проямлил, потоптался на месте и по какой-то замысловатой кривой вышел за ворота...

Они вскрыли письмо в сараюшке, при свете фонаря.

А Мишка через пять минут возвратился назад и, грустный-грустный, лишь изредка через плечо поглядывая на сараюшку, уселся рядом с Колькой тетки Татьяниним, который на этот раз для всех был не в счет...

«Дорогие друзья!

Исполняю вашу просьбу. Но мне кажется, найденный

вами текст не имеет смысла. Вот дословный его перевод...»

Первые три фразы означали:

«Вышел лес голубой дерево радость Адам.

Убить назад скоро лошадь пришелец.

Тронул жизнь палестинец меч верблюда неверный».

Друзей интересовала единственно четвертая фраза. И она значила: «Черная пещера третий коридор направо второй налево за родник».

Письмо заканчивалось пожеланием:

«Буду рад, если чем-нибудь все-таки помог вам. Желаю успехов, здоровья, бодрости!

Крепко жму руки.

Старший научный сотрудник В. Семенов».

Значит, до Главного Академика письмо не дошло. Но друзья претензий к Старшему научному сотруднику В. Семенову не имели.

Гипотеза третья

Около тридцати лет назад все могло быть примерно так.

Француз Мусе бежал после революции из Москвы на Урал, в надежде, что Колчак навсегда останется «правителем Сибири». Но, увидев, что надежды его не оправдываются, спрятал свои сокровища в Черной пещере.

О существовании каких-то пещер километрах в сорока за тайгой, там, где справа от Рагозинки в ясную погоду виднелась каменистая вершина горы Лысухи, друзья слышали. Но подступы к Лысухе прикрывала таежная глухомань, и о пещерах рассказывали всяческие небылицы. Будто живет в них черный змей, который появляется над землей лишь накануне войны. И бабка Алена, и многие старики клянутся, что видели его в сорок первом. Про змея — это, конечно, сказки. Но пещеры существовали, и если учесть, что Засули в три раза ближе к Лысухе, чем Белая Глина, легко можно допустить, что засулинский Мусе решил захоронить свои сокровища именно в тех «змеиных» пещерах.

Как-то пронюхавший об этом полковник силой забрал у Муси библию. Но вынужденный, в свою очередь, бежать, поостерегся брать библию с собой, тем более, что точки на ее страницах могли вызвать подозрение, попадись она в руки красноармейцев.

Дальнейшее было приблизительно так, как путешественники уже предполагали раньше.

Оставалось неясным, зачем понадобилось полковнику хранить всю книгу; не проще ли было запомнить одну фразу и перерисовать схему?

Но, с одной стороны, им могла руководить все та же осторожность, а с другой стороны...

— Может, он французского языка не знал? — сказал Никита.

— Дворяне — они все знали... — уверил его Петька.

Начальник штаба поклялся, что не все. (Петр Первый заставлял их учить, а они увиливали.)

— Ладно, Голова... — одобительно сказал Петька, шлепнув Никиту по стриженому затылку.

Знал полковник французский или не знал — это имело лишь теоретическое значение.

Закрыв утят в клетушке, друзья не выходили из сарайки дотемна.

Мучили более важные вопросы, нежели образование убийцы-полковника. Надо было выяснить в точности, где они есть, эти пещеры, и какая из них может называться Черной. Затем — какую связь имели между собой схема на сто шестидесятой странице и указание о коридорах; разъясняло оно схему или схема служила его продолжением?

Сошлись на последнем, так как третьего коридора направо в схеме не было.

Мстители

Утром, заметив мимоходом, что корсары за утятами еще не пришли, заговорщики огородами пробрались к лесу и тайгой ушли вверх по Туре.

Им надо было уточнить координаты предполагаемых пещер за Лысухой. Но распространяться по этому поводу в Белой Глине нельзя было. Решили попытать счастье в Туринке. Оттуда молва долетает не скоро. Лодку не взяли, чтобы не навести на свой след Владыкиных шпионов.

Близ деревни разделись, привязали одежду узлами на головы и переплыли через Туру.

Туринка лежала за широким пойменным лугом, где рос дикий чеснок. Петька захватил из дома сумку, и

для виду они нарвали немного чеснока, немного щавеля. Шаг за шагом пересекли луг. Шаг за шагом стороной обошли Туринку, не решаясь входить в деревню. Заметили вдалеке стадо коров и одинокого пастуха на пригорке.

В треухе, дубленом полушубке, в сапогах, небритый, угрюмого вида мужик сидел на пеньке и мрачно из-под косматых бровей поглядывал в низину, на коров.

Заговорщики приблизились.

— Здравствуйте...

— Здоровы будем, коль не помрем, — равнодушно отозвался мужик.

Петька помолчал и сел на траву, метрах в двух от пастуха. Длинный ременный кнут извивался тугим черным жгутом из-под кирзовых сапог.

— Колхозные коровы?.. — нерешительно спросил Петька.

Мужик оглянулся.

— Ай наниматься пришли? Дык я в подпасках не нуждаюсь. Я и сам найду, куда гроши девать.

— Не, — заверил Никита, — мы не наниматься. Мы — так... Щавель собираем...

— А-а... — примирительно сказал мужик. — Коровы это владельческие. Колхозных пушай дурак пасет. Мне ты натурой подавай: половину — грош в грош — по весне, половину — по заморозкам. А трудодень — за каким-растаким он мне? — вдруг спросил разговарившийся мужик, как бы сам удивляясь, зачем ему трудодень. — Ты мне чистой монетой гони. Молока и без того нацедишь... А в колхозе пушай дурак работает.

Чья-то буренка отбилась от стада. Мужик вскочил, оглушительно щелкнул кнутом.

— Ган-ну!.. — Щелкнул еще раз. Коровы подняли головы, посмотрели на него. Отбившаяся буренка вернулась. А мужик снова сел, достал кисет. — Который соображения не имеет — пушай работает в колхозе. А у которого соображение есть — гроши получит. Оно только, как слепни пойдут, одному несподручно. Но то ничего. Корова — дура. Раз, два взгрею — далече не сбежит..

Петьке расхотелось говорить с ним. И долго молчали.

Никита поглядел на каменистую, будто срезанную вершину Лысухи вдалеке.

— Дядь, а что, правду говорят: вроде пещера есть там, возле Лысухи?.. — спросил Никита.

— Что говорят — то правду! Да только я в ней не бывал! На кой она мне, та пещера! Мне в избе теплей! — Мужик захохотал, довольный собственной шуткой. Показал желтые зубы.

— А Черная пещера там есть?

— Да они все черные! — усмехнулся мужик, смачивая слюной кромку сигарки. — А если это про змея вы, так это жил тут один, когда церкви закрывали, комсомолия в общем. Доказывал, что змея нет. Ходил, мужиков с собой брал. Змеинная-то вроде та самая, что едва доберешься. Чуток башку не расшиб. Их там три — все облазил. Это ж Лысуха, а подальше чуть, справа вроде, там она самая и есть — Змеина гора, али Черная — то все одно. Дурной народ! Есть ли он — змей, нет ли, — какое мне дело! Ты свое знай, а змею пусть свое! Есть ли он, нет ли! — повторил мужик. И вдруг разозлился: — А то ж одному — змей! Другому — уборка! Третья, вишь, сопляков кучу нарожала! У четвертой — мужика прибили! Воюй, чтоб не прибили! Не лезь поперед батьки в пекло! А осень пришла — хнычут! Грошей нету! Того нету! Ты мне подавай, мне твоим нетом не просытиться!

Петька с Никитой переглянулись и, пока мужик возмущался, отбежали чуть в сторону, с бугра.

— Эй ты, кулак! — крикнул Петька. — Жадюга!

— Мироед! — добавил Никита. — Жулик! Вдов обираешь!

Мужик с минуту оторопело глядел на них, выронив нераскуренную сигарку, потом схватил кнут и ринулся на них с бугра. Петька с Никитой что было сил рванули метров на сто дальше. Остановились, когда мужик остановился.

— Что?! — крикнул Петька. — Фронтвичек грабишь?

И они стали поносить его. И поносили на чем свет стоит.

Мужик попробовал напугать их щелканьем кнута, кидал случайно попадавшими под руку камнями... Путешественники ловко уворачивались от камней и продолжали свое:

— Душегуб! Выжимало! Кулак! На шее женщин катаешься?!

У мужика от ярости даже слезы текли по щекам. Коровы на свободе давно разбрелись по полю, некоторые из них виднелись аж у леса.

Друзья и сами устали наконец.

— Ладно, — пообещал Петька. — Узнаём еще! Если не сбавишь плату с фронтовичек — замучаем!

И, оглядываясь на всякий случай, друзья скорым шагом направились к Туре.

А мужик как сел там, где они его оставили, так и сидел все время, пока они не скрылись в зарослях ивняка, что со всех сторон окружал пойменный луг.

Главное из того, что им требовалось, друзья выяснили.

План складывается

Утят корсары унесли к себе. Но сегодня путешественников это не огорчало. Их ждали иные заботы...

Петькина мать была в поле.

Стараясь делать все как можно незаметнее, приготовили и сложили в сараюшке Петькины телогрейку, ботинки, кепку. Петька залез в буфет и взял из стоявших там в два ряда шести испеченных матерью хлебов целую буханку. Слазил в погреб, набрал картошки, отсыпал из мешочка соли, взял из кадки несколько соленых огурцов, пяток сырых яиц из корзинки, десяток маринованных рыжиков... Все это аккуратно уложили в котомку и спрятали в сараюшке, за дровами.

Затем пошли к Никите и долго играли в «чижика» перед домом, пока бабка Алена собиралась навеситить какую-то кумушку в дальнем конце деревни. Подходил Мишка и некоторое время подозрительно наблюдал за их игрой.

— Что же вы утят не идете смотреть?

— А что их смотреть, — отозвался Петька. — Завтра наша очередь — и насмотримся.

Мишка потолкался-потолкался, ничего не сказал, ушел.

Проделали в доме Никиты ту же операцию, что и в Петькиной избе.

Притащили из тайника фонарь, компас, веревку, штык, шпагат, заново оборудовали дротик. Заправили

фонарь керосином и еще бутылку керосина налили про запас.

Словом, приготовились к новым испытаниям как следует. Опыт они теперь имели, и ни одна спичка не должна была намокнуть, ни одна картофелина пропасть даром. Удочки решили не брать, поскольку идти предстояло тайгой — набрали побольше картошки.

Когда снаряжение было приготовлено, вспомнили еще о двух препятствиях. Бабка Алена, не доверяя внуку, последнее время то и дело заставляла его спать в доме. А сама спала до того чутко, что не только встать и выйти, но даже кашлянуть нельзя было тайком от нее.

Второе препятствие заключалось в слове, которое они дали Валентине Сергеевне, что ничего не предпримут без ее ведома.

Трудности эти недолго озадачивали путешественников. Через десять минут они уже толкались в конюшне, около дядьки Филиппа.

— Дядя Филипп, возьмите нас в ночное! А, дядя Филипп?..

Дядька Филипп, очищая вилами лошадиные стойла, то надвигался на приятелей, то отступал от них, похивая толстой самокруткой из-под опущенного до кончика носа козырька, молчал. Потом глянул одним глазом.

— А... окучивальщики?.. Нет. Раз обманули, другой раз не поверю...

— Мы больше не... — начал было заверять Никита и осекся. Они хотели как раз «да», а не «не», — они хотели сбежать ночью.

Грустные вышли из конюшни на улицу.

И тут Никита хлопнул себя по великому лбу, вышибая наружу очередную идею.

— Зачем бежать ночью? — спросил Никита.

— Как зачем?.. — переспросил Петька. Но в следующую минуту от восторга чуть не свалил Никиту ударом кулака в плечо. Самые простые мысли всегда приходят после самых сложных.

Путешественники спокойно могли выйти из дому утром и к тому времени, когда их хватятся, быть уже либо у подножия Лысухи, либо на Змеиной горе.

С вечера заготовили три письма. Теперь они были уже не новичками в многомиллионной армии адресатов

и корреспондентов. Письма получились короткими; легкими, успокоительными.

Бабка Алена действительно будто чувствовала что, заставляя Никиту спать дома.

Но Петька ночевал в сараюшке. И часа ночи ему хватило, чтобы, нагрузив на себя два мешка, две телогрейки, фонарь и прочую амуницию, вдоль Стерли оттащить все к самому водопаду.

От шорохов тайги сердце билось немножко чаще, чем всегда. Но все же Петька тщательно подвязал мешки на сосне, высоко от земли, тщательно припрятал остальной инвентарь. Бегом возвратился домой и до семи утра спал в сараюшке мертвецки, без единого сновидения.

Разбудил его грохот сипнальной банки над ухом.

Никита притащил ему огромный кусок пирога с картошкой, — подкрепиться. Петька съел его, не одеваясь, до крошки. Но потом они зашли еще к Петьке и уничтожили все, что предложила им Петькина мать.

Лишь когда обоим стало невмоготу от пресыщения, Петька сказал:

— Пойду, ма, пескарей наловлю утятам... — И взял мешковину.

— Чего ж, налови... — отозвалась Петькина мать, чутсчку удивленная обходительностью сына. Ловить пескарей — предупреждает. Но только через сутки она вспомнит, что это как раз и было подозрительно.

Конец эпохи ожидания

Небрежно вскинув на спину старую мешковину, прошли через всю деревню.

Оглянувшись по сторонам, убедились, что за ними никто не наблюдает, опустили в голубой почтовый ящик на доме дядьки косога Андрея три письма.

Расчет был простым. Если сегодня никому в Белой Глине и Рагозинке писем не будет, дед Матвей заглянет в голубой ящик только завтра, если письма будут — Матвейч опустошит ящик после обеда, на обратном пути из Рагозинки. В любом случае беглецы будут уже далеко.

Первое письмо было адресовано в Курдюковку, учительнице Валентине Сергеевне.

«Уважаемая Валентина Сергеевна!

Извините, пожалуйста! (Владькино выражение.) Нам

надо срочно отправиться в поход дня на четыре. Предупреждаем Вас, как обещали. Извините, пожалуйста! Взять Вас с собой мы не можем. Дорога очень трудная. Мы уже ходили — знаем. Мы закалялись, а Вы нет. Холод, комары. У нас же брюки, а Вас закусуют. Извините, пожалуйста! За нас не беспокойтесь.

С пионерским приветом Никита Савостин и Петр Ложков».

Второе письмо было адресовано в Белую Глину Анастасии Ложковой.

«Мама! Ты не беспокойся. Я на четыре дня. И вернусь. Это срочно. Не беспокойся. Потом все расскажу. Иду в поход. Петька».

Петьке очень хотелось пообещать матери, что он купит ей когда-нибудь большую пуховую шаль, на которую она всегда заглядывалась у председательши. Купит и еще что-нибудь получше... Но хвастаться заранее было не в Петькиных привычках.

Третье письмо назначалось бабке Алене. Читать она не умела, но для порядка решили известить ее наравне со всеми.

«Бабушка! Я с Петькой иду в четырехдневный поход. Не беспокойся. Скоро вернусь. Хлеба, картошки, яиц и огурцов мы взяли. До свидания. Никита».

Проходя мимо сопляковской усадьбы, остановились посреди поляны, пожестикнули, как бы совещаясь, взять утят сейчас же или на обратном пути от реки... Сошлись на том, что лучше — от реки.

Эпоха скучных ожиданий кончилась.

Перед ними открылась широкая дорога к сокровищам.

ВТОРОЕ СТРАНСТВИЕ АДМИРАЛ- ГЕНЕРАЛИССИМУСА И ЕГО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА

Дорога

Котомки и ватники висели под сосной нетронутыми. Быстренько оделись и стали взбираться на Рагозинскую гору напрямик, через лес, чтобы оставить деревню слева от себя. И пока не вышли на проселок, ломались через бурелом, через заросли шиповника, через кучи перепрелого, десятилетней давности валежника.

Начальник штаба подсчитал, что если они одолевали пересеченную пятикилометровку за каких-то сорок—

пятьдесят минут, то сорок или сорок пять километров они должны одолеть за девять-десять часов с небольшими передышками между этапами.

Но идти в телогрейках, с котомками за плечами, с фонарем, дротиком в руках, со стрелами за поясом и в тяжелых ботинках оказалось много сложнее, чем босиком, в одних трусах форсировать старицы, овраги, болота.

У проселка оба, изрядно пропотевшие, остановились. Где-то внизу надрывно гудела машина. Зеленые шапки сосен смыкались над головой, и поросший высоким пыреем проселок лежал в рябоватой пыли. Их много по тайге, таких вот проселков. Не угадаешь, кто первым проложил их, когда. Можно идти, идти неглубокой колеей и никуда не прийти и никого не встретить... По иному проселку за год лошадь не пройдет, человек не ступит, машина не пропылит...

Однако гудение мотора приближалось. Из-за поворота выглянула нагруженная сеном трехтонка со снятыми бортами. Путешественники притаились за деревьями. Но когда трехтонка, одолевая метры подъема, прошла мимо, не стовариваясь, выскочили на дорогу, догнали машину и прицепили свои котомки на жердь, что шла поперек стога и, длинная, торчала сзади метра на полтора. Идти без котомок стало легче. А шоферу из-за стога никогда не увидеть, что там у него подвешено, хоть еще одну машину прицепи.

Сначала бежали сзади и только поглядывали на конец веревки, которой была притянута к стогу жердь. Потом не выдержал Петька и, ухватившись за веревку, в два приема влез наверх. Никита последовал за ним.

Немножко грызла совесть, что вот — пошли в путешествие, а сами цепляются за машину.

— В гору заберемся... — оправдался Петька.

Никита кивнул и прополз дальше. Над самой кабиной лег на живот, стал глядеть вперед. Петька решил, что Никита нашел себе какую-то движущуюся точку и отрешился от окружающего мира, а при этом начальник штаба всегда терял бдительность. Адмирал-генералиссимус взял обязанности наблюдателя на себя.

Машина одолела подъем, дорога шла теперь то по ровному, то даже под гору, и Петька принимал решение сойти на землю, но замечал впереди новый взгорок и с полным основанием решал: «Вот одолеем...»

Ехали, пока машина вдруг не свернула резко влево, и Никита заметил далеко впереди, в лощине, деревенские крыши. Сразу шарахнулся назад, от кабины.

— Засули!

Подхватив котомки, кубарем скатились на землю и тут же скрылись в тайге...

Совесть мучила их недолго, так как они шли, шли напрямиком через лес, и Лысуха казалась все время очень близкой, но оставалась по-прежнему впереди. Солнце перевалило далеко за полдень. Привязали ватники сзади к мешкам. Пот разъедал лицо, и, останавливаясь время от времени, чтобы утереть его кепками, и тяжело дыша, молча, с трудом раздвигая пересохшие губы, они ободряли друг друга неловкими улыбками: мол, ничего, вот дойдем, уж тогда сядем и напьемся...

Единственная бутылка воды в котомке Никиты могла в дальнейшем оказаться нужнее. И после долгих колебаний они сделали лишь по одному глотку... Так стойчески продвигались они вплоть до Лысухи. Так выдержали, не упали у подножия горы, хотя ноги подкашивались...

Они упали головой вперед, с котомками за плечами, только у подножия Черной, или Змеиной, горы возле тоненького, благодатно журчащего ручейка. Упали и долго, ничего не соображая, лежали без мыслей, без движений.

Где-то выше бил родник. Но добираться до него сил уже не было.

Сначала лежали не шелохнувшись, потом, уткнувшись в ручеек, пили студеную, прозрачную, как воздух, текущую воду, потом, освободившись от котомок, лежали, раскинув руки, на спинах.

Они сделали четверть круга в обход Змеиной, прежде чем упасть.

В скалах, высоко над ними, двумя черными пятнами пустоты зияли выходы из пещер.

Странности человеческого существа

Тайга плотным кольцом обложила склоны Черной горы и кое-где даже длинными, точно пальцы, языками взбежала вверх по Черной, словно бы хотела поглотить ее, утопить в своей зелени — и не могла.

Ручеек, возле которого свалились путешественники, пробегал через поляну, и, немного отдышавшись, друзья решили, что лучшего места для ночлега им не найти.

Дождя не предполагалось, топлива вокруг было достаточно, иней ночами еще не выпадал, и строить шалаш не имело смысла. Никита читал у Джека Лондона, что даже на севере спят возле костра прямо на снегу.

Сбросив лишнюю одежду, оставшись в одних рубашках и в брюках, натаскали целую кучу хвороста. Тонкого — на растопку, толстого — на ночь, целыми бревнышками.

На смену всеподавляющей усталости пришли голод и радостное возбуждение победы: все складывалось пока как по расписанию.

Завтрашний день раскроет перед ними долгожданную тайну и, может быть... Но об этом они не говорили. Они лишь иногда поглядывали вверх, на освещенные желтыми лучами скалы, и молчали. Они уже знали, что нельзя ничему радоваться прежде времени. И пока определенно они могли сказать лишь то, что доберутся до Змеиной пещеры и обследуют ее, чего бы им это ни стоило...

Запахло печеной картошкой, запахло дымной водой из котелка, сухой хворост горел ровно и ярко.

Поели медленно, с достоинством, со вкусом похрустывая обугленными корочками печеного картофеля на зубах.

На закуску испекли по яйцу.

Чтобы яйца не раздавились в мешках, испекли и остальные.

Аккуратно завернули соль, собрали остатки провизии, плотно увязали мешки и подвесили их на дереве.

Пить горячую воду охоты не было. Чуть поколебавшись, выплеснули ее. Набрали из ручья и, прикладываясь по очереди, вытянули целый котелок. Из мягких пихтовых веток сделали себе постели, по клочочкам набрали сухого мха и улеглись на него с наслаждением.

Глядели в небо, в гору, на медленно ползущую по ее склону тень. И одинаковые блуждающие улыбки время от времени трогали их губы.

Завтра они найдут... Если бы можно было представить себе, что там найдут они! Но раз это тайник, долж-

на быть какая-то посуда: кувшин, бочонок, ящик... А может, там целый склад золота? Огромный подвал и, как в кино, рассыпанные по полу бриллианты, драгоценные камни, рыцарские доспехи... Нет, в революцию доспехов уже не было.

Потом, когда погасла вершина Черной горы, улыбки уже не появлялись на их губах. Если бы они признались друг другу, они обнаружили бы, что думают об одном и том же: о доме... Как там — их близкие?..

Петька вспомнил, что мать еще два дня назад просила его приладить сорванный ветром ставень, и Петька почувствовал, как в уголках глаз его защипало, будто от пота...

Они молчали, думая каждый о своем, пока, медленная, не пришла к обоим дрема.

Тревога

Петька не мог бы сказать, отчего проснулся вдруг среди ночи. И сколько ни думал потом, не мог понять. Будто что-то толкнуло его в бок. Он разом прынул от земли, сел и уставился в темноту — туда, куда напряженно глядел неведомо когда проснувшийся Никита.

Костер тлел сбоку от Петьки — между ним и Никитой.

Все это длилось каких-нибудь несколько мгновений. Но именно в эти мгновения Петька отчетливо увидел перед собой призрак седого сумасшедшего Прони. Ни подумать ни о чем, ни сказать что-нибудь Петька не успел. Он схватил лук и выпустил стрелу в темноту — туда, где только что, буквально секунду назад, видел недвижимого, будто бы растворившегося во мраке Проню.

В ответ раздался явственный вскрик. Что-то похожее на «Ук...».

Петька замер, будто окаменел, весь превращенный в зрение. Но темнота зияла перед ним, и безлюдье этой зияющей темноты казалось еще более жутким, чем только что почудившийся призрак.

Вдруг дальше той темноты, где увиделся Проня, хрустнула ветка...

Петька сжался в комок. Холодные мурашки пробежали от лопаток вниз по телу.

Краем глаза Петька видел, как сидящий на своей «постели» Никита, не оборачиваясь, чтобы нащупать хворост, взял позади себя несколько сухих веточек и, продолжая напряженно вглядываться прямо перед собой, подбросил ветки в огонь. Потом еще, еще. Петька схватил и бросил в костер желтую сосновую ладу. Огонь затрещал и сразу взвился высоко над поляной. Ночь как бы раздвинулась при этом, и Петька увидел, что там, куда он только что стрелял, никого не было. А в призраки Петька давно уже не верил...

Они были одни в тайге, возможно, на десятки километров вокруг... Однако тревога не покидала обоих. Только теперь Петька заметил, как оглушительно колотится его сердце.

Подняв откинутый ватник, Никита набросил его на плечи, повернулся к огню и, обхватив колени руками, стал глядеть в огонь. А Петька некоторое время еще кустик за кустиком обшаривал взглядом поляну...

Наконец куснул пересохшую нижнюю губу.

Заметил, что Никита в продолжение этих сумбурных мгновений, переживания которых могли бы сравниться с переживаниями целых месяцев, не проронил ни слова. Хотел разозлиться. Но вспомнил, что и сам не издал ни звука, а действовал, подчиняясь каким-то случайным импульсам.

Стискивая в руке дротик, Петька тоже повернулся к костру.

Поглядели друг на друга.

В глазах Никиты никогда ничего нельзя прочесть.

— Ну... — сказал Петька чужим, изменившимся голосом. Кашлянул, чтобы восстановить его.

Никита шевельнул бровями и, опустив глаза, опять уставился в огонь.

— Померещилось... — сказал Никита. Но брови его сошлись у переносицы. А Петька знал, что когда Никита сдвигает брови, в круглом шаре его заседают сразу тысяча Академий.

Петька стал подбрасывать хворост. Теперь они видели не только всю поляну, но и кусты за ней и пустоту между деревьями.

Снова поглядели друг на друга.

Петька хотел спросить, что померещилось Никите,

но почему-то был уверен, что Никите померещилось то же самое, что и ему.

— Ты слышал?.. — спросил опять не своим голосом, опять едва слышно. Никита кивнул. Огляделся.

Где-то рядом ухнула сова. Петька улыбнулся.

— Слышишь?

Мало ли звуков по тайге? Она любыми голосами то заплачет, то засмеется вдруг.

— А потом ветка хрустнула, да? — неожиданно спросил Никита, опять шевеля своими бесцветными бровями.

Теперь кивнул Петька, чувствуя, как снова пересыхают губы. Тоже огляделся. Еще раз прошарил взглядом каждый куст.

Надо бы встать и, ради спокойствия, пройти туда, где увиделся Проня. Но оба не решались на это, и оба молчаливо понимали друг друга.

— Гляди-ка! — ошеломив Никиту, воскликнул Петька. — Светает же!

Они и не заметили, что небо, скрытое от них Змеиной горой, давно посветлело у горизонта и свет этот, гася звезды, растекался все шире, шире.

Петька придвинулся ближе к огню, вздохнул глубоко-глубоко, как не вздыхал еще ни разу в жизни, потом с наслаждением выдохнул и... захохотал вдруг.

Никита тоже заулыбался в ответ.

Тайга, с детства знакомая, с детства привычная тайга окружала их, и не было в этой тайге врагов — были вечнозеленые деревья, глупое зверье, которое бежит от одного посвиста, и были травы, и были непоседливые синицы, и были дурные, с человеческими голосами совы.

— Чего ты проснулся? — спросил Петька.

Никита пожал плечами.

— Лежал, лежал — и проснулся..

Петька перестал смеяться. Наклонясь к огню, опять незаметно вздохнул.

Так они сидели, пока небо вовсе не побелело, пока тайга не приобрела свою действительную — зеленую окраску, пока не загомонило вокруг на все лады птичье царство, пока первый горячий луч не прорвался из-за горы и не позолотил верхушку самой высокой сосны.

Тогда они оба встали и — Петька с дротиком, будто случайно, Никита, будто случайно, со штыком — прошли к тому месту, где «стоял» Проня...

Ни малейшего следа на мху, ни царапины на кустах.

Петька прошелся, ступая нарочито тяжело, — за ним тоже не осталось следов. Никита опять зашевелил бровями.

Обшарили все на десятки метров вокруг и не обнаружили ничего подозрительного... Окончательно приободрившийся Петька решил, что глупо предполагать здесь Проню.

И зачем они ему нужны, а если нужны, чего бы он церемонился, разглядывая их?

Стрела торчала, крепко воткнувшись в прогнивший, давно поваленный ствол березы. Никита отошел и еще раз выстрелил в него. Стрела тукнула, пробивая кору. Этот звук они вполне могли принять ночью за испуганный и возмущенный возглас притаившегося человека: «Ук!..»

Петька возвратился к костру, отвязал мешки, зарыл в золу четыре картофелины, испек их, приготовил огурцы, отрезал два ломтя хлеба. И только тогда подошел к костру Никита.

— Шамаем! — сказал Петька. — Надо управиться по холодку.

Первые законы пещер

Вчерашняя грусть и ночные страхи забылись, едва путешественники сделали первый шаг от опушки леса вверх по склону горы. Мешки, оружие, веревки — все взяли с собой. Взбираться поэтому было трудно, но зато они могли не волноваться в случае внезапной задержки в пещерах: провизия есть, вода есть... Да и не хотелось оставлять что-нибудь на этой с труднообъяснимыми сюрпризами поляне.

Сил напрасно не тратили и через каждые пятьдесят—шестьдесят метров подъема присаживались отдохнуть. К полудню, когда солнце оказалось прямо над вершиной Черной горы, они уже стояли на каменной площадке, которую вырубил сама природа на середине горы между ее основанием и вершиной.

Буквально в полуметре над их головой зиял вход в

первую пещеру, а немного в сторону и метров на шесть вверх по отвесной скале — еще один вход.

Отсюда, с площадки, была хорошо видна оставленная ими поляна, даже черное пятнышко залитого костра, и — ни души в тайге, ни дымка, ни движения.

Оба почти не сомневались, что мало-мальски разумный человек должен бы спрятать свои сокровища в верхней пещере или в третьей, которую они пока не нашли. Однако, во избежание ошибок, решили обследовать первую.

Петька без труда вскарабкался к лазу в пещеру, выпрямился во весь рост, за руку втащил Никиту. Еще раз оглянулись на тайгу, зажгли фонарь и, держа его перед собой, шагнули вглубь.

Фуркнув, шархнула на выход летучая мышь.

Под ногами валялись косточки какого-то зверька.

Коршун лакомился или сова...

Лишь несколько первых шагов прошли, не сгибаясь, дальше, метров двадцать еще шли, согнувшись в три погибели. На глине, которой было покрыто дно пещеры, затвердевшей со временем, почти не осталось следов... Грунтовая вода вымывает эти длинные пещеры в горах, и под каменной крышей, в каменных стенах только «пол» бывает намытым из серой, перемешанной с известняком, песчаником глины. Будто серый ручей застыл под ногами и каждой струйкой своей хочет двинуться дальше, а не может...

Ни единого ответвления ни вправо, ни влево не было, а пришлось уже ползти на четвереньках, чтобы случайно не расшибить голову о свисающие над путешественниками каменные уступы. Наконец пещера и вовсе сомкнулась понадвинутыми с трех сторон плитами до высоты ползущего на четвереньках человека.

Надо было одному лезть дальше, другому оставаться для страховки на месте.

— Я полезу, — сказал Никита.

— Нет, я, — не выдержал Петька, уже разматывая веревку.

— Ну, тогда я в той полезу первым, — предупредил Никита.

Петька сразу заколебался.

— Ладно: здесь ты, а там — если полезем — я. Ладно?

Никита с готовностью обвязал себя вокруг пояса веревкой.

— Дерну три раза — вытаскивай, четыре — ползи за мной, — предупредил начальник штаба, и сначала фонарь, затем шарообразная Никитина голова, а потом и весь Никита исчезли в узкой щели подземного хода.

Петька остался в крошечной темноте. У него был огарок свечи. Еще один огарок имелся в оставленном Никитой мешке. Но эти огарки могли понадобиться на случай, если Никита дернет четыре раза.

Веревка, подрагивая и останавливаясь ненадолго, медленно скользила из Петькиных рук.

Никита полз уже на локтях, переставляя перед собой фонарь, сантиметр за сантиметром. Камни сжимали его со всех сторон все теснее, пока Никита не оказался перед совсем узенькой щелью, куда можно было протиснуться, лишь цепляясь за какой-нибудь уступ впереди и всеми силами подтягивая себя на животе. Ни одного ответвления по пути не было. И Никита хотел протискиваться дальше, когда сообразил, что прятать сокровища должен был взрослый человек, а в такую щелку взрослому не пробраться... Карабкаться дальше смысла не было.

Никита изо всей силы дернул три раза за веревку и сделал движение, чтобы ползти обратно... В следующее мгновение холодный пот прошиб все его тело, и с минуту примерно он лежал, чтобы окончательно прийти в себя, хотя веревка и давила его в живот, — это старался Петька.

Сделав движение, чтобы ползти назад, Никита ударился о каменный свод и понял, что, стоило ему протиснуться дальше, он бы уже никогда не выбрался наружу... Ползти вперед можно на локтях, можно ползти, хватаясь за крошечные выступы впереди и подтягивая себя на животе, а чтобы ползти назад, надо иметь возможность подниматься на коленях или хотя бы упереться руками перед собой. За веревку в извилистой пещере не вытянешь...

Начало пути назад далось ему ценой отчаяннейших усилий. Каждый миллиметр он одолевал напряжением всего тела...

Петька этих миллиметров не замечал и, уже волнуясь, звал в темноту:

— Никита!.. Никита!.. Слышь?! Ну, чего ты?!

И тянул, изо всей силы тянул за веревку, лишь иногда, на всякий случай, давая слабину. Он уже хотел было зажечь свой огарок и лезть следом, когда заметил наконец, что веревка вроде бы подается. Натянул ее как следует, перехватил кулаком у самой расщелины, прижав руку к камню, выждал несколько минут и с замиранием потянул веревку на себя... Рука немножко отошла от камня. И Петька заплясал бы на радостях — если б можно было плясать, сидя на корточках.

Весь в глине — от пяток до макушки — Никита выполз примерно через час после своего исчезновения в щели.

Сел, размазывая по лицу глину, отдышался.

— Чего ты застрял? — спросил Петька.

— Да так... — сказал Никита. — Скользко немножко...

— Ну...

— Ничего там нет. Надо в верхнюю...

Лишь когда они опять оказались на воздухе и развязали мешки, чтобы подкрепиться перед новым этапом поисков, лишь проглотив, почти не жуя, печеное яйцо, Никита сказал:

— Ты когда будешь лезть, если верх пещеры где, ну, вот так... — Никита показал рукой от земли примерно на сорок сантиметров, — не лезь дальше, потому что — не выбраться.

В Змеином лабиринте

Спустить веревку ко второй пещере откуда-нибудь сверху не было никакой возможности. Отвесная скала начиналась высоко, почти от самой вершины горы. Добираться до входа в пещеру надо было по едва заметным выступам в скале.

Петька оставил ватник, ботинки, кепку и, перекинув через плечо собранную кольцами веревку, зацепился обеими руками за первую расщелинку.

Никита сел, наблюдая за ним.

Петька ухмыльнулся, подмигнул на прощание. Но больше уж не видел ничего, кроме очередной выемки в камне.

Прижавшись грудью к скале, он сантиметр за сантиметром поднимался все выше и, двигаясь наискосок, все ближе ко входу. Никита знал, что если адмирал-генералиссимусу придется повернуть назад — назад можно

только упасть, потому что перед собой он видит, а сзади — нет: они уже лазали так на водопаде... И когда Петька замер перед последним решительным броском, Никита замер тоже. Надо прыгать...

Отгрохал по площадке вылетевший из-под Петькиных ног камень. А сияющая Петькина физиономия появилась над обрывом.

— Тут высоко! — сказал Петька. И снова исчез.

Из пещеры выпал и, покачиваясь из стороны в сторону, заскользил вниз конец веревки.

Никита привязал к нему мешки. Потом отправил наверх фонарь, луки, дротик. Потом всю одежду.

Потом обвязал тем же концом веревки себя. Петька сел в пещере, опершись о каменистый выступ, и, согнувшись пополам, стал глядеть наружу, чтобы выбирать веревку по мере того, как будет подниматься Никита, и чтобы ненароком не сдернуть его с очередного уступа.

Страховка эта была весьма сомнительной. Если бы Никита сорвался и если бы Петька даже удержал его, он как маятник закачался бы из стороны в сторону, грохаясь о камни то лбом, то затылком... Но веревка все же успокаивала, и Никита взобрался быстрее Петьки.

Из глубины пещеры тянуло холодом. Оделись, зажгли фонарь. И первое ответвление справа обнаружили через несколько шагов... Под землей существовали свои реки, свои ручьи. И в глиняную реку, по которой они шли, впадал справа широкий глиняный ручей.

Сомнений почти не оставалось: путешественники находились в Черной, или, по-деревенски, Змеиной, пещере.

— Первый... — одними губами произнес Никита.

Не пригибаясь и держа фонарь над головой, пошли дальше. Петька зачем-то сжимал в руке дротик. Все же отсюда, по преданиям, вылетал змей — может, какой-нибудь древний ящер... И только он подумал об этом, впереди ухнуло. Петька взмахнул дротиком. И с оглушительным шумом, будто черная молния, над их головами пронеслось что-то живое, зеленоглазое. Пригнувшись, друзья проводили это «что-то» на выход.

К счастью, Никита в растерянности не опустил фонарь, и, сколь ни громадным показалось обоим пролетевшее мимо существо, Никита громко выдохнул:

— Орел!

И опять, как у костра, оба похотали немного. Валентина Сергеевна говорила, что орлы встречаются на Урале, а все не верилось. Вот он, пожалуйста. Успокоились, наверстывая время, пошли быстрее. — Второй... — уже не останавливаясь, отсчитал Никита.

Ручей слева оставили без внимания.

— Третий... — Путешественники остановились. Помедлили в молчании.

Петька взял у Никиты фонарь и, как уговаривались, шагнул в боковой ход первым.

А основная пещера неведомо куда тянулась дальше.

По «ручью» идти рядом нельзя было. Шли друг за другом, все внимание приковав к левой стенке.

Заметили справа уже три щели, а слева все ничего не было. Сколько времени могло бы понадобиться, если бы изучить все эти хитросплетения природы? Настоящий лабиринт...

Ни звука, ни шороха впереди. Наконец, делая два быстрых шага вперед, Петька воскликнул:

— Есть! — И показал Никите на узкую щель влево, словно Никита не видел ее сам.

Опять постояли, отдышались немного... Дальше глиняный ручей поднимался немножко вверх, как бы в гору.

— Кислорода вроде не хватает? — спросил Петька.

Никита кивнул. Показал на фонарь. Петька прибавил фитиль.

Двинулись дальше.

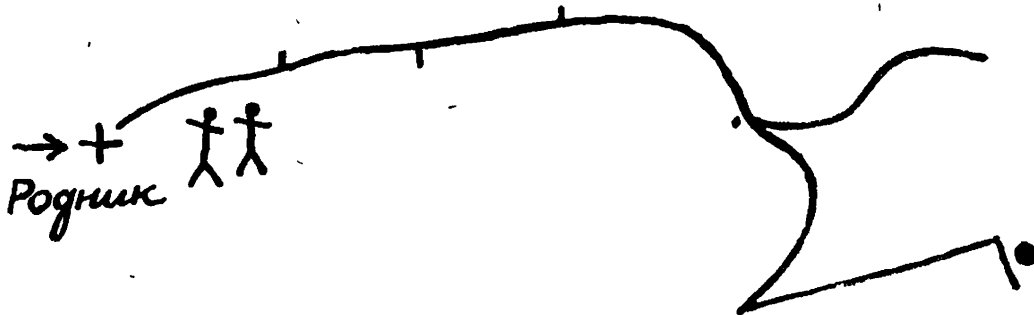
И уже без слов, молча остановились перед вторым поворотом налево. С удивлением заметили лужицу. Все правильно. Страница двести восемьдесят третья исчерпала себя: «второй поворот налево, через родник». Он бил, вернее, пузырился откуда-то снизу, из-под земли, и неведомо куда исчезал. Никита попробовал воду на вкус. Сплюнул.

— Горькая...

Петька тоже попробовал. Тоже сплюнул. Перед ними крошечными пузырьками шелестела еще одна загадка природы. Может быть, Валентина Сергеевна скажет, откуда берется и куда исчезает эта горькая вода.

Никита надорвал подкладку телогрейки, извлек сложенную в комочек копию схемы, что была нарисована на странице сто шестидесятой, развернул ее. Если пред-

положение их правильно, если схема продолжает указание страницы двести восемьдесят третьей, они находились теперь здесь:

Петька отдал Никите дротик, взял себе схему.

Пришлось наклониться, чтобы войти в новый коридор, переступив горькую лужицу.

Медленно, шаг за шагом, оглядывая стены, двинулись вперед.

Отметили щель слева, справа, опять слева...

Решительно свернули в новый правильный коридорчик.

Снова был узенький глиняный ручеек слева... Петька проглотил слюну. Они теперь были уже где-то рядом с целью.

Темнота окружала их за пятном неуверенного света «молнии». И вдруг погасли фонарь или вырони Петька схему — им бы не найти дорогу обратно. Разве что Никита восстановит маршрут по памяти...

Полезли на четвереньках.

Коридорчик этот был изогнутым почти точно по схеме: он все время забирал то в одну, то в другую сторону...

Петька ждал нового коридора влево, как на чертеже, но едва не упал в глиняную яму. Поднял голову и увидел над собой уходящую вверх пустоту.

Никита тоже поднял голову.

Сели, приоткрыв рты и глядя то друг на друга, то дальше по коридорчику, то вверх, на узкий колодец, ведущий неведомо куда, то на яму под ними.

— Водопад, — подытожил свои наблюдения Никита.

Да, если поверить, что весь этот подземный лабиринт создали грунтовые воды или какие-то другие доисторические, рожденные недрами земли жидкости, то здесь было что-то вроде водопада, который со временем

выдолбил в камне круглую глубокую яму, впоследствии наполовину заполненную глиной.

Петька отдал Никите схему, сам сползал метров на тридцать вперед, никаких новых коридоров не обнаружил. Никита еще раз взгляделся в крутой левый поворот на схеме, еще раз глянул вверх, сказал:

— Лезем.

Тайник француза Мусю

Петька посветил в ствол шахты. Неизвестно, что ждало их выше, но у начала ствола было достаточно каменистых уступов, чтобы опираться о них во время подъема.

— Лезу, — сказал Петька.

— Я тоже, — не захотел отставать Никита.

Петька сунул за пояс штык, перекинул через плечо веревку.

Мешки, луки, стрелы и дротик решили оставить внизу.

Путешественники находились где-то в самом центре горы. И достаточно было чуточку подсесть породе над одним из подземных коридоров — они остались бы в центре горы навсегда. Но думать об этом было некогда.

Петька скрылся в черной дыре ствола. Фонарь в его руке едва виднелся. Никита зажег свечу и полез следом.

Ровный ствол нигде не сужался, не расширялся. Путешественники тщательно проглядывали стены и взбирались уже так долго, что казалось, мешки их остались где-то в бездонной пропасти... Петька расцарапал руку, оберегая фонарь от ударов о камень. Никита ожег ладонь.

Обоим думалось уже, что шахте не будет конца, когда Никита услышал невнятный, но радостный Петькин возглас, и пятно фонаря над головой Никиты исчезло.

Никита поспешил следом и тут же чуть не поплатился за свою торопливость. Ноги его соскользнули с уступов, и он повис, держась одними руками. Даже вскрикнуть не успел. Чувствуя, как слабеют онемевшие руки, он, только снова опершись ногами о стены шахты, понял, что не догадался выпустить из рук свечу и потому держался вполсилы.

Петька, выглядывая в черноту ствола, ждал его. Он

сидел на довольно просторной площадке у начала нового горизонтального коридора.

Никита присел тут же.

А Петька уже начал осматривать стены.

Натура человека загадочна. Еще час назад они твердо верили, что их ждут сокровища, теперь же, у самой цели, ибо кружочек на схеме был именно здесь — у конца ствола, на горизонтальной площадке, — теперь обоих встревожило боязливое сомнение, что либо они напутали что-нибудь, либо вообще ничего здесь нет...

Петька пробовал ковырять штыком зацементированную глину под ногами, но дно глиняного потока было ровным, сплошным.

Никита удалился метра на два в глубь коридора и шепотом позвал:

— Сюда!

Петька мигом очутился возле него.

Никита нашел в стене камень с неровными краями, вокруг которого была едва приметная щель, и попытался ногтями вывалить его из стены.

Петька точным ударом загнал кончик штыка между стеной и камнем. Осторожно навалился на штык, чтобы тот не выскочил из щели. Камень дрогнул и подался на какой-нибудь миллиметр вперед.

Этого движения можно бы и не заметить, но теперь кончик штыка уже свободно вошел в щель. И каменная плита, примерно шестидесяти сантиметров как в длину, так и в ширину, опять чуток подалась вперед...

Она рухнула наконец, и, оберегая собственные ноги, друзья отлетели в стороны. После чего некоторое время сидели, опершись руками о глину за спиной и глядя друг на друга, как бы отдыхая и как бы оттягивая секунды, когда надо будет удостовериться в правоте или бессмысленности поиска.

Разом приблизились к открывшейся перед ними выемке в стене и в свете фонаря не сразу поняли, что перед самыми их носами из тайника выступает ровная стенка железного ящика, наподобие того сейфа, что стоит у ног кассирши на полу в курдюковской сберкассе. В четыре руки, уже задыхаясь от усталости, выдвинули его из тайника.

Ящик был до того тяжелым, что, когда за две неу-

добные ручки опустили его на глинистый пол, оба обесилели.

Может, на свободе он показался бы и легче, но здесь, когда приходилось работать согнувшись, любой вес казался вдвое тяжелей.

Потом стали ощупывать ящик со всех сторон. Пробовали открыть крышку, но плотная, проржавевшая на линии соприкосновения с ящиком крышка не поддавалась никаким усилиям.

Пробовали ковырять штыком в очищенной от ржавчины замочной скважине, пробовали ставить ящик на бок и на попа... Наконец успокоились.

Глупо было взламывать его здесь, в центре горы... И когда решили, что надо выбираться из подземелья, дневной свет, и воздух, и тайга показались такими далекими, что уже без разговоров торопливо обвязали ящик веревкой, подтащили его к колодцу и стали медленно спускать вниз.

Ящик часто ударялся о каменные стены, и путешественники на секунду замирали при этом, как будто они опускали хрустальный сосуд, хотя оба прекрасно знали, что никакой удар ящику не повредит.

Веревка неожиданно ослабла в руках. Переглянулись. Для верности еще раз приподняли ящик и опустили.

— Дно! — сказал Петька.

Спуск занял у них еще больше времени, чем подъем. В стволе, как и на отвесной скале или как на дереве: подниматься легче, чем опускаться.

Ящик лежал в глиняной яме. Выволокли его. К одной из ручек привязали веревку. И Никита полез впереди, чтобы волочить находку, а Петька стал подталкивать ящик сзади. Через некоторое время поменялись местами. Потом менялись еще несколько раз, пока оказались в коридоре, где можно было, хотя бы согнувшись, распрямить ноги.

Вода кончилась, губы пересыхали, дыхание со свистом вырывалось из груди, и, несмотря на холод в пещере, лицо разъедал пот.

Задыхаясь, падая иногда и поднимаясь опять, двигались дальше, стараясь не ошибиться на поворотах.

Лишь когда впереди узенькой полоской мелькнул свет, они не выдержали и закричали «ура!».

Следы пересекаются

Первое, что они с изумлением увидели у выхода из Черной пещеры, — это было закатное солнце. Они пробыли под землей несколько часов, и если не будут действовать быстро — солнце скроется за дальним лесом.

Если с замиранием сердца они глядели вчера вверх, на зияющую пустоту Черной пещеры, то теперь с тем же чувством, глотая вязкую сухость в горле, они глядели вниз, на покинутую ими поляну.

Осторожно спустили на веревке драгоценный ящик. Следом за ним на каменную площадку полетели кепки, телогрейки, лук.

Потом на той же веревке Никита спустил Петьку.

Привязывать веревку было не за что. Догадались обвести ее вокруг уступа в скале. Никита обвязал себя одним концом и повис под уступом, а Петька снизу понемногу опускал веревку. Как ни тяжело было вчера тащить все снаряжение, длинная веревка пригодилась.

Держа в руках кепки, в последний раз оглянулись на Змеиную пещеру.

— Живи, змей! — великодушно разрешил Петька.

Тронулись дальше.

Крутой спуск одолели, продернув веревку сквозь ручки ящика и закрепив ее на ручках. Никита шел впереди и тянул ящик, когда он застревал на склоне. Петька шел сзади и придерживал находку, когда спуск становился очень уж крутым... Потом, закинув веревку на плечи, подняли ящик и рядышком двинулись к опушке тайги.

Петька, возбужденный, ничего не замечал, а Никита, поглядывая то вперед, то по сторонам, давно уже напряженно шевелил бровями и, как собака, почувствовавшая добычу, вглядывался в каждый куст на опушке.

Пройдя в ложбинку, они должны были углубиться в лес и могли считать, что основные трудности позади. Петька решил поторжествовать.

— Эврика, раб божий! — сказал Петька. — Граф Монте-Кристо будут! Знаки Зодиака не подвели! Целуй девушку в линию сердца!

В это время веревка, перекинутая через левое Петькино плечо, больно дернула его, и Петька не договорил.

Это Никита опустил ящик на землю.

— Ты чего, раб божий? — спросил Петька.

Никита сел на ящик и, ни слова не говоря, устоялся на Петьку снизу вверх. Тот даже чуточку испугался. Повторил:

— Ты чего это? Чокнулся?

Никита молча показал ему на землю рядом с собой. Трава в затененной ложбине была влажной, и ложбинку пересекали три тяжелых следа.

Петька сразу умолк, кинулся разгребать придавленную чьей-то ногой траву.

— Проня... — сказал Никита.

Петька вырвал несколько кустиков пырея. Друзья увидели на влажной земле отпечаток мужского каблука с подковкой и тремя углублениями...

Петька выпрямился.

Тайга, до которой оставалось несколько шагов, уже не казалась такой родной, как минуту назад.

— Вернемся к пещерам? — тихо спросил Петька.

Никита мотнул головой: «Не...»

Да Петька и сам понимал, что возвращаться смысла не было. К тому же оба они страшно хотели пить.

Никита поднялся, перекинул через плечо веревку, поправил на поясе штык.

— Идем...

Петька тоже быстро перекинул через плечо веревку, взял в свободную руку дротик. Пошли теперь уже не рядом, а друг за другом, выслушивая каждый шорох в тишине засыпающей тайги, просматривая каждый куст по сторонам...

Никита повернул круто вправо. Стараясь не наступать на сухие ветки, пошли все быстрее, быстрее, иногда меняя направление, чтобы запутать свои следы по тайге.

У случайного болотца напились густой, с водорослями тухлой воды и снова двинулись дальше.

Мелькнула идея спрятать ящик, уйти без него. Но если бы знать, что это поможет сберечь находку... А разве можно быть уверенным, что именно в этот момент за одним из деревьев не притаился и не наблюдает за тобой косматый, одуревший в поисках сокровища Проня?..

Сил уже не было. Плечи занемели, ноги ступали ав-

томатически, подкашивались на малейшем подъеме... Но шли и шли, углубляясь все дальше в тайгу, — не прямо, как надо бы, если идти домой, а все время чуть вправо от своего пути, в сторону Засулей...

Наконец погасли верхушки сосен, и, выйдя на небольшую поляну, друзья молча опустили ящик. В темноте далеко не уйдешь...

С минуту поколебались: жечь или не жечь костер?

Но остаться один на один с кромешной темнотой было бы глупо: возьмут тебя за горло, а ты и не увидишь — кто...

Сумерки густели прямо на глазах. И, не сговариваясь, кинулись таскать на поляну хворост. Оружие при этом не выпускали из рук.

Петька вырыл возле будущего костра яму, опустили в нее ящик, прикрыли сверху дерном, а потом забросали ветками для постели. Покончив с работой, распилили бутылку тухлой воды, набранной в том же болоте.

Голоса тайги

Пока огонь не разгорелся вовсю и не отодвинул к лесу надвигающиеся тени — молчали.

Ночь куполом нависла над ними и опустилась по краям поляны...

Никита смотрел в огонь, и только по отсутствующему выражению его лица можно было понять, как напряженно вслушивается он в окружающее их безмолвие.

Петька оглядывался.

В другом случае усталость уже свалила бы обоих, а теперь лишь непрерывный звон в голове напоминал о растраченных силах и бессоннице.

Вдруг с громким криком шарахнулась в лесу разбуженная птица.

Петька судорожно сжал в руке дротик. Никита, весь напряженный, со штыком в руке, еще ниже склонился к огню, готовый в любую минуту вскочить и обороняться. Ночные птицы так испуганно не кричат и не шарахаются... Минуты две прошли в безмолвии.

— Сова охотится... — чтобы только не молчать, сказал Петька.

Потом слышался хруст валежника... И опять до боли в пальцах путешественники сжимали оружие. Потом будто чей-то вздох...

Так можно было сойти с ума.

Коротко и успокаивающе-знакомо пробормотал сыч.

— А! — махнул рукой Петька. — Ложись спать! — И неожиданно засмеялся, оглядываясь на тайгу. — Ложись, я подежурю! Чего нам бояться сумасшедшего?! Эй, сумасшедший! — И Петька приподнял в руке дротик.

— Ты знаешь... — проговорил Никита. — Он вовсе не сумасшедший...

Нападение

Петькина рука с дротиком медленно опустилась.

— Ты что?.. — тихо спросил Петька.

Никита виновато отвел от него глаза, уставился в огонь. Обилие идей в его голове опять помешало ему сделать свои выводы вовремя.

— Помнишь... — шевельнув бровями, сказал Никита. — Когда мы у Прокопки сидели на сеновале... Кто-то приходил... Помнишь? — Никита поднял голову. Петька кивнул, уже догадываясь, что к чему. — Голос то ведь был знакомый, а?.. — спросил Никита.

Петькина рука автоматически потянулась к чубу, но задержалась и, не дотянувшись до него, опустилась на колени.

— Я тогда еще уловил, — сказал Никита. — Решил: показалось... Потом — забыл... А вчера, когда проснулся, вспомнил...

— Так... — медленно вздохнул Петька. — Чего ж молчал?

— Следов же никаких? — удивился Никита. — Мало ли что померещится. Вон куст... — Никита показал в дальний конец поляны, где они еще при свете видели куст терновника. — Вглядись — и что хочешь увидишь.

Петька вгляделся и увидел Проню.

— Ладно... — сказал Петька. Глаза его сузились, спина распрямилась. Будто бы то, что враг у них теперь был самый обыкновенный живой человек, не сумасшедший и не таинственный, было уже не так страшно. Хуже, когда не знаешь, с кем имеешь дело, и воюешь с призраками.

— Спи, — решил Петька. — Потом ты подежуришь...

— Ладно... — сказал Никита. — Я так... — Поставил

штык между ног, уткнулся лицом в колени и скоро заснул.

Петька, оставшись в одиночестве, удвоил внимание. Но сколько времени прошло, как спал Никита, он не знал, будить его было жалко, Петька боялся, что прошло всего каких-нибудь полчаса. И адмирал-генералиссимус не заметил, как, свесив голову, задремал сам.

Очнулся он слишком поздно. Очнулся, когда уже пересекали поляну бесшумные шаги и огромная злоеющая тень нависла над его головой.

Владька и Мишка смущаются

В Петькином доме до глубокой темноты сидели пять женщин: бабка Алена, Петькина мать, Валентина Сергеевна, Владькина мать и Мишкина. Последних двух вызвали вместе с сыновьями для консультации. Но никто не знал ничего определенного... Внимательно вслушиваясь в разговоры взрослых, Мишка и Владька толкались в Петькином доме весь вечер.

Слух о новом исчезновении двух путешественников быстро облетел окрестности. И флаг над Петькиным домом привлек зевак со всех сторон. Приходили даже рагозинцы, забыв на время о междоусобной войне.

— Ничего, — утешала Валентина Сергеевна, — они вернуться, как обещали. А теперь мы организуемся все вместе. Будем коллективно придумывать что-нибудь... Палатку председатель нам обещал...

Петькина мать только вздыхала.

Больше всего Валентину Сергеевну огорчило то, что мальчишки посчитали ее неспособной отправиться в путешествие вместе с ними.

— Ну почему это, мальчишки? — обратилась она к Мишке. — Я, может, закаленнее всех вас!.. А вы бы тоже не взяли меня с собой?

Мишка торопливо затряс головой и что-то замычал. Трудно было понять из этих манипуляций: категорически взял бы Мишка учительницу или категорически не взял бы.

— Нет, — сказала желтоволосая Владькина мать, — просто нельзя давать детям слишком большую волю. Я вот за своих всегда могу сказать, где кто. А ведь у меня трое их! Баловать некогда... Но, может быть, это и дис-

циплинирует их. Ведь ты мне все говоришь, правда, Владик?

Владька моргнул своим разноцветным синяком.

— И то ж... — басовито прогудела Мишкина мать, заведующая свинофермой. — Уж я рада-радешенька, что мой сошелся с вашим. Глядишь: мастерят что-нибудь...

Петькина мать чувствовала себя в чем-то виноватой перед всеми и молчала. Бабка Алена молилась про себя, чтобы внук вернулся живым и здоровым, обещала богу пальцем не трогать Никиту. Потом, когда молитва кончилась, она думала, что только пару раз протянет начальника штаба по мягкому месту да потаскает за ухо — и все... Потом, испугавшись, опять клялась богу, что пальцем не тронет внука...

— Главное, нам надо собрать их на лето вместе, — опять заговорила Валентина Сергеевна. — Вы должны помочь мне в этом. Чтобы они забыли эти самые распри: деревня на деревню... Надо организовать культурный отдых...

— Конечно, — поддакнула желтоволосая Владькина мать. — Детей надо воспитывать постоянно, изо дня в день. Я на Владика не обижаюсь. Мастерить он любит — правда. Но это ж хорошее увлечение. Владик!.. Где он? — Оглянувшись по сторонам, Владькина мать улыбнулась: — Засмущался...

Конец

Рванувшись, Петька взмахнул дротиком и упал на спину. Злобный вскрик разбудил Никиту.

Однако дротик отлетел далеко в сторону, а все последующее смешалось для друзей в один короткий и тягостный миг.

Петька отбивался руками и ногами, но, прижатый к земле, мог только дергаться да скрежетать зубами в бессильной злобе.

Хотел кричать — жесткая рука больно сдавила ему горло...

Никита тоже не успел воспользоваться штыком. Никита кусался и кричал...

Но уже через две минуты друзья сидели рядышком на траве со связанными за спиной руками, с какими-то тряпками во рту и широко открытыми глазами наблюда-

ли, как два заросших волосами бандита — седой, косматый Проня и не менее косматый чернобородый — торопливо откинули в сторону Петькину постель из веток, потом, отворотив дерн, вытащили из ямы железный ящик, подволокли его к костру и минут двадцать пытались взломать крышку... То ковырял ножом Проня, то, оттолкнув его: «Дай я, дурак!», брался за это чернобородый.

Однако, убедившись, что все их усилия напрасны, они немножко успокоились. Сели около ящика и лишь теперь вспомнили о связанных путешественниках.

— Черт возьми! — сказал чернобородый. — Я уже две недели не грелся у костра! Где их мешки?

Они схватили котомки путешественников и вытряхнули все, что в них находилось, на землю.

Чернобородый задрожал от злости, обнаружив, что, кроме хлеба и картошки, в мешках ничего не было. Взял горбушку и, откусывая огромными кусками, стал есть. Проня последовал его примеру.

Немного утолив голод, они как бы утихомирились. Чернобородый закопал в золу оставшиеся картофелины, хотел подбросить хворосту. Проня, глядя на обессиленных в попытке освободиться от веревок друзей, остановил его:

— Не надо... Сначала надо уйти отсюда... И подальше...

Чернобородый сразу утих, оглянулся на тайгу, прошел через поляну, принес из кустов ружья. Но положил их не сразу...

Потом кивнул в сторону Никиты и Петьки.

— Кончим?..

Проня придвинул к своим ногам одно из ружей.

— Сдурел? Чека только и ждет твоего салюта...

— Зачем? — спросил чернобородый. — Без шума...—

И вытащил из-за голенища длинный, тускло замерцавший в отблесках костра нож.

Проня размазал кровь по щеке — Петька все же не зря швырнул дротик, — зло прищурившись, долго вглядывался в лица друзей. И столько злобы было в этом взгляде, что Петька опять зашевелился, пытаясь либо высвободить руки, либо вытолкнуть изо рта кляп. Хотя бы крикнуть:

«Режь, гад! Режьте, фашисты! Далеко не уйдете!..»

Но руки были связаны крепко, а грязная тряпка,

казалось, раздирала рот, и от бессильной ненависти слезы выступили на глазах у Петьки.

Проня усмехнулся.

— Надо по-другому... Незачем оставлять следов... Они сдохнут и так... А тогда бросим под горой... Милиция найдет — решит: от истощения, от жажды. Заблудились в пещере... — Повторил: — К чему лишние следы? Положим рядом какой-нибудь мухомор... — И, довольный своей выдумкой, он опять усмехнулся.

— Но нам надо уходить, — сказал чернобородый.

— С чем?! — зло спросил Проня, тряхнув седыми космами. — Пойти в магазин? Дайте водки? Или в парикмахерскую?.. В чека побреют и покормят! А мы завтра тряхнем этого куркуля...

Чернобородый помолчал в сомнении.

— Проще все-таки зарыть... — Он опять кивнул на Никиту и Петьку.

— Будут искать! Надо, чтоб не искали! — отрезал Проня. — Двое суток в нашем распоряжении еще есть...

Друзья и не помнили, когда говорили между собой, что их не будут искать четыре дня.

Выходит, эти бандиты следили за каждым их шагом.

— Завтра надо достать жратву... — подытожил Проня. И, взяв Петькину веревку, разрезал ее пополам. — Давай, чтоб они случаем не дали деру...

Никиту оттащили к одному концу поляны, Петьку — к другому и, усадив на землю, привязали к деревьям.

— Синяков не должно быть. Крути аккуратно. Они сдохнут своей смертью... — продолжал наставлять Проня. После чего бандиты потушили костер и тут же на поляне улеглись спать.

Обессиленные, разбитые, друзья не могли потом сказать, спали они или теряли сознание в эту холодную ночь... Но когда пришли в себя, было уже светло.

Прощание

Лес шумел, перекликался на разные голоса.

Петька проснулся оттого, что Проня, взяв его за подбородок, несколько раз приподнял ему голову, больно стукнув затылком о дерево.

— А, живой... — сказал Проня.

Чернобородый складывал на потухшем пепелище

хворост, чтобы снова разжечь костер. От своего дерева на Петьку глядел Никита.

Петьке показалось, что все это не наяву, — просто он видит страшный сон — неправдоподобный и явственный одновременно... Он весь окоченел, как-то разом подхлынула дрожь, и его стало бить как в лихорадке.

Петька хотел остановить дрожь, но не мог.

Вдруг Никита как-то странно захрипел, дернулся раз, потом еще раз, голова его свисла набок, и, осев, он скрючился на веревках.

Проня подошел к нему, выдернул изо рта кляп.

— Это еще что за блажь? — спросил от костра чернобородый.

Никита так и остался — обвисший на веревках, без движения...

Проня тронул его за голову.

— Живой... — Потом обернулся. — Нам не надо, чтоб они задохнулись. Я не хочу сесть миллионером в каталажку. Они заблудились в пещере и умерли от жажды, едва выбрались оттуда.

Чернобородый мрачно хмыкнул.

А Проня подошел и выдернул кляп из Петькиного рта.

— Теперь они так и так не раскричатся.

Петька глядел на Никиту и не сразу понял — что это? — когда щеку обожгла горячая, как огонь, слеза.

Бандиты доели остатки хлеба из их котомок. Проня сказал:

— Не будем терять время, надо идти за жратвой.

— Надо... — подтвердил чернобородый.

— Деньги у тебя? Я покараулю здесь, — сказал Проня.

Между ними разгорелся спор. Никто не хотел оставлять другого возле ящика с ценностями.

Наконец решили идти вместе. Это примирило обоих.

— А с этими? — спросил чернобородый.

— Пусть сдыхают.

— К черту! Прикончим — это будет вернее!

Проня опять разозлился.

— Они сдохнут и так! Сдохнут от жажды! Мы заметем все следы. Не трусь! Я знаю, что такое тайга. Их будут искать неделю, пока найдут! И больше искать

не будут!.. А нам не к чему на себя лишнее брать. Не к чему наводить еще на одно дело. Мы пока в России.

Где-то за Петькиной спиной взошло солнце и всполошило мошкарю. Но сначала Петька еще чувствовал ее укусы, а потом все: и жажда, и отеки в местах, где тело было перетянуто веревками, и опухшее от укусов лицо — слилось для него в одно сплошное одеревенение.

Грабители притушили костер, убрали за собой следы ночевки и, взяв ящик, потащили его в лес. Проходя мимо Петьки, чернобородый хотел ударить его. Проня взвизгнул:

— Не надо синяков! Я говорю, не надо синяков!

Чернобородый матюкнулся, но руку опустил.

— Синяки будут от веревок.

— Веревкой они сами себя уже исполосовали. А не сдохнут, так.. мы вернее.. С той самой скалы.. Живого места не останется.. Разбились — и точка..

Когда шаги их растворились в тайге, Петька хотел окликнуть Никиту. Но тот сам вдруг выпрямился, потянулся, насколько позволяла ему веревка, расправляя отекавшие суставы, огляделся по сторонам.

— Никита... — едва слышно, чужим, непослушным ртом, в котором деревянной колодой едва ворочался язык, позвал Петька. — Ты чего, Никита?..

Никита хотел улыбнуться, но губы его только дрогнули чуть-чуть, и непонятная гримаса исказила лицо. Ответил он тоже едва слышно:

— Это я нарочно, Петь... Думал, развяжут...

И у Петьки тоже не получилась улыбка...

Помолчали, глотая воздух широко открытыми ртами.

Силы как будто немножко возвратились.

Петька снова дернулся, снова попытался дотянуться до веревки зубами, но все было напрасно... Отдышавшись, тихо сказал Никите:

— Попробуй зубами...

Никита покачал головой. Он уже пробовал.

Долго молчали.

— Ты знаешь, Петь... — неожиданно сказал Никита. — Когда нам идти за утятами, бабка не пускала меня.. Говорит, ушлю к матери.. А я говорю: ну и усылай... Так мы с ней и не помирились...

Петька застыл на секунду.

— А я, Никит, ставень матери не наладил... Давно говорила...

Откуда-то понадвинулось на Петьку розовое-розовое марево и стало медленно обволакивать его голову. В этом мареве перед глазами Петьки вставало то горестное лицо матери, то покосившийся ставень. Он висел на одной петле и, поскрипывая на ветру, неслышно ударял о бревенчатую стену избы...

— Петь... — снова позвал Никита. Петька очнулся.— Слышь, Петь... Ты прости меня... что вот я не догадался... предупредить тебя... о Проне... А? Прощаешь?

— Что ты, Никит!.. — косноязычно зашептал Петька. — Ведь у меня же и своя голова на плечах, чтоб думать. Это я должен был думать... Ты и так подсказал много...

— А главного не подсказал...

— Если бы ты знал... — сказал Петька.

Видение

Петьке смутно — уже не слышалось и виделось, а как бы мерещилось, как вернулись под вечер Проня и чернобородый, как они снова долго пытались открыть железный ящик и это не удалось им, как напихивали в мешки продукты: хлеб, картошку, лук, воду, сало... Как пили потом...

Чернобородый подошел и сказал:

— Еще не сдохли...

Проня утешил:

— Немного осталось!..

Потом они долго спорили, как им быть дальше: уходить теперь или ждать до утра.

Проня сказал, что надо выспаться как следует и двигаться едва забрезжит, иначе они влетят в какое-нибудь болото раньше, чем выйдут на проселок. Затем напомнил, что надо будет еще «как-то устроить этих змеенышей», чтобы все у них с чернобородым — шито-крыто за спиной.

Петькин мозг то чуть просветлялся, то снова мутнел, и Петька погружался в вязкий-вязкий туман. Ни жажды, ни боли он уже не чувствовал. И когда думал о себе, думал не о том Петьке, что привязан к дереву, а о каком-то другом, непонятном, который не может ниче-

го чувствовать и ходит, и что-то делает, но будто он из воздуха: ходит, не прикасаясь к земле, делает, ничего не трогая руками...

Костер бандиты не хотели разжигать... Но когда выпили водки, осмелели и разожгли небольшой... Потом открыли новую бутылку водки.

Дальнейшего Петька не слышал. И не видел, когда пришла ночь, когда уснули грабители на поляне. Тела у Петьки больше не было: не было отекавших рук и ног, не было иссушенного рта, не было ничего — было только алое марево вокруг, потом смутные, дорогие Петьке видения в этом мареве.

Сорок первый год. Война. Уходит на фронт отец. Мать плачет. А Петька прыгает от радости на топчане. Зачем плакать? Ведь это счастье — идти бить фашистов, стать героем, вернуться в орденах! И Петька завидует отцу, завидует всем взрослым, что могут получать оружие.

Потом играет гармошка на улице, голоса бабы, скрипят подводды.

Сначала они скрипят вблизи, потом все дальше, дальше, потом у самого горизонта, потом их уже не видно, а бабы все идут, идут следом за подводдами, и плачут, и падают на землю, и встают, и идут опять...

Потом похоронная. И мать уже не плакала. Мать положила ее за портрет Ленина в углу. И хотя Петька знал, что доить корову еще рано, мать взяла подойник и пошла за лес, в поле, доить корову... Она была там долго, но когда вернулась, опять не плакала.

Петька хотел пойти возчиком. Чудак: разве бы его взяли тогда в возчики! А мать сказала серьезно:

— Не надо, Петь. Я пока сама. Ты учись. А тогда помогнешь. Грамотному — оно все легче...

Потом победа. И одни мальчишки ликовали в этот день. А бабы опять плакали. Сначала плакали, а потом голосили песни. Длинные, бесконечные... Пили брагу и протяжно-протяжно голосили:

Ой, за горкою, за горою...

Вернулся в Белую Глину только Федька, дядьки косоного Андрея сын. Да вернулся ненадолго, чтобы уехать, Никитин отец.

Потом голодный год. И Петька ходил собирать мерзлую картошку по полям. Никите мать присылала день-

ги, но на эти деньги купить было нечего, и Никита тоже ходил с Петькой по полям...

Наконец впервые выдали хлеб на трудодни, стало появляться белое, душистое масло в туюсках, захрюкали поросята на подворьях...

Петька видит себя в розовом мареве, спящим на материной кровати.

Мать говорит ему:

— Петь, слышь, Петь.. Надо бы ставень починить...

И Петька слышит, как хлопает на ветру покосившийся ставень, а проснуться не может.

Мать говорит еще что-то... Петька спит.

Тогда мать начинает трясти его за плечо.

— Петька! Слышь! Петька!

Но почему это мать говорит Мишкиным голосом?

Петька хочет услышать ее знакомый тихий голос, а она трясет его изо всей силы и шепчет, совсем как Мишка:

— Петька! Это я! Петька!

Будто его ударили, Петька разом вскинулся весь. Холодная, росная ночь вокруг. И холод, и роса будто вплеснули в Петьку остатки прежних сил, приглушили жажду.

Какие-то мгновения Петька ничего не может сообразить и лишь потом осознает, что ему не снился Мишкин голос, что Мишка трясет его за плечо и, возбужденный, повторяет:

— Ты чего это, Петька? Это же я, Петька!

— Мишка! — хрипло прошептал Петька, в то время как хотел вскрикнуть. И заспешил: — Там Никита! Слышь! Беги к Никите!

— Знаю! Знаю! — забормотал Мишка, орудуя ножом возле веревок. — Там Владька! Тише! Молчи!

Как и почему засмутились Мишка и Владька

Что Петька с Никитой опять исчезли, Владька и Мишка поняли в тот же день, не дождавшись их, чтобы передать утят. Они обследовали тогда всю Стерлю — от устья до водопада.

Мишка сходил в Курдюковку, к Матвейчу, но опять ничего не узнал, сходил к Валентине Сергеевне и, на этот раз более дипломатичный, чем раньше, тоже ни-

чего не узнал. Утром следующего дня, когда стало известно всей деревне, что Никита и Петька исчезли, Мишка опять отправился на разведку.

Рано утром за два дня до этого Мишка видел беглецов, шагающих берегом вверх по течению Туры, и раз их не было в Курдюковке, естественно было предположить, что они зачем-то ходили в Туринку...

Мишка разыскал Серегу-судью, поговорил с ним о том о сем, потом, будто невзначай, спросил, не заходил ли к нему Петька.

И тут Серега с радостью рассказал, как бушевал в деревне пастух Грабушка. Фамилия у него — Гарбушев, но ее переделали сначала на Грабушева, потом на Грабушку.

Был Грабушка всю войну сборщиком. Потом председательствовал несколько месяцев. Дом себе отгрохал, поросят в подполье растил, две коровы — на себя и на мать-старуху держит. Потом поймали его на махинациях, как-то вывернулся. В войну жал всю деревню и теперь свое умудряется брать. Мужиков в деревне нет. А пацанов с коровами не пошлешь. Всех, кто маломальски годен к работе, председатель гонит в поле. Стадо пасти некому. А у здоровилы Грабушки какая-то справка из поликлиники, что не может работать. Вот Грабушка и переквалифицировался в пастухи—так и так своих коровенок пасти надо. Берет с женщин деньгами, плату требует как раз в уборочную, когда заменить его некем...

И этот Грабушка носился по всей деревне, грозил убить «сопляков». Уж что там они натворили — Серега не знал, но, видать, крепко насолили «жмотине», потому что он чуть не каждого выпытывал: кто такие, откуда. По приметам — Никита и Петька.

Пацаны не выдали. А женщины хохочут, довольные.

Мишка распрощался с Серегой и двинулся в поле. Грабушка опять сидел на пригорке, курил.

Мишка подошел к нему сзади.

— Здравствуйте, дядя пастух.

Грабушка подскочил как ужаленный, схватил кнут, и Мишка едва успел отпрянуть назад, так что кончик кнута просвистел возле самого его носа.

— Дя, что вы?! — закричал Мишка. — Я вас очень уважаю! Я по делу к вам!

— По какому такому делу?.. — с трудом успокаиваясь, настороженно спросил Грабушка.

— Меня пионерская организация уполномочила. — Мишка совершенно беззастенчиво взял на себя эту великую миссию — представлять пионерскую организацию. — Нам сказали, вчера тут набезобразничали двое. Будем исключать их из школы.

Грабушка мгновенно переменялся.

— Гнать, лупить, убивать надо!

— Будем гнать, — сурово подтвердил Мишка. — Уже все решено. Надо только оформить. Ревут, просят прощения. Но ведь надо было раньше думать, правда? — спросил Мишка.

Грабушка только потряс кнутом и сел на прежнее место, готовый слушать, что надо от него. Мишка подсел рядом.

— Понимаете... Мы их уже выгнали. Уже плачут, — повторил Мишка. — Нам надо только записать, за что... Ну, за что мы их выгнали. А то мы их выгнали, а не знаем... — Мишка запутался. — Ну и не знаем, за что выгнали! Вот меня и послали, чтоб я вас расспросил.

Грабушка не заставил себя уговаривать. Грабушка рассказал, как он хорошо встретил этих «шпынят», даже хотел взять себе в помощники, говорят — жить не на что, вот он и хотел «снизойтить», как он потом рассказывал им про Змеиную гору, про пещеру, где змей живет, — все рассказывал. А потом они его за это — шмакодявки — обозвали.

— Как обозвали? — уточнил Мишка.

— Мироедом, вот как! — весь наливаясь краской, что тот бурлак, ответил Грабушка.

— Значит, пещерой интересовались... — проговорил Мишка. — Это какой пещерой? Нам — чтобы записать.

— Энтай! Что на Змеиной горе, за Лысухой!

— Больше ничем не интересовались? — спросил Мишка.

— Нет!

Мишка встал, задумчиво, как и положено солидному «представителю», прошелся взад-вперед мимо Грабушки, задумчиво спустился с бугра, задумчиво обернулся вниз и сказал:

— Дядь, а ведь ты вправду мироед. И кулак.

На этот раз Грабушка не останавливался, чтобы по-

плакать. Мишке пришлось бежать по прямой как струна линии, перпендикулярной Туре, без единой передышки, слыша за спиной однообразный настигающий топот и время от времени — свист кнута.

Мишка взял хороший разгон, поэтому шлепнулся в воду метра за четыре от берега и саженками, ставя рекордное время, понесся к противоположному берегу... Прыгни Мишка на один метр ближе — камень, что полетел из рук Грабушки, плюхнулся бы не в воду за его спиной, а точно — между лопаток.

Он помахал Грабушке с противоположного берега рукой и, не выжимая мокрой одежды, побежал в Сопляковку.

После короткого совещания корсары пришли к выводу о необходимости преследования исчезнувшего противника.

Быстренько заготовили продукты и стали ждать, когда все уснут. Но женщины разговорились у Петькиной матери, поэтому, видя, что конца беседы не предвидится, Мишка и Владька разом «засмутились», вышмыгнули за дверь, побежали домой, схватили заготовленную амуницию и спустя час уже вышагивали под покровом темноты в сторону Змеиной горы.

Часа четыре они шли по дороге, потом свернули в лес, развели костер, поспали до зари, а рано утром со свежими силами опять двинулись в путь... Машины им дорогой не подвернулось, они шли пешком почти до самых Засуль, потому что решили сделать угол и подойти к Змеиной горе справа, а не продираться к ней напролом, через тайгу, по диагонали.

Сумерки захватили их еще далеко от Змеиной, и они собрались сделать новый привал, когда Мишка уловил запах костра. На этот запах они прорывались уже в кромешной темноте, исцарапанные, в ботинках, полных воды. Однако надежда выследить противника, который завтра, возможно, бесследно исчезнет, гнала их вперед. Впоследствии они диву давались, как смогли пробраться живыми через сплошное болото, куда, по рассказам, и бывалые охотники редко хаживали: детей пугали им...

Первая ссора бандитов

Петька не думал о том, что это вода льется к нему в горло из бутылки, — это вливалась жизнь, которая

уже уходила от него, а теперь возвращалась холодными, благодатными глотками...

Они выпили все, что было в запасе у корсаров. Мишка хотел броситься искать еще воды, Петька остановил его: не надо...

— Бежим?.. — шепотом спросил Мишка.

К Петьке вернулась жизнь, но вместе с тем вернулось и чувство усталости, изнеможения, боли в каждом суставе. Они были всего метрах в пятидесяти от поляны, на которой спали бандиты.

— Слушайте меня, — сказал Петька. Окликнул в темноту: — Никит...

— Ну... — отозвался начальник штаба, как будто не бывало в жизни никаких происшествий, и в голове его опять заворошились мириады перепутанных идей.

— Порядок? — спросил Петька.

— Порядок! — ответил Никита.

— Слушайте меня... — продолжал Петька, обращаясь к Мишке и Владьке. — Бежать нам нельзя. Да мы и не сможем еще. Но не в том дело. Это бандиты, их надо не упускать. Понятно?

— Понятно... — сказал Мишка. — Иду следить.

Петька остановил его.

— Бандиты — это раз, с одной стороны, то есть. У них наш клад — это с другой стороны. Сокровище, понятно?

— П-понятно, — сглотнул Мишка.

— Вы понаблюдайте... — сказал Петька. — А мы уйдем туда, полежим... — показал глубже, в тайгу.

Мишка снял было телогрейку. Петька отказался от нее. Взял телогрейку Владька. Мишка исчез в темноте.

Туман опять заволакивал Петькину голову. Точно пьяные, прошли вслед за Владькой дальше, в гущу леса.

И то ли засыпая, то ли опять теряя сознание, слышали, как Владька укрывает их телогрейками — своей и Мишкиной. Не слышали, как Владька навестил Мишку, как прилег рядом, как сменялись они возле поляны.

Дежурил Мишка, когда проснулся чернобородый.

Проснулся, сел, тупо глядя в затухающий костер, обхватил голову руками, потряс ею. Бросил на угли охапку хвороста и вдруг разом обернулся к деревьям, у которых были привязаны Никита и Петька. Вскочил.

Друзья предусмотрительно скрывались в противоположном направлении от этих деревьев на краю поляны. И Мишка сидел в засаде с противоположной от деревьев стороны. Мишка поправил за ремнем открытый складник и крепко стиснул в руке Владькин дротик: Петькин дротик тоже лежал у его ног. И луки. Это уж Мишка, понимая, что делает не совсем благоразумное дело, выполз и подобрал оружие, валявшееся в десяти шагах от него. Хотел поползти до ружей. Но оба ружья были под руками у бандитов, а они то и дело шевелились, что-то бормотали во сне.

Поднимать тревогу было нельзя: Петьку с Никитой не утащишь на себе...

Чернобородый спешным шагом пересек поляну, подхватил с земли обрывок Петькиной веревки и зарычал на весь лес.

От этого рыка проснулся и вскочил на ноги Проня.

— Идиот! — размахивая перед его лицом обрывком веревки, стал кричать чернобородый. — Ваше благородие задрипанное! Следы замечаем?! Замел?! Ухнем со скалы, да?!

Проня оттолкнул его.

— Отойди, дурак.

— Это ты дурак, ваше благородие!

И, словно угадав помыслы друг друга, они разом схватились за ружья, разом щелкнули курками, разом замерли, когда Проня сказал:

— Стой!

Распрямылись оба, не поворачивая стволов друг к другу.

— погоди! Дурость делаем! — предупредил Проня. — Я виноват, согласен, надо было удушить чертенят!.. Но теперь что поделаешь! Положи ружье, обговорим!..

Медленно оба наклонились, положили ружья, оба разом осторожно спустили курки, оба выпрямились.

— Сядем! — сказал Проня. — Далеко ли они уйдут, полудохлые?! Либо потонули уже, либо найдем в двух шагах!

Чернобородый скрипнул зубами, успокаиваясь.

— Пошли, сейчас найдем! — воодушевился Проня. — Клянусь — они далеко не ушли!

Оба сделали движение, чтобы встать, оба глянули на темную тайгу и остались на месте.

— Пусть! — сказал Проня. — Но посуди: мы с тобой полдня добирались до деревни, а сколько времени надо этим полузадушенным выродкам, если даже они не утонут?!

Чернобородый тряхнул головой, мрачно глядя на котомку у себя под ногами.

— Давай выпьем... Трещит, собака!..

— Во-во! — обрадовался Проня. — Давай.

Вывхватив из мешка непечатую бутылку водки и дюралевою кружку, Проня наполнил кружку почти до краев, подал ее чернобородому, сам дотянул остатки прямо из горлышка.

Чернобородый залпом опрокинул кружку. Развязал мешок, вытащил луковицу, откусил от нее прямо с кожурой, ткнул Проне еще одну бутылку.

— Открывай эту...

Проня с готовностью открыл вторую. Чернобородый внимательно наблюдал за ним, как он делит водку, и, может быть, поэтому Проня разделил вторую бутылку поровну. Потом сказал:

— Надо выспаться!.. Зря разжигал такой костер!.. — Разворошил хворост, чтобы огонь убавился. — Щенков бояться будем! Они от страха подошли уже где-нибудь! А нам до рассвета все равно нельзя трогаться. — И он улегся первым.

Чернобородый прожевал кусок сала, огляделся, потом встал, обошел вокруг поляны, прошаривая кусты, углубился в лес. Минут через двадцать вернулся, прошагав почти рядом с Мишкой. Задрав голову, поглядел на звезды и тоже лег, придвинув к себе ружье.

Мишка уходит

Петька проснулся сразу, едва Мишка подтолкнул его в бок. Чуть брезжило утро. Звезд уже не было, откуда-то с востока по небу растекалась бледность. Но в лесу еще держалась темь.

Петька проснулся, как никогда, здоровый и голодный, вскочил на ноги. Подпрыгнул, сделал два шага вперед, два назад. Шаги еще отдавались в теле ноющей болью, но это было уже терпимо.

Мишка подтолкнул Никиту. Никита вскочил будто ошалелый, глянул по сторонам.

— Что? А? — И, ничего еще не соображая, уставился на Мишку. — У тебя хлеб есть?

Мишка приложил палец к губам, ухмыльнулся, довольный собой, потащил их куда-то в сторону, пригнул к земле.

Друзья разглядели под сосной, на газете, три полные бутылки воды, огромный, разрезанный на две половины пирог с картошкой и яйцами, нарезанное дольками сало, очищенный лук и два куска домашней колбасы...

Петька даже задохнулся при виде таких яств.

— Шамайте, — голосом короля повелел Мишка и, усаживаясь в стороне, добавил: — Владька дежурит там. Они сейчас проснутся. Не нарваться бы.

— А ты?.. — спросил Никита, протягивая руку за пирогом.

— Я уже! — соврал Мишка. Но впервые в жизни соврал так правдоподобно, что друзья поверили.

Это был пир! Это был тот самый пир, о котором в сказках говорят, что он на весь мир!.. Таял во рту пирог, таяло душистое сало, булькала из бутылок вода и медленно струилась, растекаясь по телу! Не стоит и говорить о приправленной чесноком колбасе с кусочками хрустящего, душисто-сладкого лука!

Когда Мишка спросил: «Наелись?», путешественники в блаженной истоме лишь закивали головами в ответ.

Шурхнули кусты. Высунулась Владькина голова рядом с наконечником дротика.

— Они проснулись!.. — И он тут же исчез опять.

Мишка быстро убрал следы пиршества. Надели телогрейки, взяли котомки — Владькину и Мишкину, крадучись приблизились к поляне.

Владька оглянулся. Петька жестом подозвал его.

— Едят! — сказал Владька. — Выпили по целой кружке. Молчат. Проня обошел все на двести метров вокруг, искал следы. Чуть не напоролся... — Владька шевельнул дротиком. — Потом веревку смотрел, говорит: «Откуда у них нож?» А тот: «Карманы проверял?» — «Нет». И сразу начали быстро есть. Молча.

Петька сказал:

— Вот что... Надо одному пробираться в деревню.

Небо над их головами блекло, и уже легко виделась протянутая рука. Но бежать в мешанине сумерек и тумана было все же рискованно.

— Один бежит, остальные остаются, — сказал Петька. — Давайте жребий.

— Вы не в счет, — поколебавшись, сказал Владька. Отрываться ото всех он не хотел, но понимал, что Петька с Никитой — не бегуны пока.

Мишка опередил Никиту, когда тот хотел возразить.

— Жребий будет несправедливо... — сказал Мишка. — Я сейчас самый крепкий и знаю лес лучше Владьки... Ты оставайся, — сказал он Владьке. Снял свою котомку и отдал ее Никите. Все виновато промолчали: Мишка был прав — идти лучше всего ему.

— Ладно... — сказал Петька. — Вот возьми... — И, вытащив из кармана компас, нацепил его Мишке на руку. Хорошо, что он предусмотрительно сунул компас в карман, остерегаясь его светящегося циферблата.

Мишка сразу, прицелившись, определил местоположение поляны по отношению к Лысухе.

— Ну, держитесь тут! Случай чего — лучше убегайте.

— Они сейчас уходят! — шепотом сказал Владька, что-то разглядев на поляне за деревьями.

— Мы будем оставлять следы, — сказал Петька.

— Я быстро! — И, махнув рукой, Мишка скользнул между деревьями в сторону Засуль. Его силуэт раза два еще мелькнул в туманном мраке медленно растворяющейся ночи и исчез.

— Я — в засаду... — шепнул Владька, скрываясь за кустами.

Это лишь в первые минуты показалось друзьям, что они могут своротить горы. Несмотря на хороший завтрак и отдых, пережитое давало о себе знать... Все тело опять заныло. Петька сделал несколько гимнастических движений руками: в стороны — вместе, в стороны — вместе... и шагнул вслед за Владькой. А Никита за ним.

Заговор родителей, направленный на завоевание собственных детей

Оказывается, все, что происходило раньше в деревне, должно было расцениваться как небольшое волнение. Настоящий переполох наступил утром следующего дня, после того как «засмутились» Мишка и Владька...

Мишка и Владька исчезли, не оставив после себя даже записки.

Владькина мать плакала. Светка, немножко испуганная, немножко радостная, бегала — с Димкой за одну руку, с кучерявой Кравченко за другую — по берегу Туры, вглядывалась в окружающий деревню лес и все повторяла:

— Ах, как нечестно! Как нечестно! Мама плачет!.. А сами ушли — мне не сказали!..

Мать Семки Нефедова застала Семку, когда он, тужась, вытаскивал из погреба полмешка розовой скоро-спелой картошки.

Председатель Назар Власович разогнал на своем Нептуне гвардию Борьки конопатого, зачем-то притаившуюся в овраге.

— О то ж вражье племя! О то ж вражье племя! — восклицал Назар Власович. И тем же часом самолично отвез Валентине Сергеевне выпрошенную у энтээсовцев палатку военного образца, человек на сорок вместимостью.

А после обеда километрах в двух за Рагозинкой возвращавшиеся с работы изыскатели поймали Кольку тетки Татьянина, упрямо вышагивавшего по дорожке между зреющими овсами с буханкой теплого хлеба под мышкой.

Колька тетки Татьянин ударился бежать через поле. Пришлось еще с километр гнаться за ним, ловить. Теперь Колька сидел в кладовке под замком и, стуча в дверь, клялся:

— Все равно буду путешествовать! Не имеешь права держать под замком! Тебе не при капитализме!.. — Это он на мать.

Но Колькина тетка Татьяна Конституции не читала, в правах и обязанностях советских граждан разбиралась слабо, поэтому не открывала замок, лишь время от времени отвечая на Колькины требования хлестким постукиванием ивовой хворостины о дверь кладовки.

К вечеру в Петькиной избе, которая теперь стала вроде штаба, собралась добрая половина белоглинских женщин. Сначала спорили и ругались, так что даже Валентина Сергеевна не могла никого унять. Ругались и спорили все, кроме Петькиной матери, поскольку, не сговариваясь, все считали ее главной виновницей происшедшего.

Единственным грустным союзником ее была бабка Алена, второй день уже безнадежно мвяшая в руках тонкую сыромятину и периодически взывавшая к богу о благополучном возвращении к этой сыромятине заблудшего внука.

— Нет, это все ваш, ваш... — сквозь слезы внушала Владькина мать Петькиной матери, завладевая инициативой в споре. Бабы с изумлением убедились, что городские женщины умеют переговорить любого почище деревенских. — Играли мальчики, все было хорошо: механизировали разное... А этот выставил какой-то сумасшедший флаг — и вот, пожалуйста. Поиски, странствия, победы! Ну, какой в этом смысл? Вот и странствия!.. Где теперь искать их? Что с ними? Владик даже теплого белья не взял... Странствия! Утонут в каком-нибудь болоте — вот и будут странствия!..

Петькина мать, глядя на слезы желтоволосой Владькиной матери, уже готова была полезть на крышу и сорвать злополучное знамя адмирал-генералиссимуса. Но дверь распахнулась, и в комнату вошел Владькин отец. С появлением мужчины разговор прервался.

— Что за шум? — спросил Владькин отец. — По какому поводу слезы? Мужчины отправились искать бриллианты? Ну что ж... Мы все что-нибудь ищем! Я вот всю жизнь в поисках! Исключая войну. Стране нужны драгоценные камни, уголь нужен, дороги. И закаленная смена нужна! Смена путешественников, изыскателей, солдат. Так или не так?

Лица женщин чуть посветлели в улыбках.

Владькин отец прошел на середину комнаты, снял и положил на стол фуражку.

— Ребята — спортсмены, я вам скажу. Отличные спортсмены. Я сегодня целый час гнал за этим Колькой. И что самое удивительное — ведь хлеба не бросил! Задыхается уже, деваться некуда, а хлеб под мышкой! Я ему говорю потом: что ж ты буханку-то не швырнул? А он: ты ее заработай сначала, потом швыряйся! Слышали, товарищ учительница? Простите, не знаю, как вас зовут.

— Валентина Сергеевна, — улыбнулась учительница.

Колькина мать гордо выпрямилась было на стуле, но вспомнила о затворнике, который, наверное, опять

барабанил в дверь с требованием социалистической законности, и снова посуровела.

— Вот, товарищи... — делаясь серьезным, проговорил Владькин отец. — Дело, конечно, не такое приятное... И ремня показать каждому надо будет... Но раз уж мы собрались вместе, давайте обсудим, что и когда проглядели мы с вами. Правильно я говорю, Валентина Сергеевна?

Валентина Сергеевна с удовольствием поддержала его. И теперь уже в абсолютной тишине стала говорить она.

Беседа, таким образом, превратилась в родительское собрание.

— Я думаю, — сказал Владькин отец, — надо, Валентина Сергеевна, организовать мальчишек при вас, коли уж школа в основном отстранилась от этого дела и коли уж вы берете на себя эту трудную обязанность. Но организовать надо интересно, чтобы не разучивать одни и те же песни.

— Мой все про черного ворона поет... — неожиданно вставила бабка Алена.

По предложению Валентины Сергеевны все присутствующие вошли в родительский комитет, который обязался собираться ежемесячно и обсуждать все вопросы о детях.

— Девочек надо тоже привлечь... Моя Света, гляжу, тоже на лес смотрит... — неожиданно призналась Владькина мать.

Постановили привлечь и девчонок. Владькин отец обязался вместе с изыскателями помогать Валентине Сергеевне.

Собрание продолжалось затемно.

Преследование

А в это время ничего не подозревавшие о заговоре против них путешественники не дыша сидели в густых зарослях малинника, сжимая в руках луки и дротики... На поляне шла торопливая подготовка к бегству.

Если бы Проня мог предполагать, что за ним следят, друзьям, возможно, вряд ли удалось бы защититься дротиками. Но бандиты лишь иногда вслушивались в отдаленные шумы тайги. Если они и ждали погоню, то не вскоре.

Шепотом договорились двигаться по одному: впереди Петька, метров через пятьдесят за ним — Владька, потом Никита. Он должен был оставлять ножом едва заметные срезы на кустах или на деревьях.

Петька умел кричать по-лягушачьи. И двумя короткими «кр-р... кр-р...» условились объявлять тревогу. Еще Петька потребовал, если что случится с ним, на помощь не приходить, продолжать слежку. С этим условием Никита и Владька не соглашались, но потом договорились меняться местами, чтобы все подвергались одинаковому риску.

Спрятав в лесу все, что напоминало о беглецах: обрывки веревок, котомки, — чернобородый взял мешки с провизией, Проня вскинул за спину тяжелый ящик. Еще раз оглянулись оба на тайгу, вслушались. Они почему-то ждали опасности со стороны деревьев, где были привязаны пленники, а бывшие пленники затаились у противоположного края поляны.

Чернобородый впереди, Проня за ним двинулись мимо зарослей маличника на восток. И едва глухие шаги их стали чуть слышными вдалеке, пригнувшись и осторожно ступая, двинулся между деревьями Петька...

Мальчишки надеялись, что бандиты постараются выбраться на проселок. Но чернобородый шагал прямо на восток, с каждой минутой забираясь все дальше и дальше в глубь тайги. Влажный от росы мох пружинил под ногами, выправлялся, и нельзя было заметить на нем даже признаков человеческого следа.

Первые часа полтора бандиты еще оглядывались назад, внимательно прислушиваясь к тайге. Но потом, окончательно успокоенные, они зашагали ровным, быстрым шагом, почти не останавливаясь и, видимо, считая, что никакая погоня уже не в силах разыскать их по сплошным, на сотни километров вокруг, дебрям леса.

Осталась позади Змеиная гора. Тайга дальше представлялась Петьке густым непрерывным массивом длиною в тысячу дней пути — до самого Иртыша, как по школьной карте.

А бандиты шли и шли вперед...

Солнце поднялось тем временем высоко над деревьями, и тайга загомонила на разные голоса, зашелестел ветер в верхушках елей и кедров. Этот шум был на руку преследователям. Однако, пока держалась под деревьями сырая утренняя прохлада, двигаться было лег-

че. Солнечный зной никогда не проникал в эту глухомань, но воздух мало-помалу становился суше, и начал струиться под телогрейками липучий, растрavляющий кожу пот.

Никита, пригнувшись, догнал Владьку, сунул ему нож.

— Давай на мое место. Сменю Петьку — Петька на твое, потом ты меня сменишь...

Владька отдал ему дротик, взял лук.

Перебежав от куста к кусту, Никита сунул Петьке бутылку воды.

Преследуемые тоже сменились. Сменились, почти не останавливаясь. Проня взял мешки с провизией и пошел впереди, чернобородый закинул за спину тяжелый ящик.

Лишь первые километры движения на восток чуточку напоминали собой игру. Чем труднее было двигаться, не выпуская из виду вооруженных бандитов, и чем определеннее сказывалась усталость, путешественники становились все серьезнее, все молчаливее и осторожней.

Там, где Проня и чернобородый шли напрямик — через случайную поляну или болотце, преследователи вынуждены были где согнувшись, а где и ползком обходить открытые места; их путь поэтому был намного длиннее, чем путь бандитов. Спасало то, что грабителей отягощал железный ящик с сокровищем, два полных мешка провизии и ружья, тогда как у путешественников не было ничего, кроме двух полупустых котомок, луков и дротиков.

Стали чаще меняться местами. Пили из случайных лужиц на заболоченных участках тайги, отгоняя назойливых головастика и окуная в воду разгоряченные лица.

Опасность вплотную подступала к ним лишь один раз, когда, не замеченная в траве, чавкнула под ногой у Петьки торфяная жижа и он упал лицом вниз, на время теряя из виду чернобородого и Проню.

Бандиты остановились. Петька не видел этого, но сквозь махровые головки травы скоро заметил их близко от себя: возвратившись назад, они пристально вглядывались в окружающие деревья. Петька рассчитал, что еще три-четыре шага, и он вскочит, чтобы отдать свою жизнь подороже... Но бандиты не сделали этих шагов.

Несколько минут продолжалось тревожное безмолвие. Эти минуты показались друзьям вечностью. Опять успокоенные, бандиты зашагали дальше...

Когда человек человеку волк

Они шли весь день. Трудно сказать, сколько километров отделяло теперь путешественников от поляны, что у подножия Змеиной горы, сколько километров из них они пробирались ползком, сколько бежали, пригнувшись и утопая в болотной жиже...

Все невзгоды последних дней сказались, и если бы не совершенная необходимость двигаться дальше, Никита и Петька давно бы свалились в изнеможении.

Владька перенес меньше их, потому старался двигаться первым как можно дольше, но Владька хуже знал тайгу, не привык еще к ней, поэтому его валила не меньшая усталость, и менялись примерно через одинаковые промежутки времени.

Когда, сбросив на землю мешки, чернобородый остановился, а рядом с ним остановился, тяжело опустив на землю железный ящик, Проня, — друзья уже не верили в возможный отдых.

Петька и Владька подползли к Никите. Сели друг против друга и минут пять лихорадочно дышали через приоткрытые рты. Руки у всех дрожали. Тело казалось чужим, непослушным.

Потом Никита облизал губы, зачерпнул рукой из коричневой лужицы рядом с собой воды, смочив подбородок, набрал ее в рот и, сглотнув, почему-то виновато улыбнулся. Владька и Петька проделали то же самое.

Перед ними метров на сто в диаметре лежало болото. Тайга кольцом окружала его со всех сторон. И само болото напоминало кольцо, потому что в центре его лежал небольшой островок с одинокой высохшей сосной посредине, возле которой и уселись, побросав снаряжение, бандиты.

Петька огляделся. Справа далеко в глубь болота вклинивался поросший мхом и осокой холм.

Пока еще до конца не смирала усталость, поползли вокруг болота. А затем осторожно, сантиметр за сантиметром, по горло в затхлой воде выбрались на зеленый холм.

Петька двигался первым и, когда, раздвинув осоку, увидел бандитов, на мгновение даже забыл про усталость — так близко подобрались они к самому логову противника. Пнул ногой приближающегося Владьку. Тот понял и, осторожно подобравшись к нему, тоже замер на секунду. Лишь Никита поглядел сквозь осоку хладнокровно — так, будто он обещал Проне явиться в гости, и вот — «здравствуйте» — он здесь.

Низкое солнце едва пригревало. Появилась опасность остаться в мокрой одежде на ночь. Решили, что, пока один наблюдает, двое отползут назад, чтобы выжать свою одежду, насколько возможно. Тогда она просохнет быстрее... Все три отжатые телогрейки разложили в траве, и они стали ровно парить под слабым закатным солнцем.

Потом опять улеглись рядышком у самого края холма, заканчивавшегося крутым, метров около двух уступом.

Бандиты не решились жечь костер. Они запутывали следы и не хотели оставлять после себя никаких примет... Развязали мешки.

Друзья тоже чувствовали сосущий голод. Но пировать они не имели права. Владька достал полбуханки намокшего хлеба, разрезал на три части, и маленькими кусочками, не жуя, а высасывая хлеб, они стали ужинать... Потом Никита засек по какой-то одному ему видимой тени время и взял на себя дежурство, а Петька и Владька, уткнувшись в сомкнутые перед собой руки, заснули тут же, рядом с ним.

Бандиты вскрыли какие-то консервы, опять достали водку и долго ели в мрачном, холодном молчании... Разговор начался, когда опорожнилась и полетела в воду первая бутылка.

Чернобородый опять вспомнил о «змеенышах», которых надо было удавить и теперь чувствовать себя спокойно. Проня усмехнулся.

— Вы горожанин, господин Вандер... Это по-русски Иванов, что ли? Искать человека в тайге — искать иголку в стоге сена. Завтра мы отрежем эти патлы, — Проня показал на свои волосы, — и сможем пробираться ближе к дорогам.

Разговор принял критическое направление после того, как бандиты, опорожнив еще одну бутылку, опять попытались вскрыть ящик и опять не смогли. К этому

времени успел немного поспать Никита. Дежурил Владька.

— Будь он проклят, этот сундук! Не тащиться же с ним в город! — сказал чернобородый.

Проня сел на ящик, любовно погладил его ладонью.

— Достанем инструмент. Кто же знал, что он окажется таким! — И Проня размечтался: — Зачем тебе деньги? Кто привык жить на подаяние, тот всю жизнь может питаться подаянием. А я шел к этому зóлоту почти тридцать лет!

Чернобородый весь распрямылся, от злости у него даже волосы будто встали на голове.

— Дурак! Что толку с твоего хождения! Не будь меня, ты никогда не выбрался б из лагерей или тебя прикончили бы в самом начале!

— Я мог взять в напарники не тебя, — почти весело отозвался Проня. — Я мог любого купить за один-единственный червонец. Понимаешь: за червонец!.. За один! — уточнил Проня. — А не за половину того, что здесь есть!

Седые косматые брови Прони шевелились на ветру, и весь он казался дьяволом, вышедшим откуда-то из старых сказок о страшилищах. Чернобородый напрягся, и Владька заметил, как чуть потянулась его рука к ружью. Проня тоже чуть наклонился весь — к своему ружью.

Напряженно застыли оба, как бы стараясь определить, чья рука дотянется первой. Владька пнул ногой Петьку, потом Никиту. Они разом очнулись, и дальнейшее видели уже все трое.

— Будем так?.. — спросил, не сводя воспаленного взгляда с Прони, чернобородый. Проня хихикнул.

— Давай пить, что за глупости!.. Шуток не понимаешь!

И они медленно расслабились оба.

Чернобородый налил в кружку водки. Слышно было, как постукивает о дюралевую кромку стеклянное горлышко бутылки.

Чернобородый вылил в кружку ровно половину...

Проня взял кружку. Оба разом приложились к своей водке, вместе начали тянуть и каждый глоток делали вместе...

В их взглядах, какими они следили друг за другом, была глухая, беспредельная ненависть.

Друзья почувствовали, что должно что-то случиться, но не думали, что это случится сразу, так быстро и так неожиданно.

Бандиты одновременно допили водку, одновременно оторвали свои посудины от губ, стали одновременно опускать: Проня — кружку, а чернобородый — бутылку... И вот, когда уже казалось, что они одновременно поставят их на траву, — бутылка и кружка полетели в стороны. Коротким броском бандиты рванулись к ружьям. И в следующее мгновение все уже было кончено. Выстрелы раздались не одновременно. Первым успел спустить курок Проня. Он выстрелил в упор, с расстояния в три шага. Чернобородый, оседая, негромко и протяжно, с хрипом закричал, как кричит в предсмертных судорогах зверь:

— У-у-у!..

Его ружье выстрелило, ткнувшись стволом в землю. Ствол у дула разорвало. Проня выругался, схватившись за руку, потер: пустяки, царапина.

Ошеломленные, друзья видели, как чернобородый упал на землю.

Упал на спину и кричать перестал, но по глазам его, устремленным в небо, было видно, что он еще жив.

Проня пинком отбросил его ружье в сторону.

И вдруг затаившиеся наблюдатели услышали голос чернобородого:

— Я болван, что не пришел тебя раньше... — Лицо его на секунду перекосилось от боли. — Я хотел это сделать еще там, у горы... Мне не нужна половина... — с хрипом добавил он. — Я бы взял себе все!

Проня усмехнулся. С лица его давно исчезло придурковатое выражение. Глаза из-под седых косм глядели жестко, в упор.

— В любом случае я сделал бы это раньше. Мне тяжело было нести одному. Ты поспешил: я хотел дать тебе еще один день жизни.

— Этот день был бы твоим последним днем... — отозвался чернобородый. — Ты падаль... Падали незачем деньги... А я болван... — преодолевая боль, повторил чернобородый. — Я проснулся той ночью, чтобы кончить тебя... Эти змееныши спутали все мои карты... Я испугался козырных шестерок, когда надо было убирать туза...

Проня, усмехнувшись опять, уже не слушал его.

Проня удалился на край острова, прошел вдоль берега, остановился против небольшого водяного оконца во мшистых зарослях болота, сломал ивовый прут, опустил его в воду, дна не достал. Перекинул ружье за плечо, подошел к чернобородому и, схватив его за ноги, поволок к воде.

Чернобородый захрипел.

Никита не выдержал и рванулся вперед. Петька всем телом прижал его к земле. Владька, бледный как полотно, лежал, не двигаясь, губы его дрожали.

Проня подволок напарника к самому берегу, бросил, отвязал с пояса его патронташ, сходил подобрал испорченное ружье, взял веревку.

— Дай умереть!.. — страшно прохрипел чернобородый.

— Умрешь, умрешь... — не дрогнув ни одним мускулом лица, отвечал Проня, привязывая к его ногам ружье, набитый зарядами патронташ и большой, подобранный здесь же камень. Потом выпрямился, не обращая внимания на выпученные глаза раненого, перекрестил его и, наклонившись опять, начал сталкивать его грузом вперед в воду.

Трудно сказать, чем бы закончилось все это. Теперь, наверное, не выдержал бы Петька. Владька, зажмурившись, зарылся бледным лицом в землю. А Петька уже напрягся, чтобы вскочить. Но в это время чернобородый как-то неестественно, всем телом дернулся, над болотом разнеслось хриплое проклятье, и раненый бандит сник на глазах. Умер.

Проня помедлил минуту, глядя, как закрываются глаза чернобородого, и толчком ноги в плечо столкнул его в воду. Коротко плеснули круги. Вода еще некоторое время пузырилась в зеленом оконце, потом все кончилось... Проня перекрестил воду, перекрестил себя и возвратился к оставленному имуществу. Опустился на колени перед ящиком, стал гладить его крышку, бока, и из глаз его потекли слезы.

Потом Проня захохотал — захохотал весело, безбоязненно: кто услышит его, когда на десятки километров вокруг лишь болота, глухие, заваленные перепрелой хвоей балки и тайга, тайга, тайга... Выхватил из мешка новую бутылку, ударом в доньшко выбил пробку... Но пить не стал.

— Пайщик! — сам с собой разговаривал Проня. —

Вот и поделили! Кому что! Кесарю — кесарево, богу — божье! Деньги не делятся на двоих! Деньги любят одного хозяина!..

Валентина Сергеевна надевает брюки

Бабы выскакивали из домов и приникали к щелям в воротах: молодая учительница — такая обходительная, такая культурная — шла через всю деревню в мужичьих брюках!

Волосы повязаны косынкой, как и у всех деревенских женщин, кофта обыкновенная, тапочки на ногах, а вместо юбки — штаны...

— Господи помилуй!.. — сквозь щель пробормотала вослед ей бабка Алена. — Что ж это: столпотворение или еще что?

Ответить ей было некому.

А Валентина Сергеевна шла в кузницу, к дядьке косому Андрею.

Кузнец оглядел ее, одобрительно крикнул.

— Вот это так. Ежели командовать, так командовать по-мужски. Лазить лесом, так не задирать юбку, чтоб колоду перемахнуть.

Валентина Сергеевна немножко покраснела.

— Федька! — крикнул дядька косою Андрей. — Замыкай кузню! Коль ты был воякой — будь воякой! Нынче стратегиям и тактикам обучение проводить будем!

Федька взвалил на плечи палатку, дядька косою Андрей взял приготовленные заранее колья, Валентине Сергеевне дали концы новеньких, только что сплетенных веревок, и пошли в лес.

Разыскали просторную поляну, дядька косою Андрей сбросил на землю колья и принялся объяснять Валентине Сергеевне, как надо ставить палатку.

— Вот, значица, ежели ты командарм, приглядуешь место и командуешь... Как командуешь, Федька?

— Раз-з-збить палатку! — тут же придумал Федька новую для армии команду.

— Командуешь, значит, — продолжал дядька косою Андрей, — раз-з-збить палатку! А это загодя распределишь: там, к примеру, Федька хватает колья, я, к примеру, раскатываю эту палатку самую... Короче, всем — свое...

Втроем огромную палатку не вдруг поставишь.

Несколько раз она накрывала и «учителей» и ученицу-учительницу. Дядька косо́й Андрей, выбираясь из-под парусины, говорил:

— Так! Все правильно! Значица, не с тово угла потянули. Федька, где ты? Товарищ учительница, куда вы делись? Ага, вот она! — И помогал Валентине Сергеевне выкарабкаться из-под тяжелой парусины. — Палатку нам бог послал на эскадрон. Чи на дивизию, Федька?

— На роту, — уточнял Федька.

— Так вот, значит, палатку нам бог послал на роту, — опять начинал объяснять дядька косо́й Андрей. — Берем, словом, вон энтот кол, который лежит там, посредине. Федька, живо ставить!

Федька нырял под парусину и, воюя с навалившейся на него тяжестью, пробирался к центру.

— Так! — кричал дядька Андрей, когда центр палатки начинал медленно подниматься кверху. — Так!.. Хватай за энтот конец! — командовал он Валентине Сергеевне. — Тяни! Шибче тяни! Ногой упрись, командарм! Так! Федька, где ты? Товарищ учительница, на вас падает!

С полчаса просидел на краю поляны и куда-то исчез учитель физкультуры Леонид Трифонович, как его называли официально, или Ленька — как называли его ученики за глаза. Все его преподавание сводилось к тому, что зимой, например, он велел всем явиться с лыжами, уводил класс подальше от школы, говорил: «Ну, вы катайтесь пока, а я в контору — погреюсь...» Сначала это нравилось всем, потом надоело. И как только Ленька уходил, все разбегались: кто на холмы — прыгать с трамплина, девчонки — домой...

Когда Леониду Трифоновичу наскучило сидеть на краю поляны и он исчез, дядька косо́й Андрей засунул руки в карманы брюк и вразвалочку прошелся по поляне точно, как ходил физрук. Так что Валентина Сергеевна захохотала. А Федька, обхватив руками живот, даже свалился на брезент от восторга.

— Прекратить смехи! — скомандовал дядька косо́й Андрей, не ожидавший такого эффекта от своего случайного номера. — Федька! Подымай, значит, главный кол!..

Но поставить палатку удалось лишь после того, как появился на помощь проезжавший мимо Назар Власо-

вич. Он взял было командование на себя, и некоторое время они кричали оба: Назар Власович и дядька косо́й Андрей. Но дядька косо́й Андрей перекричал председателя, и старшинство осталось за ним.

Потом они втроем объясняли Валентине Сергеевне, как разжигать костер, как отличить роту от взвода, и Валентина Сергеевна за несколько часов приобрела кучу знаний, о которых и не помышляла раньше.

Противник теряет самообладание

Проня взвалил на одно плечо мешок с продуктами, на другое ящик и по пояс в воде перебрел кольцо болота. Путешественники уже ждали его в лесу.

Первые сто или двести метров Проня прошагал быстро. Но тяжесть груза явно давала о себе знать, и он побрел медленней, тяжело дыша, спотыкаясь о коряги, бормоча ругательства...

Друзья шли теперь вместе, буквально по пятам за ним. От одного всегда легче спрятаться, чем от двоих. Строили планы нападения. Но ружье висело за плечом у Прони, и выдавать себя было опасно.

Шли бесшумно, не сгибаясь: от дерева к дереву, от куста к кусту... Теперь, когда они имели преимущество перед Проней, усталость будто рукой сняло. Они ни на минуту не выпускали его из виду. Одежда почти высохла на разгоряченных телах. И тайга опять стала родной им: ее запах был первым запахом, который они вдохнули, родившись, в ней они выросли, и она заботливо укрывала их теперь: она скрадывала их шаги, она своим шорохом заглушала их взволнованное дыхание...

Теперь Никита и Петька поняли, как легко было следить за ними, когда они, ничего не подозревая, шли к Змеиной горе.

Километра через два Проня изнемог. Сел. Торопливо развязал мешок, выкинул из него буханку хлеба, две какие-то банки — выкинул все, что посчитал, видимо, лишним, и опять, нагрузившись, двинулся дальше.

Друзья не задержались, чтобы подобрать оставленные им продукты: они не забыли вида крови, предсмертного хрипа чернородого...

Наконец Проня изменил направление, пошел на юг.

Никита оставил на сосне три глубокие зарубины и даже вырезал стрелку — поворот на юг. Повторил те же знаки еще на одной сосне.

Потом догнал Петьку и Владьку.

Проня отшагал еще километра три. Когда низкое солнце уже едва пробивалось сквозь деревья, он остановился на небольшой в желтых лютиках лужайке, сбросил на землю мешки и ящик, повел руками, расправляя затекшие плечи.

Не оставляя ружья, быстренько собрал хворост вокруг, запалил костер... Потом, нимало не отдышавшись, достал уже распечатанную бутылку и прямо из горлышка опрокинул в себя сразу треть ее содержимого. Сморщившись, посидел не двигаясь. Потом набросился на еду. Выпил еще. Потом наломал веток для постели. Снял один сапог — из него вылилась вода. Выжал мокрую портянку, надел сапог. И принялся собирать хворост, чтобы высушиться. Но так как на лужайке хворосту не было, он с ружьем за спиной углубился в лес...

Владька с натянутым, готовым выстрелить луком остался дежурить, а Никита и Петька выползли прямо на лужайку и затаились в лютиках...

Владька командовал.

Когда Проня поднес и бросил у костра очередную охапку и опять набравился к лесу, Владька кивнул: «Давайте!» Никита и Петька ужами скользнули к костру. Ползать они умели. Долгие тренировки на болоте за Марковыми горами не пропали даром. Две минуты понадобилось им, чтобы, схватив за веревку, уволочь ящик с поляны, подхватив его, оттащить в глубь леса, прибросить охапками прелого валежника и вместе с Владькой отбежать на противоположный конец лужайки, где росли густые, разлапистые ели.

Возбужденные — и радостные, и встревоженные одновременно — затаились... Проня мог бы обойти любую из елей со всех сторон и не увидеть их. Для этого стоило лишь перемещаться, оставляя его все время на противоположной от себя стороне — за деревом... Впрочем, несколько минут спустя путешественникам пришлось безопасности ради отступить метров на пятьдесят глубже в тайгу.

Только потом, позже, они признают, что не имело смысла рисковать лишний раз, похищая ящик. Но ящик

был у Прони, им приходилось волноваться вдвойне.

Проня вышел на лужайку, бросил хворост и остановился, тупо соображая, что здесь произошло... Глянул вправо, влево от себя, повернулся кругом... Глаза его расширились в ужасе. Медленно поднимая голову и распрямляясь, он оглядывал поляну все дальше, дальше от себя... И вдруг застонал: протяжно, с тоской и ужасом.

Заметил след на траве. Кинулся с ружьем по этому следу. Через кусты. Упал. Вскочил на ноги.

— Где?! Где?! — закричал он. — Я убил тебя! Ты не можешь! Кто ты?!

Страшен был этот дикий крик. Мурашки пробежали по спинам путешественников, и они отступили от поляны.

— Я убил тебя! Слышишь?! Убил! Отдай! Слышишь?! Кто ты?! Отдай!..

Он пробежал далеко по направлению следа. Потом назад. Потом в другую сторону. Потом заметался вокруг поляны, крича и плача...

Он метался долго. Седые космы его развевались в движении, цеплялись за ветки. Он ничего не замечал, оставляя на колючей хвое клочья волос... Потом еще раз со всего маху упал, споткнувшись о корень, и вдруг сразу умолк. Будто пала на тайгу тишина. Страшно озираясь, привстал на коленях... Сумеречная вечерняя тайга окружала его. Безмолвие. Он попятился на коленях... С трудом поднялся на деревенеющих ногах... Прижал к себе ружье со взведенным курком и задом, задом выпятился на лужайку.

Это был уже не тот Проня, что собирал камни по деревьям; и не тот, что убил чернобородого: маленький, жалкий, сморщенный, — казалось, он еще больше поседел вдруг и сник весь, сжался на глазах. Лицо его искажал страх... Остановился посреди лужайки. Тихо тихо спросил:

— Кто здесь?.. — Помедлил. — Кто?.. — Закричал: — Выходи, я не боюсь тебя!..

Тайга безмолвствовала.

— Выходи, я говорю! — истерически взвизгнул Проня.

Голос его потонул в безмолвии.

Проня опустил ружье прикладом на землю. Обеими руками рванул на голове волосы и зарыдал.

Крупные, катились по его щекам слезы, плечи тряслись, он весь дергался и рвал, рвал свои волосы, бороду...

Потом оборвал пуговицы ватника, разодрал рубаху на груди...

И, опомнившись будто, сразу опять утих. Опять взял ружье и, жалкий и в то же время напряженный весь, огляделся вокруг.

Он ничего не понимал, но, кажется, догадался, что ящика ему не видать, и, веря и не веря в окружающее его безлюдье, решил, видимо, спасти последнее из того, что он еще мог спасти, — жизнь.

Судорожно ухватился за ворот телогрейки, чтобы застегнуться. Вспомнил, что пуговицы оборваны. Подхватил котомку с остатками продуктов, вскинул ее на плечо и, чуть слышно, однообразно подвывая, побежал — побежал что было сил, напрямую, через кусты, через кучи муравейников, через болотца, через гнилые балки...

Преследователи чувствовали, что близится развязка.

Ночная погоня

Проня остановился, когда ночь опустилась на тайгу, окутала ее вязкой, непроглядной гущиной. Хриплое дыхание его то и дело срывалось, вызывая приступы глухого удушливого кашля.

Остановился на поляне. Сел. С таким остервенением утер лоб и щеки, что казалось, хотел снять ладонью кожу с лица.

— Кр-р... Кр-р... — негромко прокричал Петька.

Проня вскочил на ноги и, задыхаясь, быстро-быстро огляделся по сторонам. Потом застыл, вглядываясь в темноту.

Ни шороха, ни звука в тайге. Безмолвие.

— Кто?.. — тихо спросил Проня.

И как недавно Никита с Петькой, он не решился остаться один на один с квакающей по-лягушачьи темнотой. Выждав еще секунду, Проня бросился собирать хворост.

Лучше было бы не давать противнику передышки, но у друзей подкашивались от усталости ноги. Энергия их опять иссякла.

Петька знаками приказал отойти назад, в небольшую ложбинку, нырнул под пихту.

— Не уйдет! — сказал Петька. — Спим! Он побойтся теперь. Два часа спим. Кто проснется — будить...

Первым проснулся Никита. Они лежали рядышком, на правом боку, подложив под себя одну из телогреек и укрывшись двумя. Грели спины друг другу. Спина почему-то всегда больше мерзнет, чем живот, например, или бока. Но так как Никита лежал с краю — его спину было некому греть. Он проснулся и разбудил остальных.

— Надо было раньше... — сказал Петька, с трудом расправляя оцепеневшие суставы.

Никита согласно кивнул в темноте.

Слышалось ровное потрескивание костра.

Это потрескивание как бы чуточку обогрело всех.

— Нежится, собака... — выругался Петька. И, превозмогая остатки усталости, они друг за другом двинулись по направлению к поляне.

На двух колышках сушились портянки. Проня в сапогах сидел у огня и, опустив голову, спал. Ружье стояло между его колен. И выкрасть его не было никакой возможности.

— Зайду с той стороны! — сказал Петька, исчезая в темноте.

Никита хотел утащить Пронин мешок с провизией: без еды далеко не уйдет... Предательски треснул сук задетого им сушняка.

Проня вскочил, распрямившись как пружина, и не пришлось бы Никите сделать больше ни одного шага по земле, если бы Петька с противоположного края поляны не заорал во все горло:

— Квр-р!.. Квр-р!..

Проня круто развернулся и выпалил в темноту первый заряд. Петька предугадал это, спрятавшись за сосной.

Владька отбежал в сторону от Никиты и закричал:

— Ух-х! Ух-х! Ух-х!..

Второй выстрел на мгновение разорвал ночь. Проня машинально перезарядил ружье, кинулся в сторону Владьки.

Его ударила между лопаток выпущенная Никитой стрела, он развернулся и выстрелил в сторону Никиты.

Лес наполнился криками.

Перемещаясь от дерева к дереву, путешественники увлеклись переключкой, каждым новым восклицанием

как бы извещая друг друга, что все живы, все в порядке. Освещенный пламенем костра Проня метался по поляне из конца в конец, раз за разом перезаряжая двустволку и расстреливая кричащую темноту.

Никита опять спустил тетиву. Вторая стрела пролетела над самым ухом бандита. Он схватился за патронташ и вдруг застыл, будто разом избавился ото всех своих страхов: то ли понял наконец, что имеет дело с безоружными, то ли расстрелял уже все заряды...

Впрочем, нет, он не избавился от страха, как убедились путешественники в следующую секунду. Наоборот: похоже, теперь-то он и одурел по-настоящему. Зарядив оба ствола, он не бросился на крик Никиты, откуда прилетела стрела, а с искаженным ненавистью лицом, позабыв о продуктах, ринулся в сторону Петьки.

Тот едва успел отшагнуть за соседнее дерево.

Проня пролетел мимо него, ломая кусты.

Петька размахнулся изо всей силы и бросил в его спину дротик. (Жаль, дядька Николай Павлович не заострил наконечник как следует...) Проня вскрикнул от ярости и на полуобороте выпалил из одного ствола.

Как ни вовремя укрывался Петька за деревьями, утром он все же найдет две застрявшие в его ватнике дробины.

Проня не остановился. Натыкаясь на деревья и проклиная кого-то, Проня бежал дальше.

Петька выскочил на отвоеванную поляну.

— Не затушил, фашист... — деловито заметил Никита, поливая костер водой из Прониной фляжки.

— Вы гасите, а я за ним! Буду кричать! — предупредил Петька, снова ныряя в темноту леса.

Никита и Владька попробовали гасить костер водой, но от этого он разгорался еще ярче. Притоптали его ногами.

Владьке не терпелось в погоню. Никита разъяснил ему, что огонь, когда он враг, — это тот же Проня: зверя губит, человека губит, хлеба горят... Надо, чтоб огонь был другом, а не врагом.

Петьку нагнали минут через двадцать. Нагнали без труда, так как он не переставал «квакать», ступая почти нога в ногу с Проней.

А Проня уже не мог бежать в кромешной темноте. Пробирался на ощупь. И косматая его голова белела между кустами.

Когда Никита и Владька догнали Петьку, он перестал «квакать».

Преследовать ломившегося напропалую бандита было нетрудно. Опять решили затаиться: ведь Прониных зарядов они не считали... И стало даже чуточку стыдно друг перед другом за ребячество около поляны. Хорошо, что обошлось, а если бы хоть одна дробинка достигла цели?..

Посерьезнели.

Дротик свой Петька подобрал. Уже дважды он бросал его в Проню, а все без толку...

Услышали, как хлюпает под ногами Прони болотная жижа. Взяли чуть левее. И тут Никите пришла в голову очередная идея. Мгновенно привели ее в исполнение.

Спрятавшись на всякий случай за ближайшей пихтой, Никита завопил страшно, на весь лес, Петька отозвался ему точно таким же испуганным воплем, а Владька, опустив обе ноги в воду, забултыхал ими что было сил. Потом увлекся, засунул голову и оглушительно забулькал. Вопль стих. Слышалось одно бульканье. Потом опять всплеск. Еще один протяжный, захлебывающийся крик. Всплеск... И на тайгу упало безмолвие.

Когда они бесшумно обогнули болото, Проня стоял на берегу и жадно вглядывался назад.

Дальнейшее путешественники поняли не сразу.

Проня кинулся в воду, пересек болото в обратном направлении, пробежал по берегу взад-вперед. Опустился на колени, обшарил каждый кустик... Лишь когда забрезжил на востоке рассвет, он отчаялся. С ружьем, поднятым над головой, опять перебрел болото и опять пошел напролом через тайгу.

Конец Прони

К рассвету Проня уже не шел, а тащился, медленно, тяжело волоча ноги. Но иногда вздрагивал и, подгоняемый страхом, ускорял шаг.

Взошло солнце, поднялось над тайгой, а Проня все углублялся и углублялся в лесные дебри, на юг.

Сил у него давно не было. Путешественники видели, как сорвал он шляпку боровика и попробовал жевать на ходу. Сплюнул. Но мимоходом подобрал еще несколько грибов и сунул их за пазуху.

Путешественники вынуждены были остановиться, когда лес вдруг расступился перед ними. Проня вышел на широкую светлую поляну в голубых и желтых цветах. На середине огляделся. Сумасшедшие глаза его горели злобой и страхом: бандит верил и не верил, что ушел от погони. Долго всматривался в тайгу, ничего подозрительного не заметил. Быстро собрал валежник для костра, разжег его рядом со старым березовым пнем, на длинной хворостине подвесил над огнем грибы и сел на пенек, положив двустволку рядом с собой.

Друзья, рассредоточившись около поляны, наблюдали из-за деревьев.

Петька уже заскучал от безделья, когда чья-то тяжелая рука легла ему на плечо и властный голос негромко скомандовал:

— Руки вверх!

Петька от неожиданности присел.

Улыбаясь, за его спиной стоял тот самый лейтенант милиции, что однажды поймал его с Никитой на Туре.

Лейтенант приподнял Петьку.

— Здравствуй! — Протянул ему руку. Петька хотел было сунуть ему свою, потом выпрямился по стойке смирно, доложил: — Мы не сбежали, товарищ лейтенант, мы преследуем.

— Вижу, разведчики, с задачей справились.

Откуда-то со стороны Никиты выскочил Мишка.

— Мы за вами едва успевали! — сразу затараторил Мишка. — Товарищ лейтенант говорит: ну жмут ребята, ну жмут! Молодцы, говорит, они загонят Проню! А метки вы оставляли — прямо за сто метров видно!

— А Проня один, — с опозданием сказал Петька.

— Знаем... — внимательно наблюдая за поляной, ответил лейтенант.

Мишка восторженно объяснил:

— Они все знают! Прямо идут за вами, читают. Здесь, говорят, отдышали, здесь о чем-то советовались, а здесь мы опоздали, чернобородого надо вылавливать...

— А ящик мы спрятали? — спросил Петька.

— Какой ящик? — удивился лейтенант. — Ящика мы не видали.

Мишка ухмыльнулся, подмигнул Петьке.

— Шутят! Видали ящик. Оставили там.

Лейтенант взял их за плечи, прерывая болтовню,

поставил перед собой лицом к поляне и рук с плеч не убрал.

— Ящик — это ваша находка, — сказал лейтенант. — Мы без вас не имели права трогать.

— Почему наша? — обиделся Петька. — Всех.

— Ну, всех так всех. А ваша все же в первую очередь, — согласился лейтенант и чуть притиснул их друг к другу, как бы предупреждая: «Тихо...»

Костер горел неважно. Проня подбросил охапку хвороста и, опустившись на колени, стал дуть в огонь.

Из кустов за его спиной шагнул на поляну знакомый Петьке гигант старшина, спокойно, бесшумно прошагал до пня, спокойно сел на него рядом с ружьем и полез в карман за папиросами.

Петька даже рот разинул. Только Мишке, который, видимо, уже считал себя знатоком милицейской службы, не терпелось тут же разъяснить Петьке что-то, и лейтенанту приходилось все время крепко держать его за плечо, чтоб не вертелся.

Можно представить себе, каково было при этом изумление Прони, когда он, оглянувшись, увидел старшину. Нет, он сразу даже не поверил себе. Он глянул и, сидя на корточках, стал спокойно протирать слезящиеся от дыма глаза, потом глянул еще раз, потом еще...

Старшина не нашел спичек в кармане и, наклонившись, взял из-под ног у Прони тлеющую ветку. Прикурил.

Лицо Прони перекошил ужас. Он вскочил и прыжком через костер рванулся бежать. Но в том направлении, куда бросился он и откуда должен был наблюдать Никита, у самой опушки поляны «от нечего делать» что-то разглядывал в лютиках еще один милиционер.

Проня рванулся в новую сторону.

Навстречу ему, о чем-то переговариваясь между собой, вышли Владька и младший сержант милиции. Тогда, остановившись в нескольких шагах от костра и закатив глаза, Проня страшно закричал на весь лес:

— В-ва!.. В-ва!.. В-ва!.. Ув-ва!..

— Все в порядке, мальчики. Идемте, — подтолкнул лейтенант Мишку и Петьку. Они вышли на поляну. Лейтенант направил их к старшине, а сам пошел к Проне.

— А-а! — сказал старшина. — Беглецы! Ну, теперь я вас через всю деревню проведу! Верно, Миш?

— Верно! — по-свойски отозвался Мишка.

Старшина встал, сгреб их в охапку и легонько подбросил на руках.

Мишка и Петька разом заголосили: немножко обидно, когда тебя швыряют, словно ты пушинка.

А лейтенант остановился лицом к лицу с Проней и молча наблюдал, как тот орет, раздирая на себе одежду. Когда Проня выдохся, лейтенант спросил:

— Все? — и коротко приказал: — Кончайте комедию. Сумасшедшим вы уже были. — Кивнул на костер: — Марш.

Проня поколебался еще какую-то секунду, потом сник на глазах и молча побрел к костру.

Никита и Владька были уже здесь.

— Эге, ребята! На кого вы похожи! — неожиданно воскликнул старшина и захохотал.

Никита, Петька и Владька огляделись и даже чуть-чуть растерялись, только теперь заметив, что ни на одежде, ни на лицах у них не осталось чистого пятнышка. Все с ног до головы в земле, в пересохшей болотной тине, в царапинах.

— Нич-чего! — утешил старшина, заметив уныние на лицах друзей. — Подчистимся! Матерей не напугаем!

— А вы тогда поймали, кто хотел кассира убить? — спохватился Никита.

Старшина сразу посерьезнел. А лейтенант кивнул на Проню:

— Вот он, перед вами, ребята.

Путешественники уставились на мнимого сумасшедшего. Сколько же зверств может натворить один такой вот человек?.. А Проня сразу всполошился. От безумия его и следа не осталось.

— Это не я! Это тот! Я тут ни при чем!

— Ладно! — остановил его лейтенант. — Будем считать пока, что одним убийством на вашем счету меньше. — И оглянулся. — Все собрались?

— Так точно, товарищ лейтенант! — доложил старшина, глянув на подошедших к путешественникам сержанта и еще двух милиционеров.

— Пойдемте напрямик, ребята, — лейтенант указал

на лес. — Там нас машина поджидает. А за ящиком отправим старшину. Доверяете?

Редко красневший Петька покраснел так, что это было заметно сквозь грязь.

Лейтенант рассмеялся.

— Я ручаюсь за него! Ему можно доверить. Вы будете ходить долго, а старшина у нас по семь километров в секунду делает.

И, подмигнув путешественникам, старшина с одним из милиционеров зашагал в тайгу.

Последний барин

Машина стояла на просеке...

Как это хорошо, оказывается: идти спокойно, весело переговариваясь, зная, что больше никто тебе не угрожает и никого не надо задерживать! Светит солнце над головой. Поет на разные голоса тайга... Тайга — друг, тайга — помощник, тайга — родина. И свежий, душистый воздух переполняет легкие.

Телогрейки путешественники сняли, шли, перекинув их через плечо.

Милицейский шофер сидел под березой и, как это делают девчонки, обрывал по лепестку цветок ромашки.

Рядом с машиной стоял майор. Лейтенант, приближаясь к нему, перешел на строевой шаг, вскинул руку.

— Задание выполнено, товарищ майор. Преступник задержан.

Майор пожал ему руку, потом, веселый, улыбающийся, сделал шаг в сторону путешественников.

— Благодарю, орлы, и поздравляю! С задачей справились.

Ближе всех к нему стоял Мишка, поэтому он Мишке первому протянул руку. А бывший дезертир Мишка успел подучиться у милиционеров и, пожимая протянутую ему руку, заорал на весь лес:

— Служу Советскому Союзу!

Остальные переняли у Мишки эту фразу, и каждый, отвечая на рукопожатие, прокричал: «Служу Советскому Союзу!» Майор снова улыбнулся и вовсе уж не официально, а как-то по-домашнему повторил:

— Молодцы, ребята... — И оглянулся на Проню. — Видели, кто обрубил вам руки?.. С таким вот оружием

не побоялись вас! — Взяв у Петьки дротик, майор показал его Проне.

Тот шевельнул набрякшими желваками.

— Нервничает... — обронил Никита, поскольку глаза его в это время остановились на Прониной скуле. Майор усмехнулся.

— Еще бы. Причин много... — И, сдвинув брови, опять обернулся к Проне: — Не так ли, герр Менке?

— Я не Менке! — быстро отозвался Проня.

— Ну, скажем... мсье Виллард.

— Я не знаю такого! — рванулся Проня.

— Скажем еще точнее! — жестко остановил его майор. — Господин Сопляков!

Путешественники как стояли, так и оцепенели.

Перед ними был живой — не сказочный, а из мяса и костей — барин! Проня, что плясал на белоглинских улицах, был барином!

Первым захохотал Петька. Потом остальные.

— Барин!

— Он самый... — подтвердил майор. — Бывший, к счастью. Да только он не хочет согласиться с этим.

Проня весь трясся от злобы.

— А Владька в его доме живет! — сказал Мишка.

— Поганый дом! — отозвался Владька. — Клетушки, кладовушки!

— Время, хлопцы, — остановил их майор. — Будем надеяться, что это последний барин, которого довелось вам увидеть, — рассеянно проговорил он и объяснил Проне: — Это внуки ваших крестьян. Небось помните: Ложковы, Савостины... Были у вас? Ну, то-то. Едем, хлопцы. Подберем старшину с вашим сокровищем. И — в Свердловск. За родителей не беспокойтесь. Родителям уже сообщили...

Гостиница

После того как они рассказали о своих странствиях, их отвели в гостиницу. Гостиница походила на сказочный дворец: огромные сияющие электрическим светом люстры, телефоны, радио. Ходить бы и ходить взад-вперед по мягким, будто мох в тайге, коврам!

Но ходить им не пришлось. Им выделили целый номер с четырьмя застланными красивыми покрывалами койками, каждому полотенце, каждому две подушки,

каждому тумбочка, два огромных шкафа на четверых, тут же душ: хочешь — холодная вода, хочешь — горячая, а на столе телефон.

Петька снял трубку, боязливо послушал гудок и положил ее назад.

Владька уже видел телефон раньше, хотел показать, как им пользуются, но не придумал, куда позвонить, и тоже оставил трубку.

Мишка сказал женщине в белом как снег переднике, что они лягут на двух кроватях: им не надо на каждого, но женщина засмеялась и велела занимать все четыре.

Ходить по коврам им не пришлось потому, что сразу отняли одежду. Всю, до трусов. Хотели отнять и трусы, но путешественники воспротивились. Поклялись, что сами выстирают их. Тогда женщина в переднике принесла им мочалки, велела залезть под душ и то и дело наведывалась потом.

— Так, так! Спины трите, спины!—командовала она сквозь щель чуточку приоткрытой двери.—Говорят, вы убийцу поймали, мальчики?.. Расскажете потом?

— Ладно... — обещал Петька.

Под душем они полоскались больше часу, потом во влажных трусах сыграли в домино. Потом им привезли на столе с колесами ужин. Путешественники с изумлением оглядывали множество тарелочек, ложечек, вилок. Сахар — в отдельных блюдечках, в четырех! Варенье — в отдельных, тоже в четырех! (Как будто можно передрасться из-за варенья.) По две тоненькие колбаски на особых тарелочках — каждому, суп с курицей — каждому, чай в стаканах с серебряными подстаканниками — отдельно каждому, яичница на четырех маленьких сковородочках — каждому. И не дают тебе подумать: что сначала, что потом. Знай ешь только что подставляют...

Трусы к этому времени высохли, и, забравшись под мягкие одеяла сказочной гостиницы, путешественники заснули сном сказочных богатырей. Хоть из пушки по ним стреляй, хоть огнем их жги — ничего не услышат.

Тени прошлого

Пушками их нельзя было разбудить, но разбудил своим громовым голосом старшина:

— Подъем! Подъем! Подъем! — повторял он, раскачивая между кроватями, и один за другим путешественники стали высовываться из-под одеял.

За окном сияло яркое солнце.

— Целые сутки проспали! Как не стыдно! — загрохотал старшина. — Подъем!

Друзья увидели на стульях рядом с каждой кроватью свою одежду. Впрочем, своей ее трудно было назвать. Только по отдельным признакам путешественники узнавали ее.

Рубашки были выстираны и выглажены, брюки тоже, телогрейки тоже. Откуда-то появились отсутствовавшие пуговицы. Все дыры были заштопаны так, что и не разглядишь, с какой стороны дыра, а с какой нет ее. Ботинки отремонтированы и начищены до блеска.

— Вы же гости у нас! — объяснил старшина. — За гостями положено ухаживать. Завтракайте и — за мной!

— Да мы же вчера наелись! — сказал Никита.

— Ну! — изумился старшина. — А я вот, чудак, каждый день ем, да еще по три раза!

Путешественники оделись, и опять на столе с колесиками привезли им множество разных тарелочек.

Потом ездили в легковой машине по городу, и старшина объяснял, где какое учреждение, где что.

Потом остановил машину у высокого серого здания. Милиционер у входа, не спрашивая, кто они, отдал им честь.

Старшина провел их на второй этаж, в комнату, где стояли два стола буквой «Г»: один длинный под зеленым сукном, другой короткий без сукна. Старшина усадил их за длинный стол и ушел.

Минут через пять в дверях появился вчерашний майор.

Путешественники встали.

— Садитесь, — сказал майор и сел за короткий стол. — Поскольку хлопцы вы любознательные, — начал он, — и поскольку многое еще в распутанной вами истории осталось неясным для вас, я попробую дополнить ваши знания. Они пригодятся вам... Вот, посмотрите...

Он передал путешественникам несколько фотографий.

— Это тот, кого вы называли Проней...

На одной из фотографий Проню было еще не узнать: молодой, на коне, с плеткой в руках.

— Это его барская бытность, — пояснил майор. На другой фотографии Проня в рваном пальто, худой, небритый. — Это он в Германии, в эмиграции, безработный... — На следующем снимке Проня в костюме с широкими лампасами, как у деда, что стоял в дверях гостиницы. Майор подтвердил: — Это ваш Проня во Франции, в кабаке, швейцар... — Потом была фотография Прони в немецкой форме. — Возвратился в Германию, выказал желание воевать против большевиков.

И недавняя фотография — Проня седой, косматый. — Майор показал им также фотографии чернородого.

— Это люди, которые предали не одну, а по три родины... — сказал майор и объяснил друзьям, как можно сотворить такое.

Первой сопляковский барин предал Россию, когда бежал от революции в Германию. Через год — во Францию. Принял французское гражданство. Но его все время тянуло в Россию. Не сама Россия, а те сокровища, что остались в Змеиной пещере. И едва в срок первом году немцы оккупировали Францию, Проня, чтобы войти к ним в доверие, выдал несколько французов — участников Соппротивления.

Немцам понравился предатель. Его посылают бургомистром в небольшой городок под Смоленском. Когда наши перешли в наступление, он не бежал с немцами, предпочел сдаться советским органам, конечно, под чужим именем: ему нужно остаться в России... Вскоре после войны Проня знакомится в лагере для заключенных с матерым бандитом — чернородым... и с его помощью бежит из лагеря...

Потом майор рассказал им об истории самих сокровищ.

— Засулинский барин — француз — вплоть до семнадцатого года жил в Москве. После Февральской революции он срочно выезжает в свое имение якобы для того, чтобы переждать беспорядки. Но как раз в это время из разных музеев Москвы и Петрограда, а в основном из частных коллекций пропадают очень ценные произведения искусства. Ясно, что действовала очень опытная и большая шайка. Был ли француз ее руководителем или рядовым участником — неизвестно.

Во всяком случае, похищенные ценности общей суммой на миллионы рублей оказываются у него.

Он спрятался на Урале от каких-то там сообщников или конкурентов, но ему не удалось спрятаться от революции. И он решает на время скрыть свои драгоценности в Черной, или, как называют ее в деревнях, Змеиной, пещере, надеясь при этом, что кто ни победит — ценности будут ждать его хоть сто лет. Прячет он их довольно основательно. Наткнуться на них случайно, по существу, невозможно...

Однако слух о том, что француз явился на Урал богачом, ползет следом за засулинским баринком. Скорее всего, от его обманутых сообщников... Той самой ночью, когда француз решает уходить из деревни от приближающихся отрядов Красной Армии, к нему в имение врывается гуменский барин-полковник со своим сыном. Чтобы выведать у француза, где деньги — а они были уверены, что француз имеет именно деньги, золото, — полковник со своим сынком идут на крайние меры. Француз не выдерживает истязаний и перед смертью открывает им тайну книги, которую все называют «библией», а на самом деле — это сочинения на религиозные темы...

Полковник завладевает книгой. Но ни сам он, ни его беспутный сынок не знают французского языка. Им известно только, что дорога к золоту лежит через страны 160 и 283, но так называемая «библия» молчит для них. А разрывы снарядов уже слышны где-то за горизонтом, и крестьяне о чем-то шумят на сходках. Полковник просит свою дочь, зная, что ей ничто не угрожает, сберечь для него «библию». Девушка эта отличалась от своих родственников: часто помогала бедным, добровольно обучала крестьян грамоте, снабжала их лекарствами, за это ее уважали. Как раз от крестьян-то она и услышала о ночном убийстве в Засулях. Сопоставив простейшие факты, она в ужасе принимает мышьяк. Крестьяне тем временем уже окружают барскую усадьбу. Полковник взбешен, однако находит выход, чтобы спасти себя и «библию». Он появляется перед крестьянами на крыльце, становится на колени и со слезами на глазах просит дать ему возможность похоронить дочь, которая отравилась якобы из страха перед восставшими. Крестьяне чувствуют себя виноватыми и разрешают похоронить ее...

Полковник вместе с сыном копают ей могилу. Под видом того, что церковь запрещала хоронить самоубийц на общем кладбище, они копают ей могилу в лесу. Деревенский кузнец в знак последнего уважения к погибшей вытесывает на камне: «Здесь покоится...»

Поздно вечером полковник с сыном везут самоубийцу в лес. Но тело ее они, видимо, бросают в реку, а «хоронят» ящики, которые готовились до этого для вещей. Чтобы никто случайно наткнувшийся на них не обратил внимания на «библию», они четыре ящика набивают книгами...

У полковника есть все основания бояться встречи с Красной Армией: он командовал казаками при разгроме стачек на заводах Урала. Полковник бежит вместе с сыном в Сопляковку, чтобы спрятаться где-нибудь на время волнений, которые, они полагают, рано или поздно кончатся. Сопляков принимает их. Но белоглинские мужики тоже берутся за вилы. Полковник обещает Соплякову большие деньги, если тот поможет ему. Сопляков на такой случай приготовил для себя землянку в тайге. Судьба лакея, помогавшего ему при этом, неизвестна... Но деньги, которые обещает ему полковник, наводят Соплякова на подозрение. Узнав о таинственной гибели француза, он в открытую требует от полковника равного дележа его богатств после того, как Красная Армия будет разбита.

Полковнику деваться некуда — он соглашается.

Сопляков берет их в свою землянку. Но возможность разбогатеть не дает ему покоя. И, как пайщик, он требует от полковника рассказать ему все до конца.

Полковник в страхе перед близящейся канонадой куском угля рисует Соплякову хитрую схему, которая внешне как будто соответствует истинному местоположению мнимой могилы, но в то же время благодаря изгибу Мусейки приводит в совершенно иную точку тайги. Однако страницы «библии» он называет точно: если им придется искать вместе — согласно их подлинному чертежу — они не обманули Соплякова... А безрадостные новости из округа заставляют полковника на всякий случай — для памяти — нарисовать на манжете сына истинные координаты могилы и номера страниц: он уже подумывает о побеге за границу и о многолетней эмиграции. Полковник предусмотрел все, кроме одного...

Едва на столе появилась долгожданная схема, Проня двумя выстрелами из браунинга убивает «гостей». Но тут им овладевает страх, что полковник мог обмануть его. Берегом Туры Сопляков пробирается до Мусейки, находит каменную глыбу — единственно верный ориентир, который назвал ему полковник, искать саму могилу Соплякову некогда, и он вливается в ряды белогвардейцев, чтобы с ними прийти к заветной цели.

— Дальнейшее я вам рассказывал, — заключил майор. — В лагерях Сопляков знакомится с чернобородым, история чьих преступлений примерно такова же. Как опытный бандит он может оказать Соплякову неоценимые услуги при побеге и в дальнейшем... Остальное вы знаете без меня.

Вы видели, как много речушек сейчас в районе Савеловки? А тридцать лет назад, когда Чертово болото простиралось на сотни километров по тайге, речушек этих было в три раза больше. И каждая деревня называла каждую из них по-своему. Вот почему исчезновение мраморной глыбы в местах, где и без того все неузнаваемо изменилось, поставило бандитов в столь трудное положение. Исчезла не только глыба — исчезла сама Мусейка! Сопляков решает начать розыски от землянки, чтобы доказать чернобородому правдивость своих сведений. Здесь-то вы и подслушали их разговор. И сначала вы шли по следам железного ящика отдельно, потом, когда «библия» оказалась в ваших руках, Сопляков и чернобородый решили дать вам возможность найти его, а потом отнять, верно полагая, что «библию» вы добровольно не отдадите. А узнали они об этом вот как: они видели вас у землянки, потом видели следы ваших разрушений в землянке, потом видели в районе Савеловки... И хотя сразу не придали этому большого значения, потом догадались, что «библию» с Прокопкиного сеновала изъяли вы.

Кстати, — сказал майор, — бывшая жена Прокопки работает сейчас бухгалтером колхоза, передает вам большой привет. Саша-пасечник, по вашему письму, встречался с ней и помог во многом. Приглашают вас в гости.

Друзья зашевелились на стульях, поблагодарили майора.

— Степень виновности Прокопки во всех последних событиях еще не установлена. Но Прокопка оказался

именно тем человеком, которого выбрал Сопляков, чтобы откровенно расспросить об исчезнувшей речке. Как говорят, свой свояка видит издалека. Однако, едва Сопляков попросил у него одну из найденных книг, Прокопка догадался, что это неспроста, что чужой, незнакомый человек пустяковую книгу не станет клянчить при тайных встречах. Прокопка затребовал у Соплякова деньги. Денег у бандитов не было. Сопляков обещал отдать их потом, обещал много. Но чем больше денег обещал он потом, тем больше их требовал Прокопка сейчас, сразу. Вот почему бандиты и решили напасть на кассира. Когда же деньги появились у них, оказалось, что искомая книга исчезла. Именно после этого Сопляков и обратил серьезное внимание на вас. А Прокопка, взбешенный, что деньги уплывают от него, кинулся на жену. Она закрылась от него в комнате, сказала оттуда: «Да, это я брала твои книги. И раздала их!» Прокопка выломал дверь, но она успела выскочить через окно и побежала к Саше-пасечнику, с которым вы ее заочно познакомили.

Вот и вся история, — сказал майор. — Распутать ее помогли вы. Спасибо. Одним преступником стало меньше на земле. И края наши оттого чище стали...

Друзья притихли. Показалось, что действительно чище стало вокруг: и в небе за окном, и на улице, и дальше за городом, за тайгой.. теперь, когда уже не топчет землю своими грязными ногами, не оскверняет глухую таежную тропу косматый барин-бандит Проня.

Майор нажал на кнопку возле стола.

Вошел дежурный милиционер. За ним старшина.

— Итак, друзья, захватим вашу находку, — сказал майор, — мы же без вас не открывали ее, и отправимся к специалистам. Нас уже ждут.

Сокровища Змеиной пещеры

Ящик поставили посредине комнаты, куда через большое окно падали лучи солнца. Заведующая музеем, невысокая пожилая женщина, в кабинет которой привели путешественников милиционеры, поглядела на всех, как бы спрашивая разрешения, можно ли начинать, и кивнула рабочему со связкой отверток, замысловатых ключей и сверл в руке.

Все затаили дыхание. Слышно было только, как по-

звякивают ключи в связке... Рабочий склонился над ящиком и несколько минут ковырял в отверстии замка то одним инструментом, то другим... Что-то звякнуло в замке. Рабочий выпрямился.

— Готово.

Женщина опять кивнула.

Рабочий маленьким блестящим ломиком поддел крышку ящика, и она со скрипом, медленно подалась вверх. Еще усилие — и рабочий поднял ее.

Содержимое ящика скрывал от глаз присутствующих черный просмоленный брезент.

— Будем все свидетелями, товарищи, — сказала заведующая. — Нина! — обратилась она к женщине за столом. — Пишите. — Женщина макнула перо в чернильницу. Заведующая подняла брезент.

Путешественников на секунду ослепило сияние, брызнувшее из-под брезента лучами отраженного солнца.

Это было золото. Но не монеты, не слитки.

— Амазонка из коллекции Шереметева, — сообщила заведующая, двумя пальцами вынимая из ящика одну из золотых фигур, — сообщила так спокойно, будто бы это она сама недавно уложила все в ящик, а теперь опять выкладывает из него. Нина быстро-быстро застрочила по бумаге. — Солонка, приписываемая Бенвенуто Челлини... — тем же ровным голосом продолжала заведующая. — Ермак, слоновая кость, работы неизвестного мастера, из фондов Эрмитажа... Головка Венеры работы античных мастеров...

— Простите, мы должны на время отлучиться, — сказал майор.

— Пожалуйста, товарищи, — сказала заведующая. — Только оставьте нам ваших героев часа на полтора.

Майор кивнул.

— Через час мы подъедем за ними.

Старшина, выходя за дверь, подмигнул Петьке.

Заведующая

Они остались впятером в окружении расставленных по столам сокровищ Змеиной пещеры: Петька, Никита, Мишка, Владька и заведующая. Нина ушла, закончив перепись.

После того как заведующая рассказала путешественникам об истории каждой из найденных ими картин и фигурок (а на дне ящика помимо золотых и костяных фигурок оказались еще картины), рассказала о многих годах, в течение которых различные музеи страны разыскивали исчезнувшие произведения искусства, она спросила:

— Ну, признайтесь, о чем вы мечтали, когда искали сокровища? А?..

Путешественники растерянно заморгали глазами. Петька вспомнил, как он мечтал подвезти на телеге десять мешков к сберкассе: «Министру школьного образования... и на асфальт для Белой Глины».

Заведующая улыбнулась.

— Вы мечтали, конечно, побывать в Артеке! Съездить в Москву! Приобрести хорошие игры! Так? — Она засмеялась. — Государство вам очень благодарно, и все это будет у вас! А теперь посмотрите как следует ваши сокровища. Для любителя искусства счастье одним глазком глянуть на эти картины. Видите: вот это Рафаэль — величайший итальянский художник!

Заведующая встала, как бы разрешая путешественникам чувствовать себя свободными. Все кинулись рассматривать величайшего итальянского художника.

А Петька вспомнил вдруг, о чем он мечтал. И, напустив на себя таинственный вид, отозвал заведующую в сторону.

Сказал шепотом:

— Вы знаете, о чем я мечтал. Не надо мне игр. И Артек — это ладно... Я матери хотел шаль пуховую подарить! Знаете, есть такие теплые, прям как...

И замолчал с приоткрытым ртом, увидев неожиданно изменившееся лицо заведующей. Испугался, что сболтнул что-нибудь лишнее. И надо же, как быстро у этих женщин глаза мокреют! Хотел заверить, что это он сдуру все наболтал ей... Но она, будто ее подтолкнул кто, вдруг выскочила за дверь, и Петька услышал только, как она быстро-быстро заговорила:

— Товарищ майор! Товарищ майор...

«Уже, значит, пришли», — подумал Петька.

Возвращение

Автобус еще спускался с Рагозинской горы, а рагозинцы, обогнав его, уже бежали через сопляковскую поляну.

Понятно, что вся Белая Глина — от мала до велика — тут же высыпала на улицу. А вот как узнали о возвращении беглецов курдюковцы и туринцы — это так и осталось тайной. Во всяком случае, они тоже были здесь, когда невиданной в деревнях красоты желто-красный автобус затормозил в самом центре Белой Глины и из распахнутой его дверцы один за другим вышли путешественники.

В сплошной неразберихе трудно было понять что-нибудь. Для самих путешественников минуты встречи с земляками вспоминались потом очень туманно. Они лишь помнили, что каждый из них в каждую секунду обязательно натыкался на Кольку тетки Татьянина. Помнили, как опять легко и потому чуточку обидно подбрасывал их на прощанье гигант старшина, как затем по-мужски жал им руки, потом жал им руки лейтенант, потом шофер автобуса, потом еще кто-то...

Лишь через час примерно путешественникам удалось вместе со своими подарками от различных свердловских организаций прорваться домой.

И Петьке не хотелось сразу убежать от матери к Никите или на Стерлю, Петька стоял и почему-то не мог смотреть, как, едва прикасаясь, движутся по черному меху развернутой на столе шубы материны руки. Петька и не замечал, что у нее такого цвета руки: белые с коричневым — белые под ногтями и там, где соприкасаются друг с другом пальцы, а коричневые — везде. Руки матери чуточку дрожат. И вдруг Петька видит, как чистая-чистая капля упала на шубу рядом с материной рукой и рассыпалась бисеринками по черному меху. Петька поднял голову.

— Ты чего это, мам? — с досадой спросил он, чувствуя, что и у него предательски пощипывает глаза.

Мать улыбнулась сквозь слезы.

— Ну куда это мне, Петь?.. Зачем мне красота-то такая?

— Вот еще! — сердито сказал Петька. — На ферму пойдешь или к Ягодке зимой — мало ли...

Бабка Алена тоже плакала.

Начальник штаба ходил перед ней взад-вперед и говорил:

— Я, бабушка, думал раз... Ну, в общем, было это — сидели мы с Петькой... Нет у меня, бабушка, матери, ладно? Ты будешь у меня матерью, ладно? И я буду тебе всегда помогать!

Бабкины глаза ничего не видели от слез, а непослушные руки автоматически мяли сыромятину. Никита подошел, осторожно взял у нее ремень, шагнул к гвоздю, хотел повесить, но раздумал и вынес на кухню.

Светка, усевшись возле утят, отчитывала Владьку:

— Как не стыдно?! Ну как не стыдно?! Думаешь, если ты хочешь найти сокровище, другие не хотят? Да?

— Ну, срочно было... — оправдывался Владька.

— Срочно! А может, я тоже могла срочно!.. Нет, если ты еще пойдешь и не скажешь мне...

— Скажу, — быстро заверил Владька.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Ну, смотри... — Светка помолчала. — А знаешь, папа говорит, что ты экс-спо-при-ировал домовладельца. Теперь мы будем жить в этом доме спокойно.

— Да? — спросил Владька. — А Проня чернородого экспоприировал.

Утята подросли за несколько дней, освоились.

— Мама так плакала! Мама так плакала!.. Если ты другой раз не возьмешь меня с собой...

А Мишка тем временем на траве, у опушки леса, собрав вокруг себя всю многочисленную гвардию Кольки тетки Татьянина, безбожно врал:

— Проня мне ка-ак... А я ему как... А тут Петька... А мы со старшиной думаем... А майор говорит, посоветуй, Миш...

У начала эпохи новых войн

Письмо белой ласточкой влетело в окно и упало у самых Петькиных ног. Он выглянул на улицу, никого не увидел и быстро надорвал конверт.

На песчаном мысе в районе Марковых гор по правому берегу Туры сложен Великий Костер Переговоров. Костер по окружности радиусом в сто пятьдесят метров охраняется отрядом непобедимых.

В семь ноль-ноль вечера члены отряда путешествен-

ников должны незаметно пробраться к костру и зажечь его. В то же время костер будут пытаться зажечь дальше-выше-быстрейцы.

Если это не удастся ни путешественникам, ни дальше-выше-быстрейцам, Костер Великих Переговоров на правах победителей в восемь часов вечера зажгут разгозинцы.

Каждый из отрядов дальше-выше-быстрейцев или путешественников, замеченный непобедимыми при попытке преодолеть кольца охраны, считается погибшим и до переговоров выбывает из состязания.

Спички доверяются членам отряда лишь старше четвертого класса. Младших использовать в качестве разведчиков. Медицинским сестрам каждого отряда разбить полевые госпитали... Сигналом к началу состязаний служит поднятый на Марковой горе красный флаг.

Подпись под приказом гласила:

«Командующий всеми фронтами».

— Мам, я побежал! — быстро сообщил Петька и, пулей выскочив на улицу, грудь в грудь столкнулся с начальником штаба.

Оказывается, того уже известили о предстоящем состязании.

Со всех сторон деревни бежали на сопляковскую поляну девчонки и мальчишки, почти от самого грудного возраста.

Через минуту выяснилось, что начальник штаба уже послал Кольку тетки Татьянина объявлять сбор.

Надо было занять в районе Марковых гор удобные позиции до прихода курдюковцев.

— Стройся! — скомандовал Петька.

Отряд человек в сорок, преодолевая неразбериху, выстроился в одну шеренгу. Петька прошелся вдоль строя, разъясняя стоящую перед отрядом задачу. Потом остановился у правого фланга, ткнул пальцем в грудь Никите:

— Начальник штаба! Приказания его выполнять, как мои!

Ткнул в грудь Владьке.

— Главный инженер! По саперным и всем другим техническим работам — самый старший!

Ткнул в грудь Мишке.

— Начальник разведки!

Велел сделать шаг вперед всем, кто еще не дотянул

до четвертого класса, кроме Семки Нефедова, который случайно засиделся в младших классах. Сказал Мишке:

— В твоём распоряжении! Чтобы разведка была у меня всегда!

— Служу Советскому Союзу! — прогорланил Мишка.

Петька ткнул в грудь Семки Нефедова.

— Вратарь!

Подошел к девчонкам.

— Медицинские сестры! Приготовить бинты, носилки!.. — Хотел назначить Светку старшей. Передумал. — Подчиняетесь мне!

Забрал у Мишки Кольку тетки Татьянина, назначил его своим адъютантом, потом возвратился к обойденному при распределении званий Лешке-проньре. Тихо сказал ему:

— Принимаешься сыном полка. Проявишь себя — получишь должность. Отряд, напра-во! За мной марш!..

...До подъема флага на Марковой горе было еще около часа, когда бойцы отряда уже залегли на исходных рубежах вне круга, охраняемого бывшими белогвардейскими фашистами, то есть непобедимыми. Отдыхали перед боем.

Только подчиненные Мишке сразу начали обследовать обстановку. Время от времени к Мишке приходили сведения о засевших на деревьях рагозинцах, и два его разведчика, кажется, уже погибли.

Медсестры торопливо готовили мох, листья подорожника, мягкие стебли хмеля для перебинтовки раненых.

Члены штаба в количестве четырех человек: Петька, Никита, Владька и Мишка — лежали на животах в ложбинке почти у самой линии обороны рагозинцев.

Петька думал о предстоящем сражении.

Начальник штаба глядел в неведомую точку прямо перед собой.

Мишка рассказывал, как он рассказывал о путешествии. Потом сорвал лопух и вдруг хмыкнул:

— Может, замирился?

Владька поглядел на Петьку, Петька — на Владьку.

— Может, сразимся? — спросил Владька.

— В девять ноль-ноль завтра, — сказал Петька.

— Ладно, а потом замирился! — решил Мишка.

Петька глянул на Никиту и даже поежился чуть-чуть. В стриженной голове начальника штаба снова про-

исходило явное столпотворение идей, — того и гляди, выскочит какая-нибудь сверхошеломляющая... Вот сейчас он медленно повернется к Петьке, отсутствующими глазами глянет куда-то сквозь адмирал-генералиссимуса и тихо скажет:

— А ты знаешь...

Показались курдюковцы. Но и со стороны Туринки показался незванный отряд во главе с Серегой-судьей!..

Армия Валентины Сергеевны вырастала не по дням, а по часам.

...В деревне тем временем бабка Алена, привыкшая за эти дни мять в руках тонкую сыромятину, тщетно разыскивала пропавший ремень. Беззлобно ворча себе под нос, она даже вышла на крыльцо, заглянула в кладовку, в сенцы. Потом, подчиняясь какому-то внутреннему побуждению, открыла горевшую плиту и увидела у самой печной дверцы кончик пожухлой от огня сыромятины.

Эпилог

Часов в восемь вечера на деревенскую улицу влетел запыленный «газик». Но встречать его было некому.

Приехавший на «газике» корреспондент московской газеты заглянул к Петькиной матери, потом к Владькиной, съездил на ферму к Мишкиной, минут двадцать поговорил с бабкой Аленой, привычно вертевшей в пальцах кусочек пожухлой сыромятины. Но ни одного из нужных ему людей не нашел.

Вынужденный скоро уезжать, он прошел на берег Туры, вздохнул и сфотографировал пустынный берег в лучах закатного солнца. Эта фотография через несколько дней и появится в газете. С подписью: «Отсюда начиналось их первое путешествие».

Застать самих путешественников ни на второй день, ни на третий корреспонденту не удалось.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Эпоха войн	3
Первое странствие адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба	67
Эпоха скучных ожиданий	135
Второе странствие адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба	195

Для среднего школьного возраста

Евгений Максимович Титаренко

**ОТКРЫТИЯ, ВОИНЫ, СТРАНСТВИЯ
АДМИРАЛ-ГЕНЕРАЛИССИМУСА И ЕГО
НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
НА ВОДЕ, НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ**

Повесть

Переиздание

ИБ № 2293

Редактор Т. Т. Давыденко. Художник Н. И. Литвиненко.
Художественный редактор Г. Д. Попов. Технический редактор Е. А.
Парамонова. Корректор М. Г. Пожидаева.

Сдано в набор 07.08.87. Подписано в печать 23.11.87. Формат
84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,54. Уч.-изд. л. 14,8.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 7876. Цена 75 к.

Центрально-Черноземное книжное издательство, 394053, г. Воронеж,
ул. Лизюкова, 2. Типография издательства «Коммуна», 394746,
г. Воронеж, проспект Революции, 39.